

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ

ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
XLIV

№ 3
июль-сентябрь 2017

ТАШКЕНТ
2017

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИЯ,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор

Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор

Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет

Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО

Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ

Валерий ГЕРМАНОВ

Роман ДОРОФЕЕВ

Татьяна КОТЮКОВА

Вадим МУРАТХАНОВ

Рубен НАЗАРЬЯН

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ

Кирилл СУЛТАНОВ

Алексей УСТИМЕНКО

Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

Стр. 2: Святейший Патриарх Кирилл в Свято-Успенском кафедральном соборе Ташкента (С. 12-14).

Стр. 3: С.П. Юдин. «Кишлак в Новом Маргелане» (1893), «Регистан» (С. 66-75).

Восток Свыше. 2017, № 3 (XLIV)

Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

© Ташкентское и Узбекистанское Епархиальное управление Русской Православной Церкви
© Журнал «Восток Свыше»

...Посетил нас Восток свыше,
просветить идущих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.

Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Григорий КНЯЗЕВ. Сезон дождей – за долгой засухой... 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*

На берегах Тьмы. 450 лет преставления святителя Германа, архиепископа Казанского (6 ноября 1567 года) и 425 лет перенесения его мощей (25 сентября 1592 года) 6

Новостные страницы *иеромонаха Михаила (СТОЛЯРОВА)*

Визит Патриарха, Библия на узбекском языке и новый фильм об архимандрите Борисе (Холчеве) 12

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Роман ДОРОФЕЕВ. «Труды и дни» обновленческого епископа

Гавриила Ольховика 15

Александр ГАЛАК. Настоятель самаркандского Георгиевского храма

протоиерей Петр Княжинский 34

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Всеволод СТРАТОНОВ. Туркестан. Главы из воспоминаний

«По волнам жизни». Публикация, предисловие
и примечания Татьяны Котюковой 41

Валерий ГЕРМАНОВ. Ташкентские кадеты. Сцены из жизни

и последующие судьбы воспитанников 66

ПРОЗА

Борис ШИРЯЕВ. Соловецкие сказы. Публикация и вступительная

статья Михаила Талалая, примечания и послесловие
о Вячеслава Умнягина 76

Содержание (окончание)

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О грехе. О свободе 104

Размышления над Евангелием: страницы протоиерея *Сергия СТАЦЕНКО*

Последние слова Спасителя 107

Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь». Избранные

записи в «Фейсбуке» последних лет 112

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

Михаил КАЛИНИН. Следы в пыли 125

Литературные страницы *Вадима МУРАТХАНОВА*

Бог и художник: диалог с пустотой. О тематическом выпуске
журнала «Разногласия» 137

Авторы номера 141

Информация для авторов 142

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Григорий КНЯЗЕВ

Сезон дождей – за долгой засухой.
Как будто у Христа за пазухой,
В пустыне, пыльною тропой,
Великие семейства, малые
Бредут, голодные, усталые,
Со всех сторон – на водопой.

Борьба на время устаканится,
Пока по Африке протянется,
Спускаясь с гор навстречу им,
Вода, живая и целебная, –
Чудесная, великолепная
Картина пред лицом Твоим.

Всё как бы друг для друга создано,
И каждому по капле роздано,
Мгновенье – и иссяк поток;
И снова в путь слоны отправятся,
Как будто странствовать им нравится, –
Последний бы еще глоток!

Но сколько ненароком брошенных,
На полпути тоской подкошенных
И не дошедших до воды?
Их матери осиротевшие,
Почти не пившие, не евшие,
Едва найдут детей следы...

Без счету их, в ночи блуждающих,
Отставших навсегда, рыдающих
Чужих детей и стариков,
Как будто это мы потеряны
И в направление не уверены,
Как те слоны, что меж песков...

И мы, нескромники и скромники,
Идем к святыне, как паломники,
Идем к оазису – среди
Пустыни мира, озадаченно,
Надеясь, что не всё растрчено;
Гадая – что там, впереди?

Календарные страницы *главного редактора*

На берегах Тьмы

450 лет преставления святителя Германа, архиепископа Казанского (6 ноября 1567 года) и 425 лет перенесения его мощей (25 сентября 1592 года)

Река Тьма течет по тверским землям. Исток берет она с Ильи-Горы и неспешно несет по суглинку свои неглубокие воды к Волге. Тихо плещет едва заметной волной, качая прибрежную ряску.

Сведения об этой реке редки и больше печальны.

У устья Тьмы споткнулся конь князя Глеба, спешившего в Киев по письму своего брата Святополка. «И пришедши ему на Волгу, на усть реки Тьми, на поле подчеса под ним конь во рве». Пострадал и сам князь: упавший конь «надломи ему ногу». Это было дурным предзнаменованием – и точно, вскоре Глеб был убит людьми душегубца Святополка.

На берегах Тьмы произошла и история, подтолкнувшая Пушкина к написанию «Русалки»: возле старой мельницы утопилась от любви крепостная девушка. Эту историю позже рассказали и гостившему в этих краях Левитану. Взволнованный ею, он написал здесь, на Тьме, «У омута» – свою самую тревожную и печальную картину.

И еще на реке Тьме, близ впадения ее в Волгу, у села Отмичи, стоял некогда Покровский Отмицкий монастырь. Обители покровительствовал святитель Акакий Тверской (1482–1567), проходивший некогда в ней иноческое послушание. В 1527 году Акакий стал епископом Тверским, однако Отмичи среди неотложных архиерейских забот не забывал.

Игуменом Отмицкого монастыря на Тьме был в эти годы Герман (Садырев-Полев), о котором и пойдет речь.

«Бе он яко тела великого муж, так и разума многого, и муж чистаго и воистину святаго жительство, и Священных Писаний последователь и ревнитель по Бозе, и в трудех духовных мног».

Так напишет о Германе его современник, князь Курбский.

На берега реки Тьмы Герман прибыл из Иосифо-Волоколамского монастыря.

Епископ Акакий помнил инок Германа по Волоколамскому монастырю, где сам послушался после Отмичей. Инок Герман был весьма искусен в переписке книг, а книжность и ученость святитель Акакий уважал. С тем и назначил ученого монаха настоятелем в Отмичи, на реку Тьму. Возможно, припомнил слова пророка Исаяи, повторенные в Евангелии от Матфея: *Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий...*

А тьмы хватало – и не в одном названии печальной речки.

Пять веков прошло уже с Крещения Руси, а народ оставался темен, шаток в вере, с крепко державшимися языческими обрядами и обычаями. Священство с трудом читало по-церковнославянски, не говоря о других языках. А тут еще стала доходить до русских земель мутная пена, поднятая Реформацией: «прозябе ересь и явился шатание в людех».

Неглубока река Тьма, и вода на ней тихая, покойная; но есть в этом покое что-то мертвое. Часто поглядывал на нее игумен Герман, часто задумывался. *Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий...* Где он, свет этот? Сколько монастырских чернил еще понадобится пролить, сколько книг переписать, чтобы затеплился в российских умах Свет, и тьма не объяла его? Чтобы просветлели воды Тьмы, чтобы заиграли рассветными бликами?

Как долго настоятельствоval Герман в Отмицком монастыре, неизвестно.

В 1551 году он был назначен архимандритом Успенского монастыря в Старице.

Герман был знатного, «светлого рода». Отца его звали Садырь; в крещении – Феодор. «Садырь» имя татарское; был ли он татарин? Курбский писал, что Полевы были «шляхта по отчине». Впрочем, в ту эпоху славяне, бывало, давали своим детям тюркские имена, а тюрки – славянские.

Отец будущего святителя был личностью незаурядной. Вслед за сыном принял в Волоколамском монастыре постриг под именем Филофей. Проходил там послушания келаря, затем казначея; входил в число «соборных старцев» – монастырское правительство.

В 1553 году отец и сын Полевы принимали участие в суде над Матфеем Бакшиным – несостоявшимся русским Лютером. Старец Филофей суд этот возглавлял, а архимандрит Герман отвозил Бакшина, уже осужденного, в Иосифо-Волоколамский монастырь, на вечное заточение.

Участие Филофея и Германа в расследовании ереси Бакшина неслучайно. Оба они, и отец и сын, были иосифлянами – сторонниками и последователями преподобного Иосифа Волоцкого.

Иосифлян называют также «стяжателями», выделяя тем самым только одну черту в этом движении: признание законности монастырского землевладения. Черта эта была важной: именно по ней прошел главный разлом между иосифлянами и сторонниками другого великого заволжского старца, преподобного Нила Сорского, – «нестяжателями». И все же – не только «стяжательностью» были известны иосифляне. Они также были большими книжниками, ревнителями просвещения, миссионерами; горячими воителями с еретиками, – оправдывая, устами самого

преподобного Иосифа Волоцкого, даже «предание их лютым казням». Всем этим иосифляне напоминали орден доминиканцев (который и был создан для борьбы с ересями), а «нестяжатели» – францисканцев; хотя, разумеется, никакого орденского порядка ни у тех, ни у других не было.

Да и вопрос с монастырским землевладением был не так прост. Земельные наделы были залогом хозяйственной самодостаточности монастырей, а значит – и независимости от светской власти, ее милостей и опал. А возвышавшаяся Москва все больше пыталась «приручить» Церковь, подчинить своей самочинной власти. Да и жилось крестьянам на монастырских землях куда вольготней, чем на помещицких.

И еще: Отмичи, Старица, не говоря уже о Твери, где сидел епископ Акакий (постриженный самим Иосифом Волоцким), – все это были земли бывшего Тверского княжества, главного и последнего соперника Москвы. В отличие от Москвы, строившей свою государственную жизнь по ордынским обычаям, Тверь до самого своего падения тяготела к Речи Посполитой и была союзна ей. Понадобится целых три века, чтобы могущественный и гордый город поблек и превратился в зевотное захолустье и грибоедовский Фамусов, обращаясь к Молчалину, произнес свое известное: «И будь не я, коптел бы ты в Твери!».

Во дни же святителя Германа в Твери не «коптели». Один из тверских князей, Андрей Старицкий, будет какое-то время вероятным кандидатом на московский престол; в тверских землях было средоточие иосифлянства.

Нет, иосифляне не были оппозиционны Москве: они деятельно помогали и царю Василию, и сменившему его молодому Иоанну Васильевичу (хотя последний, опираясь на нестяжателей, и попытался в 1551 году лишить монастыри угодий). И все же, то, что святитель Герман входил в круг тверского епископа Акакия и начинал свой пастырский путь, настоятельствуя в тверских монастырях, что-то проясняет в его дальнейшей судьбе, столкнувшей его, уже в годы опричнины, с царем Иваном Васильевичем...

В 1552 году царь Иоанн Васильевич завоевывает Казань, досаждавшую Москве частыми набегами. В 1555 году на присоединенных землях была учреждена Казанская кафедра. Посажен был на нее еще один видный последователь Иосифа Волоцкого, святитель Гурий (Руготин), бывший до того девять лет игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря. Именно под началом святителя Гурия начинал свой монашеский путь Герман; и казанский владыка вспомнил о Германе, отправляясь в земли новые, нерусские, еще не тронутые лучом евангельской проповеди.

В том же году на реке Свияге, притоке Волги, был основан Успенский монастырь. Игуменом его стал архимандрит Герман.

Новый архимандрит живо взялся за дело: проповедовал, крестил, обустроивал обитель. Истинный иосифлянин, он добился выделения монастырю больших запустелых земель в Свияжском и Казанском уездах; стараниями святителя эти земли стали осваиваться. Украсилась новая обитель двумя каменными храмами – Николая Чудотворца и Успения Пресвятой Богородицы, расписанными искусными богомазами.

Особенно важно было донести суть христианской веры до народов, населявших новоприобретенные земли: татар, башкир, чувашей. Насильственного, против воли, крещения не допускалось; и Гурий, и Герман главный упор делали на проповедь, убеждение. *Дабы народ, сидящий во тьме, увидел свет великий...*

А что река Тьма?

Все так же тихо текла, питая Волгу своими водами.

Но другая, невидимая река Тьма, шире своего земного, зримого образа, шире самой Волги, уже выходила из берегов, бурлила и разливала воды по русским землям. И на берегах ее вставали не монастыри, но тюрьмы и плахи и пламенели угли пыточных застенков.

В 1560 году царь Иоанн Васильевич, раздосадованный неудачами в Ливонской войне, упразднил Избранную Раду, круг ближайших своих советчиков и осмотрительных наставников.

В 1565 году царь объявляет об учреждении опричнины. Начались отъемы родовых земель, первые казни среди боярства; посыпались горохом отрубленные головы.

Годом ранее, в 1564-м, умирает святитель Гурий; архиепископом Казанским избирается Герман.

В Казани новый архиепископ пробыл недолго, всего два года; на третий был вызван в Москву. Царь помнит Германа по его участию в суде над Бакшиным – и рассчитывает на поддержку. Отношения Иоанна Васильевича с Церковью стремительно ухудшались: прежний митрополит Афанасий, всего два года пробыв на московской кафедре, оставил ее и удалился в Чудов монастырь. Официальная версия – «по немощи»; по слухам же – убоявшись опричнины.

На вдовствующую московскую кафедру царь Иоанн Васильевич и наметил владыку Германа, надеясь получить себе послушного и помощливого митрополита.

Герман, наглядевшись на дела Грозного, стал отказываться. Тогда царь «провел» свое решение через Собор, послушаться которого святитель уже не мог. До возведения в сан архиепископа поселили на митрополичьем дворе. Здесь, под низкими расписными сводами, закопченными от свечного и лампадного чада, его посетил царь и провел в беседах с ним два дня.

О чем были эти беседы?

Протоколов не велось; есть лишь предположения. Герман был известен как «велик помощник» и заступник «в напастех и в бедах» и, верно, пытался умягчить царя. Печаловался за попавших в опалу, за раздавленных кровавой телегой опричнины. Возможно, прозвучали и имена тверских князей – прежде всего Андрея Старицкого, которого владыка Герман хорошо знал в бытность свою настоятелем Старицкого монастыря... (Через пару лет царь заставит князя Андрея прилюдно испить яда; жену и старшую дочь князя стрельцы, обнажив, расстреляют из бомбард.)

С беседы царь возвратился в великой досаде и «выбирать» Германа в митрополиты перерешил. «Ты еще не возведен на митрополию, – велел передать ему, – а уже отнимаешь у меня свободу!».

Некоторые историки объясняют мрачную подозрительность и жестокость царя тем, что его опаивали мышьяком. Или ртутью, применявшейся в те времена против венерических болезней.

Похоже, однако, что царь пережил гораздо более тяжелое отравление – отравление всевластием, действующим сильнее любого зелья. Оттого и всякое вразумление воспринимал как ожог: «свободу у меня отнимаешь!».

Не случайно Грозного так полюбит Сталин. «Великий и мудрый правитель», – назовет он его в 1947 году. Хотя не без отдельных недостатков, конечно... «Одна из ошибок Ивана Грозного, – заявил Сталин на обсуждении фильма «Иван Грозный», – состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять боярских семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся и молился. Бог ему в этом деле мешал... Нужно было быть еще решительнее».

Тут архитектор второй опричнины, безусловно, был прав: Бог царю Иоанну Васильевичу, и правда, «мешал».

Удалив Германа, царь вызвал в Москву соловецкого архимандрита Филиппа (Колычёва). «Вознесенный» царской милостью из дальних, захолустных Соловков на митрополичью кафедру, Филипп должен быть более покладистым, чем Герман.

Как известно, царские расчеты на Филиппа тоже не оправдались...

Тяжело, душно было владыке Герману в опричной Москве.

В Казань его не отпускали; в столице держали под неусыпным надзором. Пытался Герман поддерживать митрополита Филиппа в назревавшем конфликте того с царем; поддержка опального архиерея, похоже, только разжигала подозрительность Иоанна Васильевича.

Тяжело, темно было в Москве.

Особенно мертвыми ночами, когда жизнь опасливо пряталась за бревенчатые стены и наглухо запертые ставни; перелаивались редкие собаки; все замирало, и только в одних пытошных застенках шла неостановимая работа.

Народ, сидящий во тьме, заливался, потоплялся новой тьмой.

Святитель тихо молился, читал Священное Писание.

И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке... И из Едема выходила река для орошения рая...

Как реку ту райскую звали? Не была она именована. С упоминания ее начинается Священное Писание, ею же, в Откровении Иоанновом, завершается.

И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца.

И виделась эта светлая небесная река, протекавшая по-над Москвой, по-над Казанью и Тверью, всей русской землей, тьмой объятая. И вода реки той была сладка и зело приятна, и играли в ней великие рыбы, и отражалось в ряби ее незакатное солнце...

Святитель оторвался от чтения и напряг слух.

К келье его кто-то приближался тяжелым, не монашеским шагом.

Голова Германа была отсечена двумя ударами топора: одним сзади, другим спереди.

В холодный ноябрьский день святителя схоронили в церкви Николы Мокрого, что в Китай-городе (в советское время была снесена).

В 1571 году опричнина была «свернута»; начались расправы над самими опричниками.

В 1591 году при перестройке церкви Николы Мокрого были обретены мощи Германа, от них начали совершаться чудотворения. По просьбе Казанского митрополита Ермогена они были с великой честью перенесены в Свияжский монастырь.

В 1605 году был задушен последний царь доромановской России – молодой и образованный Федор Годунов, первый русский картограф. В Москву въезжал широкоплечий всадник с бородавками на лице, Димитрий Самозванец; менее чем через год его тело, вымазанное калом и дегтем, с дудкой во рту, будет выставлено на поругание.

Начнется Смутное время.

Рака с мощами святителя в Свияжском монастыре пережила первую русскую смуту, но не пережила второй. В 1923 году она была вскрыта, мощи исчезли; монастырь разграблен, в стенах его по-хозяйски разместилась психиатрическая больница.

В 1997 году монастырь был возрожден, а тремя годами позже – обретена частица мощей святителя Германа, сокрытая под престолом казанского кладбищенского храма.

Возвращены церкви и возрождены и другие монастыри, связанные с жизнью святителя: Волоколамский, Старицкий, Свияжский.

А от Отмицкого монастыря, что на реке Тьме, не сохранилось, увы, ничего.

При Петре Первом он, как и многие другие, захирел: оставались в нем два «черных священника» да два монаха. Местность постепенно размывало; монастырь упразднили, а оставшуюся от него Покровскую церковь вместе с селом в середине девятнадцатого века перенесли на полверсты выше по Тьме. После революции церковь превратили в клуб, крутили в нем «киношку»; в конце тридцатых и клуб разрушили, кирпич и щебень вывезли на баржах на строительство водохранилища.

Осталось только место – неброской, молчаливой красоты; посещаемое любителями лесных прогулок и сплавщиками на байдарках. Говорят, хорошо здесь в летний день, устроившись на траве, долго лежать с прикрытыми глазами и слушать, как перекликаются птицы и тихо плещет светлыми своими водами река Тьма...

Новостные страницы иеромонаха Михаила (СТОЛЯРОВА)

Визит Патриарха, Библия на узбекском языке и новый фильм об архимандрите Борисе (Холчеве)

Центральным событием не только прошедших девяти месяцев 2017 года, но и, пожалуй, всех последних лет в жизни епархии стал визит в Среднеазиатский митрополичий округ Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

27–29 мая святейший владыка посетил Бишкекскую и Киргизстанскую епархию, а с 28 сентября по 2 октября – Ташкентскую и Узбекистанскую епархию. Эти визиты были приурочены к 145-летию с начала церковной жизни в Ташкентской и Туркестанской епархии*.

В рамках своего первого визита в Ташкентскую епархию Святейший Патриарх Кирилл посетил Свято-Троицкий Никольский женский монастырь города Ташкента; отслужил молебен в часовне пророка Даниила в Самарканде; совершил Всенощное бдение в самаркандском храме святителя Алексия Московского; Великий чин освящения ташкентского Свято-Успенского кафедрального собора и первую Божественную литургию на новоосвященном престоле; освятил место строительства Центра православного просвещения и культуры и Музея истории христианства в Средней Азии, которые будут располагаться на территории Духовно-административного центра Ташкентской епархии. Кроме того, он выступил на Торжественном акте в честь 145-летнего юбилея епархии, молился в храме святого благоверного великого князя Александра Невского на Боткинском кладбище, на могилках ташкентских святителей, погребенных на нем, посетил строящийся Синодальный административный центр Среднеазиатского митрополичьего округа.

В ходе визита Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл встретился с Президентом Республики Узбекистан Шавкатом Мирзиёевым, Пред-

* 24 мая 1872 года преосвященный Софония, назначенный за полгода до этого (12 ноября 1871 г.) епископом Ташкентским и Туркестанским, прибыл в г. Верный (Алма-Ата), где вплоть до 1917 года находилась архиерейская кафедра.

седателем Комитета по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан Ортыкбеком Юсуповым, а также Председателем Духовного управления мусульман Узбекистана муфтием Усмонхоном Алимовым.

Свое радушие и гостеприимство проявили также представители административной власти Самарканда и Бухары; Святейший Патриарх Кирилл имел возможность ознакомиться с историческим наследием и культурой этих древних городов.

Завершая свой визит, Предстоятель Русской Православной Церкви поделился своими мыслями относительно взаимодействия Ташкентской епархии с органами государственной власти Узбекистана и о созданных здесь условиях для православных верующих: *«Я радуюсь тому, что в исламской стране Православная Церковь имеет такие условия. У наших священнослужителей есть возможность полноценно развивать церковную жизнь. Нет никаких ограничений. Я увидел новые постройки, которые меня просто поразили, я ознакомился с планами владыки Викентия по строительству духовно-культурного центра и музея. Меня все это очень радует. Ну, и самое главное, – я видел лица наших людей во время богослужения. ... В памяти моей останутся эти светлые вдохновенные лица молящихся православных людей, которые живут в исламском окружении и, по милости Божией, живут в мире и согласии... Очень важно показывать пример тем исламским странам, которые идут по несколько иному пути, потому что модель взаимодействия исламской традиции с государственной властью, модель включения исламской традиции в общественные отношения, которая присутствует в Узбекистане, обеспечивает, несомненно, мир, стабильность, межрелигиозное взаимодействие и, еще раз хотел бы сказать, ограждает людей от соблазна экстремизма».*

Теперь о других, не менее важных событиях. Прежде всего – о почитаемых святынях, возможность поклониться которым получили православные Узбекистана.

9 января, в дни празднования Рождества Христова, из Свято-Успенского Вышенского женского монастыря в Ташкентскую епархию были доставлены ковчег с частицей мощей святителя Феофана, Затворника Вышенского, а также образ Божией Матери, называемый «Казанская Вышенская». Вышенские святыни, сопровождаемые настоятельницей монастыря игуменьей Верой (Ровчан) и сестрами обители, были встречены митрополитом Ташкентским и Узбекистанским Викентием в ташкентском кафедральном соборе Успения Пресвятой Богородицы.

6 мая в Успенский кафедральный собор был доставлен ковчег с мощами новомучеников и исповедников Церкви Русской. Ковчег был привезен из Москвы митрополитом Викентием для поклонения верующими епархий Среднеазиатского митрополичьего округа, в память о 100-летию с начала гонений на Русскую Православную Церковь.

А 20 июня в храм была доставлена икона с частицей мощей святого праведного Павла Таганрогского (1792–1879), чье общецерковное прославление было совершено в прошлом, 2016 году.

19–21 марта 2017 года в Ташкенте прошел Первый форум-фестиваль Духовно-нравственной культуры. Гостями форума-фестиваля стали многочисленные предста-

вители российских организаций, Фонда сохранения духовно-нравственной культуры «Покров», а также дирекция Международного благотворительного кинофестиваля «Лучезарный Ангел». В программу форума были включены конференции, мастер-классы детского художественного творчества «Мой Ангел-хранитель», демонстрация познавательных мультфильмов для самых маленьких, а также показ документальных и художественных фильмов-победителей международного кинофестиваля «Лучезарный ангел».

Состоялись традиционные благотворительные паломнические поездки в Израиль за Благодатным огнем в апреле, накануне Пасхи, и в Екатеринбург на Царские дни в июле.

31 мая в конференц-зале епархиального духовно-административного центра Ташкентской и Узбекистанской епархии прошли ежегодные научно-просветительские чтения памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, учителей славянских, и священноисповедника Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Крымского и Симферопольского. 20 сентября там же прошли пятые научно-просветительские чтения, посвященные дню Среднеазиатского митрополичьего округа, – «Судьбы христианства в Средней Азии: история и современность». На конференциях выступили светские научные деятели, преподаватели и студенты Ташкентской Духовной семинарии.

1 июня в конференц-зале Духовно-административного центра Ташкентской и Узбекистанской епархии прошла презентация первого перевода Библии на узбекский язык – «Мукаддас Китоб». Издание является результатом 25-летней работы, в которой принимали участие профессиональные лингвисты, переводчики, теологи. Мероприятие стало значимым событием в религиозной и культурной жизни Узбекистана. Презентация была организована совместно с Библейским обществом Узбекистана по инициативе Института Перевода Библии и при поддержке Комитета по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан.

17 сентября в рамках фестиваля «Не должно вам быть», посвященного 100-летию с начала гонений на Русскую Православную Церковь, а также новомученикам и исповедникам Церкви Русской, состоялся премьерный показ документального фильма «Исповедник Борис Холчев». Этот подвижник благочестия XX столетия длительное время подвизался в Ташкентской епархии. Милостью Божией в нашей епархии еще живы те люди, духовные чада, которые помнят отца Бориса. Они поделились в фильме своими воспоминаниями о нем. Фильм был снят силами активистов Преображенского братства (Москва).

И, наконец, о совершенных за прошедшие месяцы этого года постригах и рукоположениях. 8 марта инок Августин, насельник Свято-Троицкого Георгиевского мужского монастыря города Чирчика, был пострижен в монашество с именем Аристоклий. 1 апреля клирик Свято-Успенского кафедрального собора иеродиакон Спиридон (Поздеев) был рукоположен в сан иеромонаха. А 20 июня была совершена хиротония во диакона студента заочного отделения Ташкентской семинарии Ковалева Рустика*.

* 2 июня 2017 года во иеромонаха был рукоположен иеродиакон Михаил (Столяров), автор этого материала, руководитель епархиального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ и постоянный автор нашего журнала. (Прим. ВС.)

Роман ДОРОФЕЕВ

«Труды и дни» обновленческого епископа Гавриила Ольховика*

В качестве отправной точки нашего повествования о бывшем обновленческом епископе Гаврииле Ольховике придется привести характеристику из известного «Каталога русских архиереев-обновленцев» митрополита Мануила (Лемешевского). Посвященная Ольховику статья суммируется совершенно уничижительной фразой: «Увольнялся от всех должностей ввиду явной неспособности и малограмотности»¹.

К сожалению, единственное доступное издание «Каталога» дает только самые общие ссылки на источники. Фонды архива обновленческого Синода или «Каталог» епископа Сергия (Ларина), которые активно использовал митрополит Лемешевский, находятся вне досягаемости; трудно определить, откуда именно были взяты подобные сведения. Сам он лично с Ольховиком знаком, вероятнее всего, не был, иначе не стал бы утверждать, что о епископе Гаврииле не имеется дальнейших сведений после его воссоединения с Московской Патриархией².

В действительности, образ малограмотного и бесталанного «живоцерковного» архиерея, непонятным манером прыгнувшего из сельских дьячков во епископы, не совсем точен. Гавриил Ольховик обладал достаточно высоким уровнем грамотности: его почерк являлся образцом канцелярской каллиграфии, да и стиль его писем был более-менее четким и ясным даже в старости. Талантливый самоучка, отец Гавриил относился к числу тех людей, которых стихия революционных потрясений начала XX века вознесла сначала в священники и благочинные, а затем из пресвитеров в архиереи. Карьера почти немыслимая в размеренном сословном обществе уходящей в небытие царской России. Для такого стремительного взлета необходимы и ум, и вполне определенные таланты, а они у Ольховика несомненно присутствовали – о чем и свидетельствует его реальная, а не «справочная» биография.

Гавриил Хрисанфович Ольховик родился 12 июля 1887 года в семье бедного крестьянина-украинца в слободе/селе Поповка Росошанского уезда Воронежской губернии³.

* Журнальный вариант.

В молодости он получил только минимальное образование, окончив в 1899 году Поповское земское сельское одноклассное училище⁴. Остальные знания, в том числе и круг церковных познаний: навык славянского чтения, Катехизис, умение петь на клиросе и регентовать – отец Гавриил, вероятнее всего, изучил самостоятельно и постиг опытным путем при местной сельской церкви.

В сентябре 1907 года Гавриил Ольховик переезжает из Воронежской губернии в Туркестан: он был переведен в Туркестанский диоцез епископом Дмитрием (Абашидзе)⁵. С сентября 1907-го по август 1915 года Ольховик служил псаломщиком в разных церквях Чуйской и Иссык-Кульской долин. Сначала в селе Лебединское Пишпекского уезда, затем в Троицком соборе города Пржевальск (ныне – Каракол), а после – в селе Валериановка Пржевальского уезда⁶.

Новый период в жизни Гавриила Ольховика наступил при следующем епархиальном архиерее – епископе Иннокентии (Пустынском). 16 августа 1915 года владыка Иннокентий рукоположил его в сан диакона в Верненском кафедральном соборе⁷. В сентябре того же года новорукоположенный отец диакон был, согласно собственному прошению, переведен из Валериановки в клир Серафимовской церкви Пишпека (ныне – Бишкек)⁸.

В дореволюционном Пишпеке церковь преподобного Серафима Саровского официально числилась вторым храмом после городского Никольского собора, но по факту стояла на первом месте по размерам и вместительности⁹. Приход храма охватывал западную часть города; большую часть его прихожан составляли русские крестьяне¹⁰. Согласно клировой ведомости за 1916 год, отец Гавриил числился при Серафимовской церкви сверхштатным псаломщиком, – то есть получал не твердый оклад, а вознаграждение от добровольных приношений прихожан¹¹.

После диаконской хиротонии отец Гавриил уверенно двинулся по учительской линии. Еще в Валериановке он преподавал пение в церковно-приходской школе. Теперь же, в Пишпек, с 1 октября 1915-го по март 1918 года он исполнял должность делопроизводителя уездного отделения Епархиального учительского совета, что в эпоху рукописного ведения документации и протоколов было равносильно признанию у него прекрасного почерка и высокого уровня грамотности. Одновременно с этим отец Гавриил занялся преподаванием в местных учебных заведениях. Он устроился учителем пения в Пишпекскую церковно-приходскую школу, а также законоучителем в несколько городских одно- и двухклассных училищ Министерства народного просвещения¹².

За воспроизведенными здесь сухими строками послужных списков и клировых ведомостей скрывается очень примечательная особенность биографии отца Гавриила. Он всеми силами стремился выйти за границы собственного сословия. И это в целом ему удалось. Для крестьянина с минимальным образованием сан диакона (а здесь был важен не столько образовательный ценз, сколько хороший голос и слух), а также возможность преподавать хотя бы и в низших учебных заведениях были прекрасными ступенями вверх по социальной лестнице.

Но были и труднопроходимые препятствия на этом пути через сословные барьеры. К 1916–1917 годам отец Гавриил практически достиг потолка своей карьеры по духовному ведомству; дальше продвинуться ему не дало бы отсутствие семинарского образования, обязательного для рукоположения во священники. Ему предстояло оставаться вечным диаконом.

Неожиданные перемены в судьбу отца Гавриила внес 1917 год. Февральская революция и объявление либеральных свобод взбудоражили российское общество. Необычную активность проявило и православное духовенство; в Семиреченской области стали стихийным порядком создаваться органы приходского самоуправления.

К августу 1918 г. все элементы системы низших выборных органов церковного управления уже существовали во всем Семиреченском викариатстве, к которому отошли приходы Иссык-Кульской и Чуйской областей: это были приходские собрания, приходские советы¹³.

6 апреля 1917 года в Пишпеке прошел съезд духовенства и мирян. Отец Гавриил стал секретарем уездного Церковно-общественного комитета, избранного съездом. Новосозданный орган был призван заменить три упраздненных уездных благочиния и подготовить почву для организации в Пишпеке собственного викариального епархиального управления. В течение года комитет полностью взял в свои руки контроль над церковными делами в уезде, оттеснив от власти епархиального архиерея – викарного епископа Верненского и Семиреченского Пимена (Белоликова)¹⁴.

Еще через год начали действовать постановления Поместного Всероссийского Собора 1917–1918 годов, демократизировавшие церковную жизнь. Соборные определения рекомендовали архиереям прислушиваться к мнению приходских собраний и принимать во внимание предлагаемые ими для рассмотрения кандидатуры настоятелей¹⁵. Надо сказать, что в Пишпекском уезде вопрос о выборности духовенства, вызвавший жаркие споры на Поместном Соборе, получил истолкование в сторону самой широкой церковной демократии.

Весной 1918 года в Токмаке состоялось общее собрание прихода Георгиевской церкви, на котором священником был избран диакон Гавриил Ольховик¹⁶. Случай для церковной практики не рядовой, но характерный для революционной атмосферы того времени. Примечательно, что епископ Пимен не только не оспорил решение Токмакской общины, но и, вызвав отца Гавриила в кафедральный город Верный, 7 апреля 1918 года рукоположил его во пресвитера¹⁷. При царском режиме подобный порядок священнической хиротонии был бы совершенно невозможен.

Вероятнее всего, новоизбранный пресвитер так и отправился бы служить в Токмак, но в его судьбу вновь вмешались непредвиденные обстоятельства. В самом начале 1918 года возник крупный конфликт между настоятелем Серафимовской церкви протоиереем Сергием Удальцовым и вторым священником Андреем Биантовским. Как пишет Е.Е. Озмитель, детально реконструировавшая историю Серафимовской церкви:

...В приходской совет поступило личное заявление о. настоятеля о том, что он снимает с себя обязанности “для сохранения церковного мира”. Общее приходское собрание, которое собиралось 25 марта [1918 г. – *Р.Д.*] <...> обсуждает один вопрос: “о возникших недоразумениях между протоиереем Сергием Удальцовым и свящ. А. Биантовским”. 270 человек прихожан “обоего пола” выслушивают резолюцию епископа на рапорт Пишпекского Уездного Общественного Комитета от 6 марта 1918 г. об устранении их обоих от пастырских обязанностей. Надо обратить внимание на тот факт, что устраняет (или подтверждает самовольное устранение) от пастырских обязанностей не епископ, а Уездный Комитет; епископ лишь выносит резолюцию по уже случившемуся факту¹⁸.

Позднее оставшиеся без духовенства прихожане просили епископа Пимена оставить при Серафимовской церкви о. Гавриила Ольховика в качестве рядового священника. 1 мая 1918 года, опять-таки согласно решению общего собрания прихода, владыка утвердил его в должности настоятеля храма¹⁹.

Пост настоятеля в условиях церковной демократии 1918 года ничем не напоминал доходное место царского времени. Приходской совет Серафимовской церкви полностью оттеснил настоятеля от распоряжения финансами, и на заседаниях совета о. Гавриилу чаще всего приходилось выступать в роли просителя. Настоятель не мог добиться от членов совета прибавки к жалованию для псаломщика, а хозяйственная жизнь храма, по вине все того же приходского совета, все более походила на форменную анархию²⁰.

В декабре 1919 года Ольховик, молодой – по тем временам – 32-летний священник, оказался во главе восстановленного Пишпекского благочиния. Епископ Пимен (Белоликов) был уже три месяца как расстрелян в Верном красными партизанами из карательного отряда И.Е. Мамонтова, а Церковно-общественный комитет прекратил свое существование. На должность «временного исполняющего дела благочинного Пишпекского благочиннического округа» о. Гавриила утвердил Ташкентский архиепископ Иннокентий (Пустынский), в непосредственное управление которого перешло Семиреченское викариатство. Через полгода, 6 мая 1920-го, съезд духовенства и мирян Пишпекского уезда признал решение архиепископа и в свою очередь избрал Ольховика благочинным²¹. Церковная демократия начала XX века требовала если не подтверждения, то, по крайней мере, народного одобрения архиерейских решений.

В должности благочинного отец Гавриил пробыл с 1919 по 1921 годы, в очень сложное для Церкви время. С января 1919 года в Семиречье вступил в действие печально известный декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», лишивший религиозные организации имущества и прав юридического лица. У церквей реквизировалась собственность, и лишь затем, на основе отдельных постановлений местных органов власти, какую-то ее часть передавали обратно общинам верующих. Некоторые храмы Пишпекского благочиния были закрыты.

Несмотря на неблагоприятную обстановку, отец Гавриил проявил себя как активный и преданный Церкви благочинный. Е.Е. Озмитель так характеризует его деятельность в эти годы:

Оставшись благочинным и единственным священником на несколько городских и сельских приходов, он всячески пытался сохранить церковное имущество от национализации, ходатайствовал по просьбе прихожан перед советскими властями о преподавании их детям Закона Божьего, пытался препятствовать закрытию храмов. За это и пострадал. Клировая ведомость Свято-Серафимовского храма г. Пишпек заканчивается следующей записью в послужном списке о. Гавриила, сделанную очень неразборчиво, другой, нежели весь текст, рукой: «По причине заключения гражданскими властями в концентрационный лагерь с 23 июня 1921 года сроком на 5 лет, резолюцией Арх[иепископа] Иннокентия от 8 июня 1922 года за № 1425 отчислен от должностей Благочинного и настоятеля Серафимовской Пишпекской Церкви»²².

Впоследствии отец Гавриил умалчивал об этом заключении в своих послужных списках и автобиографиях. Согласно его собственной версии, он без перерыва находился на должности благочинного вплоть до 1 сентября 1931 года²³. Для такого умолчания могли быть разные причины. Возможно, Ольховику не хотелось афишировать свою первую судимость, которая вместе со вторым арестом и осуждением (о них речь будет далее) делала его в глазах властей и окружающих политическим рецидивистом. Быть может, автор записи в клировой ведомости по какой-то причине зафиксировал не вполне верную информацию и дело ограничилось только арестом и предварительным заключением на этапе расследования. Но при любом варианте развития событий к маю 1923 года Ольховик должен был находиться на свободе. Вероятно, талантливый самоучка и выходец из крестьянского сословия не предполагал, что весной 1923-го в его жизни начинается, пожалуй, самый значительный период.

В своем последнем послужном списке, составленном в архиерейском сане, отец Гавриил напишет следующую фразу: «В мае месяце 1923 года примкнул к обновленческому движению духовенства в Русской Церкви»²⁴.

В январе 1923 года в Туркестанскую епархию пришла обновленческая реформация, отозвавшись в Ташкенте вынужденным бегством архиепископа Иннокентия, тихим консисторским переворотом и ярким протестным движением.

К маю 1923-го в столице Туркестанской республики²⁵ уже сформировались два центра церковного притяжения. Первый составлял Епархиальный совет, двое из важнейших функционеров которого – протоиереи Сергей Уклонский и Григорий Брицкий²⁶ – выступали за признание Высшего Церковного управления (ВЦУ), созданного обновленцами в Москве органа центральной власти. В столице Туркестанской республики к тому времени уже действовал уполномоченный ВЦУ протоиерей Алексей Микулин, обеспечивающий поддержку Епархиальному совету со стороны местного НКВД. «Трио» Брицкий, Уклонский и Микулин осуществляло в епархии тихий переворот.

Протестным методам борьбы в духе революционного времени отдавали предпочтение лидеры второго центра – протоиерей Михаил Андреев и священник Валентин Ясенецкий-Войно²⁷. Они действовали в тесном тандеме и изо всех сил стремились сорвать признание ВЦУ в Туркестанской епархии. С этой целью ими был создан «Союз приходов Туркестана», а также была предпринята попытка организовать альтернативный Епархиальный совет. Действовали отцы Андреев и Ясенецкий-Войно очень решительно: собирали митинги, почти месяц удерживали захваченную канцелярию Туркестанского Епархиального управления. Однако признания властей «Союза приходов» не получил и в конечном итоге был распущен.

В конце мая – начале июня раскол диоцеза стал свершившимся фактом. Оба центра – и прообновленческий, и староцерковный – «обзавелись» собственными архиереями. 23 мая 1923 года ВЦУ санкционировало рукоположение на Туркестанскую кафедру женатого епископа Николая Коблова. И первый обновленческий владыка уже находился на пути в Среднюю Азию.

В свою очередь активисты распущенного властями «Союза приходов» нала-

дили связь с сосланным в Туркестан епископом Андреем (Ухтомским), последовательным противником обновленческого ВЦУ. Владыка Андрей постриг о. Валентина Ясенецкого-Войно в монахи, а затем организовал его тайную архиерейскую хиротонию в ночь с 30 на 31 мая 1923 года. Новорукоположенный епископ Лука носил титул Барнаульского викария, но для ташкентских староцерковников легитимным архиереем был именно он, а не женатый «живоцерковник» Коблов.

Первые месяцы туркестанской обновленческой смуты отец Гавриил провел вдали от Ташкента – в уездном Пишпекке (если не находился в это время в следственном изоляторе); основные события начальной стадии раскола прошли мимо него. Однако 2–3 мая 1923 года в Ташкенте состоялся первый обновленческий съезд духовенства и мирян Туркестанской епархии, окончательно закрепивший победу обновленцев в диоцезе. В его работе Ольховик участия не принимал; депутаты от Семиречья на это собрание вообще не приехали²⁸. Но вполне возможно, что он мог признать власть «живоцерковного» Епархиального совета, а соответственно и московского ВЦУ, уже после съезда, когда стало окончательно ясно, что победа осталась за сторонниками обновленческой партии.

В благодарность Ольховик мог получить подтверждение полномочий Пишпекского благочинного, теперь уже обновленческого²⁹. После уклонения в раскол очередные для священника награды также не обходили его стороной: в 1924 году он был награжден набедренником, в 1925-м – правом ношения скуфьи, в 1926-м – камилавкой.

Причины, побудившие о. Гавриила примкнуть к обновленческому движению, не вполне ясны. В 1944 году он будет объяснять свою мотивацию слишком официальным образом, чтобы быть полностью откровенным. В прошении о принятии в Патриаршую Церковь владыка Гавриил напишет:

Отход от Нея [Патриаршей Церкви – Р.Д.] был продиктован временем, и я, как и другие, в поисках лучших способов сохранения и внедрения в сознание верующей массы Идеала Христианства и прогресса Церкви, сознательно стремясь к высотам понятий о вере во Христа – стал тогда на новую платформу, видя впереди себя мощный коллектив Архипастырей и мирян-богословов. Пережитое и пережитое на протяжении этого времени показало ту пропасть и ту грозную опасность разделений, которые как результат вольности ожидают впереди³⁰.

В тексте прошения Ольховик воспроизведет официозную риторику в стиле обновленческого «Вестника Священного Синода», но при этом не менее старательно уйдет от разъяснения конкретных причин своего отпадения в раскол. Убежденным «живоцерковником» он, вероятнее всего, не был. Хотя какие-то отдельные положения из обновленческой «платформы» вполне могли ему импонировать. К примеру, русификация богослужения или более широкие права для белого духовенства. Но не более того.

После перехода к обновленцам отец Гавриил по-прежнему продолжал служить в Пишпекке, который к тому времени из уездного города неуклонно преображался во Фрунзе, новую перестроенную столицу Каракиргизской Автономной области, а затем – Киргизской АССР.

До 1926 года Пишпекское благочиние входило в состав обновленческой Джетысуйской (Семиреченской) епархии, и отец Гавриил напрямую подчинялся архиепископу Алексию Маркову, занимавшему кафедру в Верном/Алма-Ате. Примерно в апреле 1926-го на территории большей части северной Киргизии была учреждена епархия, имевшая, по крайней мере на первых порах, статус викариатства в составе Джетысуйского диоцеза.

Согласно материалам М.Е. Губонина и «Каталогу» митрополита Мануила (Лемешевского), Пишпекскую епархию в 1926-м и 1928–1930 годах последовательно возглавляли три обновленческих архиерея: епископ Зосима (Александр Сидоровский), архиепископы Аристарх (Николаевский) и Арсений (Покровский)³¹. В 1930 году епархия по неизвестной причине была упразднена.

О фрунзенском периоде в биографии Ольховика известно чрезвычайно мало. Документация диоцеза практически полностью утеряна³², поэтому нельзя точно определить положение о. Гавриила в его административной структуре. Можно предполагать, что должность Пишпекского/Фрунзенского благочинного по каким-то причинам была сохранена даже после учреждения в Пишпекке архиерейской кафедры.

Весной–осенью 1927 года по Средней Азии и Казахстану совершал «благовестническое» и отчасти инспекционное турне обновленческий митрополит Александр Введенский. Для Синодальной церкви 1920-х годов Введенский являл собой яркую фигуру, вообразившую черты партийного вождя, главного идеолога и «медийного лица», как сказали бы сегодня. При бесцветном председателе Синода митрополите Вениамине (Муратовском) он пользовался практически неограниченной властью.

Во время своего путешествия митрополит Александр посетил Фрунзе, и отец Гавриил сумел произвести на столичного гостя самое выгодное впечатление. Позже Введенский во время одного из выступлений будет делиться своими путевыми впечатлениями:

Дальше я еду в Пишпек. <...> Религиозная жизнь там сложна и довольно своеобразна: собор, во главе со священником о. Пономаревым перекочевал в тихоновщину. Город делится на две части: Пишпек и Джунгаровка – где живут китайцы, эмигрировавшие из Китая. Там же живет наш священник о. Ольховик, без законченного среднего богословского образования, но один из самых интересных работников, которых мне пришлось встретить в Средней Азии. Он сумел сцементировать вокруг себя простой народ, который является ревностным обновленцем.

Под влиянием богослужения, которое мы совершили в Серафимовской церкви, и под впечатлением лекций, народ тихоновской ориентации потребовал от тихоновского священника, чтобы он пригласил меня служить. Я заставил этого священника покаяться в тихоновском заблуждении. Конечно, мы, обновленцы, не прибегаем к мерам, унижающим достоинство священника, как это делают староцерковники, мы только просим, чтобы он сознался в своем заблуждении перед народом. Когда я приехал в собор, священник Пономарев встретил меня прекрасной речью, в которой сказал, что он вверяет себя и паству в ведение Св[ященного] Синода. Таким образом, чрезвычайно эффектно мы присоединили центральный собор.

Интересно здесь то, что с тем же поездом, с которым приехал и я, прибыл тихоновский епископ Мелхиседек³³, поставленный бродячими тихоновскими архиереями³⁴. Сюда он приехал для того, чтобы сделать священника Пономарева полномочным благочинным

всей северной Азии. И он видит дикое зрелище. Тот, которому он хотел вверить все бразды правления, переходит в ведение Св[ященного] Синода³⁵.

Это сообщение было рассчитано, скорее всего, на некритическое восприятие восторженных слушателей. Столь быстрое присоединение к обновленчеству целой тихоновской общины могло иметь более глубокие причины, чем одно торжественное богослужение вместе с о. Гавриилом и несколько публичных апологетических лекций³⁶.

Можно предполагать, что по возвращении в Москву митрополит Александр не забыл «одного из самых интересных работников в Средней Азии»: в том же 1927 году отец Гавриил был награжден наперсным крестом, а в 1928-м – возведен в сан протоиерея.

Следующее важное событие в жизни Ольховика произошло через четыре года, возможно, также не без вмешательства Введенского. 1 сентября 1931 года отец Гавриил был вызван из Фрунзе в Москву по распоряжению обновленческого «Священного Синода Православных Церквей в СССР». Готовилась его хиротония во епископы города Торжка³⁷. К этому времени (примерно в 1930/1931 году) отец протоиерей овдовел, а потому архиерейское рукоположение носило целибатный характер – пострижения в монашество от него не потребовали.

Совершилась хиротония 27 сентября 1931 года в храме св. апостолов Петра и Павла на Ново-Басманной улице³⁸. Среди рукополагавших епископа Гавриила архиереев, кроме самого митрополита Александра Введенского, были митрополит Леонид (Скобеев) – один из старейших обновленческих архиереев: в 1922 году, на заре раскола, он числился титулярным епископом Верненским, но на кафедру выехать так и не смог из-за неурядиц Гражданской войны; митрополит Николай Федотов – возглавлявший обновленческую Среднеазиатскую митрополию в 1924-1927 годах, а также двое малоизвестных епископов: Сергей (Андреев) и Иоанн (Мокрин)³⁹. На момент архиерейской хиротонии епископу Гавриилу Ольховику исполнилось сорок четыре года.

Первоначально архиерейский путь епископа Гавриила проходил через настоятельские места в небольших городах Центральной России. В своих автобиографиях Ольховик будет указывать, что в 1931–1932 годах он «служил епископом» в городах Калинин (ныне – Тверь), Ржеве, Алексине и Покрове Московской области⁴⁰. Скорее всего, его назначение на кафедру в Торжок было номинальным условием, необходимым только для хиротонии.

Такое предположение отчасти подтверждают данные «Каталога» митрополита Мануила, где указывается, что владыка Гавриил был рукоположен во епископа Новоторжского Тверской епархии в сентябре 1931 года, но в том же месяце «уволен за штат и командирован в распоряжение Западного О[бновленческого] М[итрополичьего] Ц[ерковного] У[правления] для получения должности настоятеля в г. Ржеве»⁴¹. То есть, свою первую кафедру он практически не занимал. В том же «Каталоге» отмечено, что епископ Ольховик в декабре 1931 года состоял на должности настоятеля в Покрове в обновленческой Московской митрополии⁴².

Для Синодальной церкви начала 1930-х годов епископ в качестве настоятеля прихода – картина если не обычная, то и не шокирующая. В то время многие обновленческие архиереи из-за тяжелого материального положения часто перемещались с кафедры на кафедру, и значительное число епископов занимало настоятельские места⁴³. Владыка Гавриил здесь не был исключением.

С какой целью Ольховика вызвали для епископской хиротонии? Ведь не для последующего же назначения новопоставленного епископа на «престижное» место ржевского настоятеля.

В 1931 году совпало несколько решающих факторов. Отец Гавриил примерно в это время овдовел и перешел, согласно обновленческому прочтению норм канонического права, в категорию клириков, способных принять архиерейский сан. И митрополит Введенский или кто-то еще из синодалов вполне мог учесть как вдовство Ольховика, так и его многолетний опыт по управлению Фрунзенским благочинием.

Хиротония отца Гавриила во епископы, скорее всего, имела конечной целью восстановление недавно закрытой Пишпекской епархии. В этом случае становится понятным участие в его рукоположении двух митрополитов, номинально и реально связанных со Средней Азией: Леонида (Скобеева) и Николая Федотова. После условного назначения в Торжок Ольховик достаточно скоро должен был отправиться епархиальным архиереем во Фрунзе. Но реставрация кафедры по каким-то причинам сорвалась, и владыке пришлось два года подряд менять одно настоятельское место за другим в пределах Западной и Московской областей РСФСР.

Полноценным епархиальным архиереем Ольховик смог стать только в 1933 году – накануне системного кризиса, навязанного Синодальной церкви советской властью. С 1933 по 1934 годы епископ Гавриил управлял обновленческими епархиями в Центрально-Черноземной области РСФСР: Борисоглебской и Старо-Оскольской⁴⁴. Но в 1934 году владыка ушел на покой и, вероятнее всего, через какое-то время перебрался из Центральной России в Западный Казахстан. С 16 августа по 28 октября 1937 года Ольховик проживал в городе Актюбинск (ныне – Актобе), где служил настоятелем Александро-Невской церкви⁴⁵.

В связи с пребыванием Ольховика в Казахской ССР прекрасно информированный в обновленческих делах ташкентский протоиерей Григорий Брицкий сделал очень интересную ремарку на одном из его послужных списков:

Епископа Гавриила Ольховика я знал еще как священника при Церкви во имя преп[одобного] Серафима в г. Пишпек (Фрунзе). Затем я слышал от протоиерея *<пробел в тексте>* об Ольховике, как об епископе Актюбинском, с которым указанный прот[оиерей] вместе служил в Актюбинске⁴⁶.

Исходя из этого замечания, можно предположить, что владыка Гавриил в 1937 году мог номинально занимать Актюбинскую обновленческую кафедру.

1934 год открыл для обновленческого духовенства эпоху репрессий. Власть взяла курс на частичное свертывание обновленческого проекта, и карательная машина захватывала все большее число клириков, до этого времени считавшихся неприкосновенными.

Если владыка Гавриил и рассчитывал, что переезд в Казахстан сможет спасти его от преследований, то отсрочить неизбежное ему удалось только на несколько лет. Арестовали его 28 октября 1937 года в Актюбинске, в самый разгар большого террора. Осужден Ольховик был по самой «популярной» политической статье 58.10 УК РСФСР (антисоветская деятельность) на десять лет исправительно-трудовых лагерей. Заключение он отбывал в Угличе⁴⁷.

Из заключения владыка Гавриил вышел только во время Великой Отечественной войны, в период ослабления жесткого давления на Православную Церковь. В сентябре 1943 года его сактировала врачебная комиссия лагеря по состоянию здоровья. А 10 ноября Ярославский окружной суд, рассмотрев дело Ольховика, вынес решение об освобождении из-под стражи по инвалидности⁴⁸.

Где-то в глубине Средней Азии до 1947 года в киргизском селе служил в качестве сельского священника епископ Гавриил Ольховик. Вот и все, что осталось от обновленческой организации к концу войны⁴⁹.

За вычетом некоторых неточностей (о которых будет сказано далее), это свидетельство историков обновленчества А.Э. Левитина-Краснова и В. Шаврова довольно верно передает «труды и дни» обновленческого владыки в период от 1943-го и вплоть до 1949 года. Несколько лет он будет служить сначала сельским епископом, а затем и сельским священником.

Вскоре после освобождения владыка Гавриил вновь перебрался в Киргизскую ССР. По неясным причинам, вместо хорошо знакомой ему Северной Киргизии он оказался на юге республики – в Джалал-Абадской области. Среднеазиатским диоцезом в 1943 году управлял обновленческий епископ Сергей (Ларин), иерарх довольно энергичный, взявший под свой контроль большую часть местных «живоцерковных» общин. 28 ноября он назначил Ольховика на небольшой Иоанно-Богословский приход в селе Октябрьском, примерно в 40 километрах от Джалал-Абада⁵⁰.

Заняв настоятельское место, владыка Гавриил попал в подчинение к Джалал-Абадскому благочинному, обновленческому священнику Леониду Виноградову, человеку ловкому и предприимчивому. На севере Киргизстана в это же самое время часть обновленческих приходов контролировал один из преемников Ольховика – благочинный Фрунзенского округа протоиерей Иоанн Алексеев, знакомый ему еще по пишпекским временам. Обоих благочинных владыка недолюбливал, обоснованно считая их авантюристами. Отношения с Виноградовым у него складывались сложно: от сотрудничества до прямой конфронтации.

Между тем время, отпущенное обновленческому расколу, стремительно истекло. 12 октября 1943 года одной резолюцией Сталин перечеркнул историю обновленческой церкви. В условиях нового партийного курса советская власть признавала в качестве более или менее официальной только недавно еще гонимую Патриаршую Церковь⁵¹. Обновленцам теперь приходилось делать нелегкий выбор и идти на сближение с Московской Патриархией.

В ноябре 1943 года, вскоре после назначения владыки Гавриила на Октябрь-

ский приход, епископ Сергей (Ларин) под каким-то благовидным предлогом уехал в Москву, бросив епархию на произвол судьбы. В конце декабря того же года Ларин принес покаяние в грехе раскола перед патриархом Сергием (Страгородским) и был принят в общение в сане простого монаха. В отсутствие правящего архиерея часть приходов епархии принялись наводить контакты с Патриархией, в переговоры вступили также члены Епархиального совета – протопресвитеры Григорий Брицкий и Иоанн Лозовой⁵².

Довольно скоро новости о брожении в диоцезе начали проникать в удаленную от епархиального центра Джалал-Абадскую область. В феврале 1944 года обеспокоенный развалом епархии владыка Гавриил отослал из своего села в Москву тревожную телеграмму митрополиту Александру Введенскому, с которым, видимо, и до этого случая поддерживал какую-то связь. В телеграмме Ольховик сообщал, что обновленческие приходы переходят в Патриаршую Церковь и он не знает, что ему предпринять⁵³.

Введенский на тот момент сам находился в довольно непростом положении. В 1939 году он сосредоточил в своих руках власть в обновленческой церкви и сумел восстановить в ней «самораспустившееся» по указанию властей в 1935 году центральное управление. Но к началу 1944 года у митрополита Александра было слишком мало ресурсов для противодействия развалу хоть какой-то обновленческой епархии. Власти, в лице недавно образованного Совета по делам Русской Православной Церкви (СД РПЦ), не были склонны одобрять его административные инициативы.

28 февраля 1944 года митрополит Александр отправился на прием к председателю СД РПЦ Георгию Григорьевичу Карпову. Во время встречи, среди прочих тем для обсуждения, он рассказал Карпову о телеграмме Ольховика и попытался согласовать с ним назначение владыки Гавриила «архиепископом Средне-Азиатским, с выездом в Ташкент». Но Карпов эту инициативу не одобрил, согласившись только на перевод владыки на Урал – викарным епископом к обновленческому митрополиту Филарету (Яценко)⁵⁴. Но и это назначение по каким-то причинам так и не состоялось.

В феврале 1944 года епископ Гавриил Ольховик был одним из немногих архиереев, все еще державшихся за стремительно разваливавшуюся обновленческую церковь и за митрополита Александра Введенского. В этом отношении А.Э. Левитин и В. Шавров были, несомненно, правы.

Что удерживало владыку Гавриила в обновленческой среде? В число ярко выраженных идейных обновленцев он, вероятнее всего, не входил. По крайней мере, свидетельств его личных обновленческих убеждений в доступных материалах не обнаружено. Единственное, что было инкриминировано Ольховику после его покаяния и перехода в Патриаршую Церковь, выражено одним параграфом из рапорта ташкентского епископа Гурия (Егорова) в Патриархию от 10 октября 1947 года:

...Священник Ольховик – принесший покаяние обновленческий епископ.

В прежнем своем приходе [в селе Октябрьском – Р.Д.], очень бедном и отдаленном от центра, он проявил себя как пастырь и церковный хозяин. Правда, – он позволял себе иногда

вольности, непринятые в Православной Церкви (Шестопсалмие на русском языке, именование себя в быту «владыкой»), но после моего указания он обещал все это оставить⁵⁵.

Фактически, из всего набора обновленческой идеологии в этом отрывке можно увидеть только намек на некоторую приверженность к русификации богослужения – если считать за таковую чтение Шестопсалмия в русском переводе на утрене, во время всенощного бдения.

Можно лишь предположить, что Ольховика удерживал психологический фактор. Переход в Патриаршую Церковь на выдвинутых Патриархией условиях был равносителен для него утере архиерейского сана и низведению до уровня простого священника. Патриарх Сергей не признавал обновленческие хиротонии и награды, а потому владыке Гавриилу трудно было рассчитывать даже на сохранение протоиерейства, полученного от обновленческого Синода в 1927 году. Епископским же саном Ольховик, скорее всего, дорожил. Иначе он бы не стал служить архиерейским чином у себя на приходе, раздражая и без того настроенного против него благочинного Виноградова⁵⁶.

Впрочем, 18 мая 1944 года владыка Гавриил наконец-то решился и сделал, как ему, наверное, тогда казалось, свой окончательный выбор. Он отправил почтой в Ташкент свое первое прошение «о принятии в общение с Патриаршей Русской Православной Церковью». Послал его Ольховик на имя протоиерея Григория Брицкого, для передачи архиепископу Алексию (Палицыну) – действовавшему в регионе представителю Патриархии, в задачу которого входило присоединение местных обновленцев⁵⁷. Однако владыка опоздал. Во второй половине мая архиеп. Алексей уже завершил свою миссию и покинул Ташкент.

Возможно, эта неудача обидела владыку Гавриила, или же он вновь решил сделать ставку на Введенского. Но получив известие о покаянии и переходе в Патриаршую Церковь о. Иоанна Алексева, он в августе 1944 года написал ему жесткое и отчасти даже язвительное письмо:

Митрофорному Протоиерею о. Иоанну А л е к с е е в у.
Расскажите, каково Вам после раскаяния в 20-летнем «заблуждении», и когда Вы больше были в заблуждении тогда или же теперь?
О. Иоанн! Возглавьте себя высшим достоинством седовласого протоиерея и борца – Митрой, и не двоедушничайте.

Епископ Гавриил⁵⁸.

Несмотря на эти громкие фразы, повторное прошение о воссоединении епископ Ольховик все-таки подал не далее как через месяц – в октябре того же года, новоназначенному Ташкентскому епископу Кириллу (Поспелову). Еще через два месяца – в двадцатых числах декабря 1944 года – владыка Гавриил приехал из Ферганской долины в Ташкент. В Епархиальном управлении он встретился с другим обновленческим архиереем – архиепископом Александром Рябцовским, прибывшим для покаяния из Фрунзе.

Епископ Кирилл присоединял Ольховика и Рябцовского к Патриаршей Церкви в один день: 27 декабря 1944 года. И, возможно, в подходе к чину покаяния четко

проявилась психологическая разница между двумя этими людьми. Владыка Александр, человек суховатый и сдержанный, предпочел ограничиться частным покаянием перед правящим архиереем⁵⁹. Но владыка Гавриил решил принять предложение епископа Кирилла о публичном покаянии в присутствии ташкентского духовенства⁶⁰.

Согласно сохранившемуся полупротокольному акту, воссоединение епископа Ольховика с Патриаршей Церковью выглядело следующим образом.

27 декабря, в два часа дня, в ташкентском Александро-Невском кафедральном соборе (кладбищенская церковь) собрались священнослужители, большинство из которых принадлежало к кафедральному причту. Белое духовенство возглавляли три протоиерея: настоятель собора отец Григорий Брицкий, благочинный Ташкентского округа и соборный ключарь отец Павел Медведев, а также отец Александр Щербов. Вместе с ними присутствовали священники Венедикт Покровский, Петр Константинов и два диакона – Петр Полукаров и Иоанн Фомин.

Чин покаяния, вероятнее всего, совершался в алтаре собора, возле престола, перед св. крестом и Евангелием. «По совершении положенных молитв обновленческий Епископ Гавриил Ольховик принес Епископу Кириллу покаяние в пребывании в течение 21 года в обновленческом расколе...»⁶¹. Возможно, владыка Гавриил зачитал перед собравшимися заранее подготовленную покаянную речь:

Я, нижеподписавшийся, исповедую Господу Иисусу Христу и Его Пречистой Матери и всем Святым, и тебе, Святейший Владыко, и вам всем, боголюбезнейшие отцы и братие, мое великое согрешение: еще в 1923 году я уклонился в обновленческий раскол и вот закосялся в нем до настоящего времени. Неправду обновленчества я чувствовал, старался даже не участвовать в канонических нарушениях: второбрачных не рукополагал, в хиротониях женатых епископов не принимал участия. Сделавшись жертвою злостного обмана, будто бы обновленческий собор 1923 г[ода] требует от епископов-монахов отречения от монашества – я болел душой, будучи сам приходским священником. Теперь сам я обо всем этом глубоко сожалею и искренне раскаиваюсь. Навсегда отрекаюсь от всякого общения с обновленческим сборищем, отвергаю полученные от них награды.

Клятвенно обещаюсь до последнего моего издыхания быть верным и послушным служителем Святой Патриаршей Русской Церкви, в общение с которой принять меня усердно прошу и молю. Прости меня, Святейший Владыко, и благослови и помолись о мне грешном.

Обновленческий Епископ Гавриил Ольховик⁶².

Можно предположить, что после публичного покаяния епископ Кирилл возложил на голову бывшего архиерея омофор и прочитал разрешительную молитву. Принят в общение Гавриил Ольховик был в сане священника.

В 1944 году ему исполнилось 56 лет.

Воссоединение с Патриаршей Церковью не принесло отцу Гавриилу практически никаких преимуществ. Отношения с епископом Кириллом у него также категорически не складывались. Все предложения Ольховика о ревизии Джалал-Абадского благочиния поддержки у архиерея не встретили⁶³. Его прошение о переводе из бедного Октябрьского на более обеспеченный Джалал-Абадский при-

ход владыка отклонил с краткой резолюцией: «Оставить без последствий, место занято»⁶⁴.

Другое предложение отца Гавриила – по устройству на юге Киргизской ССР отдельного благочиннического округа, – епископ Кирилл все-таки принял во внимание. Но на пост благочинного назначил настоятеля Ошского прихода протоиерея Петра Страдомского, хотя прекрасно знал, что Ольховик имел виды на это место.

Одновременно владыка неизменно отвечал согласием, если отец Гавриил просил из епархиальной канцелярии документы (послужные списки и рекомендации) для возможного перехода в другую епархию... Вероятно, владыку настроили против отца Гавриила доносы отца Леонида Виноградова с обвинениями в интригах внутри благочиния и архиерейских амбициях. Быть может, епископ изначально не был расположен к нему, как к бывшему обновленческому архиерею. В любом случае, владыка Кирилл явно не возражал бы против «добровольно-принудительного» перевода Ольховика в другой диоцез.

Сверх ожидания отец Гавриил прослужил в селе Октябрьском вплоть до 1947 года. За это время в епархии произошли существенные перемены, непосредственным образом отразившиеся на его дальнейшей судьбе.

Распалось Джалал-Абадское благочиние; входившие в него приходы влились в Южно-Киргизский округ. На севере Киргизской ССР, во Фрунзе, образовался устойчивый тандем республиканского уполномоченного СД РПЦ А.М. Соловьева и благочинного протоиерея Александра Рябцовского. Тандем настолько влиятельный, что совместными усилиями благочинного и уполномоченного Фрунзенский округ очень скоро приобрел характер полуавтономии внутри диоцеза⁶⁵.

В августе 1946 года на Среднеазиатскую кафедру был назначен епископ Гурий (Егоров). При новом епархиальном архиерее Ольховик вновь принимается за хлопоты о переходе на другой приход.

Главной причиной, видимо, было тяжелое материальное положение бывшего архиерея. Во время Великой Отечественной войны у него погиб сын Александр, оставив вдовой свою супругу Маргариту и сиротами четверых детей. С 1945 года отец Гавриил регулярно отсылал ей денежное пособие. Но в начале 47-го года бедствующая невестка вместе с детьми переехала в Октябрьское, и доходов с небогатого молитвенного дома перестало хватать на разросшееся до шести человек семейство.

В сентябре 1946 года отец Гавриил просил у владыки Гурия о назначении на более солидный приход. Епископ планировал переместить его в Наманган; затем предложил место в иссык-кульской Покровке (ныне – Кызыл-Суу), но Ольховик по неясной причине отказался⁶⁶.

В марте 1947 года отец Гавриил впал в совершенную нищету и прислал владыке Гурию письмо с извинениями за свой отказ, в котором опять поднял вопрос о бедственном состоянии своей семьи:

Догадываюсь, что изменение моего семейного положения вызвало Вашу отеческую заботу об улучшении моего материального положения. Но я отказался занять Покровку, ибо само предстоящее передвижение 6-членной семьи явилось бы полным разорением.

Эту несчастную семью поддерживал я с 1945 г. Кроме их в равной мере высылал средства еще и слепой 83-летней старушке маме. Наконец, на мольбы невестки разрешить им приехать ко мне – я согласился. И выслал путевые издержки. Приехали они 27 февраля, голодные, опухшие, голы и босы. Прошлый год я сеял огород, и собранный урожай гороху, фасоли и кукурузы (около 12 п[удов]) явился манной с Неба. Еще немного и кончим мой запас, а там Бог знает, что дальше будет. Хлебными карточками мы на общих основаниях не пользуемся еще с сентября м[есяца] п[рошлого] г[ода]. Оплата при требоисправлениях очень скромна...⁶⁷

29 апреля того же года отец Гавриил был назначен настоятелем молитвенного дома во имя Казанской иконы Божией Матери села Калининское (ныне – Кара-Балта) в Чуйской долине⁶⁸. Владыка Гурий, вероятнее всего, помог ему и со средствами на переезд в Северную Киргизию.

В Кара-Балте Ольховику пришлось столкнуться с противодействием со стороны бывшего настоятеля – протоиерея Александра Предтеченского. Предтеченский считал себя несправедливо обиженным переводом на менее богатый приход и всячески вмешивался в дела общины. Перед прихожанами он старательно создавал образ жертвы, пострадавшей от козней обновленцев – священника Ольховика и благочинного Рябцовского. Впоследствии выяснилось, что отец Александр Предтеченский скрыл собственное обновленчество и в отличие от своих «обидчиков» никакого покаяния не приносил. В октябре 1947 года Предтеченский был лишен сана за непослушание епископу и самочинное совершение богослужений.

Несмотря на неприятности с бывшим настоятелем, отец Гавриил почти сразу после своего назначения приступил к переустройству молитвенного дома.

Священник Гавриил Ольховик в 1947 году приобрел жилой дом для нового молитвенного здания. Его перестроили: удлинили почти вдвое. Для колоколов, прямо над входом, поставили деревянную башенку, похожую на беседку, увенчанную крошечной луковкой купола, внутри соорудили деревянные хоры для клироса, с узенькой крутой лестницей, местные художники расписали трехъярусный иконостас...⁶⁹

Приходская деятельность отца Гавриила вполне устраивала и фрунзенского уполномоченного, и благочинного. В апреле 1949 года протоиерей Александр Рябцовский направил епископу Гурию благожелательную характеристику на Ольховика, в которой его личное мнение самым явственным образом переплеталось с рекомендациями А.М. Соловьева:

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ по делам Р.П.Ц. поручил мне передать ВАШЕМУ ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ, что в случае перемещения священника о. М. Маевского во Фрунзе, по его мнению, настоятелем молитвенного дома гор. Токмак полезным было бы назначить священника Ольховик.

Священник Ольховик поведения трезвого, энергичный и деятельный, умело руководит церковным хозяйством... За все время его служения в с. Октябрьское и в с. Калининское на него не поступило ни одной жалобы от верующих, /кроме клеветнических выпадов, по проискам Предтеченского/.

Все вышеизложенное обязывает благочинного признать священника Ольховик достойным кандидатом на Токмакский приход⁷⁰.

Рекомендация возымела свое действие, и в этом же месяце Ольховик был переведен настоятелем Георгиевского молитвенного дома в Токмак⁷¹.

В Токмаке о. Гавриил также принялся за обустройство обветшавшего молитвенного дома. Но здесь реконструкция здания пошла по иному сценарию: от ремонта молитвенного дома – к строительству полноценной церкви. Снова процитирую Е.Е. Озмитель:

Первым делом о. Гавриил начал капитальный ремонт пришедшего в совершенную ветхость молитвенного дома. Церковь и община собрали значительную сумму на строительство – 60 тысяч руб., которая лежала на счету общины в сберкассе. Но местные власти чинили всевозможные препятствия, горсовет не давал разрешения на капитальный ремонт под предлогом того, что на этом месте предусмотрено строительство радиоузла. <...> Пока шла переписка, небольшой молитвенный дом был отремонтирован, в 1949 году освящен, и в нем начались регулярные богослужения. Только в 1952 году, после многолетних ходатайств, было начато строительство нового здания. Несколько лет возле молитвенного дома продолжались строительные работы, и постепенно, вопреки указаниям властей (разрешена была «постройка здания, а не церкви»), он приобрел облик храма, а приход обзавелся всеми необходимыми постройками: сторожкой, просфорней, домом для священника⁷².

Окончание строительства было отмечено в октябрьском номере «Журнала Московской Патриархии» за 1954 год. В выпуске была помещена фотография Георгиевской церкви в сопровождении краткой заметки:

Этот храм сооружен вместо молитвенного дома. Вместимость его – до тысячи человек. Строитель этого храма – священник Гавриил Ольховик. Храм строился под его наблюдением и по его эскизам. Горячее участие в этом святом деле принимали и члены приходского совета⁷³.

Примерно за год до смерти – в июне 1954 года отец Гавриил просил Ташкентского епископа Ермогена (Голубева) о переводе во Фрунзе. У Ольховика уже подросли внуки: старший, Александр, находился на военной службе в звании техника-лейтенанта, средние – Евгений и Владимир – учились в 11-м и 8-м классах, младшая внучка Нонна обучалась в 6-м. Средние внуки хотели поступать в институт, и дедушка желал присматривать за ними в столице. Он писал владыке Ермогену:

Мое искреннее желание вести неослабное наблюдение за их развитием и учением самому, не считаясь с удобствами... Было время, когда около 15 лет <я> служил в гор[оде] Фрунзе и чувствовал себя ничего. И теперь мои мысли витают там, в гор[оде] Фрунзе, хотя бы и на последнее священническое место, если оно будет свободно, ради внуков. Такою смелою мыслью делюсь я с Вами, Ваше Преосвященство, прося не осудить за такое дерзновение и при случае вспомнить про меня⁷⁴.

По неясным причинам владыка Ермоген не смог или не пожелал выполнить его просьбу.

Скончался священник Гавриил Ольховик 29 апреля 1955 года⁷⁵, в возрасте 68 лет. Похоронен он на русском кладбище города Токмака.

В Георгиевской церкви об отце Гаврииле сохраняют память как об одном из первых настоятелей. В архиве храма сохранились его фотографии, в годовщину смерти Ольховика на его могиле совершают панихиду. Надгробный памятник отца Гавриила украшен трогательной эпитафией: «Вечный мир тебе во Христе, дорогой наш отец-наставник и строитель нашего храма». Ни настоятель, ни современные прихожане практически ничего не знают об архиерейском и обновленческом прошлом отца Гавриила⁷⁶.

Подобное положение характерно для большинства приходов Среднеазиатской митрополии с обновленческим прошлым, или же для тех, где настоятельствовали бывшие обновленцы. В 1944–1945 годы раскол в регионе был успешно уврачеван, и через несколько поколений воспоминания о местном обновленчестве изгладились практически полностью. В случае с Ольховиком приходская память оказалась намного длиннее и справедливее памяти исторической: в летописях построенной им церкви отец Гавриил навсегда останется как храмоздатель и «дорогой отец-наставник».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мануил (Лемешевский), митр. Каталог русских архиереев-обновленцев. Материалы для «Словаря русских архиереев-обновленцев» (1922–1944) // «Обновленческий» раскол. (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). – М.: Общество любителей церковной истории. Изд-во Крутицкого подворья, 2002. С. 722.

² Там же.

³ Архив Ташкентского епархиального управления (далее – АТЕУ). Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 48об. Впоследствии отец Гавриил будет указывать в автобиографиях, что его отец умер колхозником в его родном селе.

⁴ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 5, 85об.

⁵ См.: Озмитель Е.Е. Православные храмы Киргизии (XIX–XXI вв.). – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2010. С. 70.

⁶ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 5, 18.

⁷ См.: Туркестанские Епархиальные ведомости (ТЕВ). № 17, 1 сентября 1915 г. С. 167.

⁸ ТЕВ. № 20, 15 октября 1915 г. С. 207–208. – «Каталог» митрополита Мануила (Лемешевского) дает только самые общие сведения о ранней биографии Ольховика: «Родился 12/VII-1887 года. Окончил начальную школу. Женат. С 1903 г. был певчим церковного хора. С 1911 г. был псаломщиком. С 1915 г. – диакон» (Мануил (Лемешевский), митр. Цит. соч. С. 721). В данном перечне присутствуют две неточности: Гавриил Ольховик закончил не начальную школу, а одноклассное земское училище; также и псаломщиком он стал, по всей видимости, ранее 1903 года.

⁹ «Церковь была самым высоким зданием города (около 20 м), два ее больших купола были видны издали» (Озмитель Е.Е. Указ. соч. С. 67).

¹⁰ Там же. С. 68–69.

¹¹ См.: Озмитель Е.Е. Православие в Киргизии. XIX–XXI вв. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2003. С. 60–61.

¹² АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 5–5об.

¹³ Озмитель Е.Е. Православие в Киргизии... С. 68–69.

¹⁴ Пимен (Белоликов Петр Захарович, 1879–1918), епископ – миссионер, церковный востоковед. В 1917 г. назначен викарным епископом Семиреченским и Верненским. 16 сентября 1918 г. расстрелян в г. Верном. Канонизирован как местночтимый святой в 1997 г., общецерковное почитание установлено на Юбилейном Соборе Русской Православной Церкви 2000 г. Подробнее о нем см.: Ходаковская О.И. Священномученик Пимен (Белоликов), епископ Семиреченский и Верненский. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2000.

¹⁵ См.: Дестивель И., свящ. Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности. – М.: Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории. 2008. С. 163.

¹⁶ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 5об, 86.

¹⁷ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 5об.

¹⁸ Озмитель Е.Е. Православие в Киргизии... С. 72–73.

¹⁹ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 5об, 86.

²⁰ См.: Озмитель Е.Е. Православие в Киргизии... С. 74–75.

²¹ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 5об.

²² Озмитель Е.Е. Православные храмы Киргизии... С. 71–72. Со ссылкой на: Центральный государственный архив Киргизской республики (ЦГА КР). Ф. 74. Оп. 2. Д. 9. Л. 2.

²³ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 5об, 86, 108об.

²⁴ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 5об.

²⁵ Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика (Туркеспублика, ТАССР) – автономия в составе РСФСР, просуществовавшая с апреля 1918 г. по октябрь 1924 г. В состав ТАССР входили территории бывшего Туркестанского генерал-губернаторства.

²⁶ О первом этапе обновленчества в Туркестане см.: Дорофеев Р. Начало обновленческого движения в Среднеазиатской епархии. 1923–1924 годы // ВС. 2016. № 3 (XLI). С. 50–55.

²⁷ Именно так писал свою фамилию в 1920-х годах архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий).

²⁸ См.: Лисичкин В.А. Крестный путь святителя Луки. Подлинные документы из архивов КГБ. – Б. м.: «Троицкое слово». «Феникс». Изд-во Московской Патриархии. 2001. С. 59, 62.

²⁹ Для сравнения приведем один пример. В мае 1923 года, сразу после первого обновленческого съезда, на сторону Епархиального совета окончательно переметнулся благочинный Чимкентского округа протоиерей Александр Юновидов. На благочинническом съезде 29 мая 1923 г. он убедил собравшееся духовенство и мирян подписать постановление о признании ВЦУ. (Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 41. Л. 21-21об.)

³⁰ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 17.

³¹ См.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, позднейшие документы и переписка о канонической преемственности высшей церковной власти. 1917–1943. / Сост. М.Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. С. 952. Мануил (Лемешевский), митр. Цит. соч. С. 674–675, 676.

³² Единственным документальным свидетельством существования Пишпекской/Фрунзенской обновленческой епархии остается обнаруженное Е.Е. Озмитель заявление Беловодского обновленческого приходского совета от 27 декабря 1930 г., в котором упоминается, что «...Пишпекская Синодальная Епархия упразднена». (Озмитель Е.Е. Православные храмы Киргизии... С. 89. Со ссылкой на: ЦГА КР. Ф. 21. Оп. 5. Д. 163. Л. 2.).

³³ Епископ Мелхиседек Михаил (Аверченко; 1875 – после 1933), в 1918–1923 гг. – служил настоятелем Михаило-Архангельской церкви села Черняевского, Ташкентского уезда; в этом же году отказался признать власть обновленческого Туркестанского Епархиального управления. Примерно в 1923–1924 гг. возведен в сан архимандрита. В 1924 г. – рукоположен во епископы епископом Андреем (Ухтомским) и Львом (Черепановым), епископом Нижне-Тагильским; хиротония была совершена без ведома высшей церковной власти. В 1926 г. действительность хиротонии была признана заместителем Патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским). С осени 1926 г. по 30 октября 1929 г. – епископ Пишпекский и Семиреченский, викарий Туркестанской епархии. В 1933 г. арестован и осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Дальнейшая судьба неизвестна. Подробнее о нем см.: Заславский В.Б. По смирению своему // ВС. Вып. I. 2001.

³⁴ «Бродячими» архиереями Введенский называет епископов Андрея (Ухтомского) и Льва (Черепанова), рукопо-

ложивших епископа Мелхиседека в 1924 году (см. биографическое примечание о еп. Мелхиседеке) без санкции высшей церковной власти, по сути дела самочинно. Отсюда и ехидство митр. Александра. Но в 1927 г. еп. Мелхиседек уже признан в качестве архиерея Патриаршим местоблюстителем митр. Сергием (Страгородским) и назначен на Пишпекскую кафедру.

³⁵ Александр Введенский, митр. По Средней Азии // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. № 9–10 (22–23), 1927. С. 15. Пояснения в квадратных скобках и примечания к тексту мои – Р.Д.

³⁶ Точные обстоятельства перехода клира Никольского собора в обновленческий раскол неизвестны; если информация Введенского близка к реальности, то датой перехода духовенства собора в юрисдикцию обновленческого Синода следует считать 1927 год. К обновленческой «ориентации» храм принадлежал вплоть до 1934 г. В июне этого года обновленческая община была вынуждена покинуть Никольский собор, признанный под давлением властей ветхим и «непригодным к эксплуатации по техническому состоянию». В этом же месяце духовенство и прихожане собора перебрались в Димитриевский храм села Лебединовки, пользоваться которым соборной общине ЦИК Киргизской ССР позволил «на паритетных началах» с местной церковной общиной. АБЕУ (Архив Бишкекского Епархиального управления). Д. 9. Письмо из администрации президента Кыргызской республики от 21 февраля 2008 г. (копии архивных документов из приложения к письму).

³⁷ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 5об. В 1930 г. Торжок являлся центром Новоторжского района, находившегося в составе Тверского округа Московской области. В 1935 г. этот район вошел в состав Калининской (ныне – Тверской) области.

³⁸ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 5об, 86об.

³⁹ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 17об.

⁴⁰ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 6.

⁴¹ Мануил (Лемешевский), митр. Цит. соч. С. 722.

⁴² Там же.

⁴³ См.: Соловьев И., диакон. «Обновленческий» раскол в Русской Православной Церкви в 1932 г. (по материалам протоколов обновленческого Синода) // XVI Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета: материалы 2006 г. – М.: ПСТГУ, 2006. Т. I. С. 137.

⁴⁴ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 6. Мануил (Лемешевский), митр. Цит. соч. С. 722. Акты Святейшего Тихона... С. 968.

⁴⁵ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 6. – Согласно «Каталогу» митрополита Мануила, Ольховик был назначен настоятелем Александро-Невского собора Актюбинска 5 августа 1935 г. (Мануил (Лемешевский), митр. Цит. соч. С. 722). Сведения «Каталога» о назначении епископа Гавриила настоятелем собора Петропавловска Казахской митрополии в ноябре 1937 г. не находят документального подтверждения, а также противоречат факту аресталадыки в октябре того же года.

⁴⁶ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 6.

⁴⁷ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 6. – База данных «Жертвы политического террора в СССР» предоставляет информацию, несколько отличающуюся от сведений, указывавшихся самим о. Гавриилом. Согласно ей, Ольховик был арестован 4 ноября 1937 г. УНКВД по Актюбинской области; приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей по статьям 58-7, 58-8 УК РСФСР. Реабилитировали его в 1963 г. В качестве источника информации указан ДКНБ Республики Казахстан по Актюбинской области. [<http://lists.memo.ru/d25/f135.htm>].

⁴⁸ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 6, 108об.

⁴⁹ Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье; Künsnacht: Institut Glaube in der 2 Welt, 1996. С. 652.

⁵⁰ Епископ Сергей (Ларин) впоследствии утверждал, что назначил владыку Гавриила Ольховика на священническое место в Джалал-Абаде летом 1943 г. по личному указанию митрополита Александра Введенского. [См.: Кузнецов А.И. Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол... 2002. С. 586]. Но информация Ларина не подтверждается при сверке с документальными источниками. Летом 1943 г. в Джалал-Абадском приходе настоятельством священник Леонид Виноградов, назначенный сюда еще в 1938 г. предыдущим киргизским благочинным, протопресвитером Петром Письменным (ЦГА КР. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 1. Л. 42). В своих послужных списках о. Гавриил неизменно указывал, что на Октябрьский приход он был определен резолюцией епископа Сергея (Ларина) и что это назначение состоялось именно в ноябре 1943 г. (АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 6, 88об). О каких-либо приказах со стороны Введенского Ольховик не упоминает вообще. Несколько более раннюю дату указывает в переписке с Ташкентом обновленческий Джалал-Абадский благочинный о. Леонид Виноградов. Он пишет, что епископ Гавриил был направлен на приход в с. Октябрьском распоряжением все того же епископа Сергея (Ларина) от 26 октября 1943 г. за № 705 (АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 69. Л. 6об). Даже если дата Виноградова более точна, то она все равно не подтверждает информацию Ларина. Состоялось ли назначение в октябре или же в ноябре 1943 г., оно в любом случае выпало на осень, а не на летний период.

⁵¹ См.: Русская Православная Церковь. XX век. / Беглов А.Л., Васильева О.Ю., Журавский А.В. и др. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. С. 335.

⁵² См.: Дорофеев Р.В. Закат туркестанского обновленчества и миссия архиепископа Алексия (Палицына). 1943–1944 годы // IV Международные чтения памяти преподобного схиархиепископа Антония (Абашидзе) «Традиции и новации: культура, общество, личность»: Сборник мате-

риалов. – Бишкек: Информационный центр Бишкекской епархии, 2016. С. 163–176.

⁵³ См. в: Соловьев И. Краткая история т.н. «обновленческого раскола» в Православной Российской Церкви в свете новых опубликованных исторических документов // «Обновленческий» раскол... С. 56.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 324. Л. 70.

⁵⁶ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 20.

⁵⁷ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 4.

⁵⁸ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 1.

⁵⁹ ЦГА КР. Ф. 1631. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁶⁰ На прошении епископа Ольховика о принятии в общение с Патриаршей Церковью владыка Кирилл поставил следующую резолюцию: «26/ХП[-19]44 г. Прошу о. [Гавриила] Ольховика к 12 часам дня 27 сего декабря <явиться> в Ташкентский Ал[ександро-]Невский собор для принятия его мною в лоно св. Православной Русской церкви из обновленческого раскола в сане иерея. О чем должен быть составлен особый акт для направления в Московскую Патриархию». АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 17.

⁶¹ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 19.

⁶² АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 18об.

⁶³ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 2-2об, 16.

⁶⁴ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 16.

⁶⁵ См.: Дорофеев Р.Д. Дипломатический турнир епископа Кирилла (Поспелова). К истории взаимоотношений советской власти и Православной Церкви в Киргизской ССР в середине 1940-х годов // Третьи международные Пасхальные чтения «Любовь к Родине»: Сборник статей. / Под общей ред. Е.Е. Озмитель. – Бишкек: Информационно-издательский отдел Бишкекской епархии, 2016. С. 60–69.

⁶⁶ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 35, 39–42.

⁶⁷ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 44.

⁶⁸ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 46.

⁶⁹ Озмитель Е.Е. Православные храмы Киргизии... С. 93.

⁷⁰ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. 162. Л. 83-83об.

⁷¹ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 84.

⁷² Озмитель Е.Е. Православные храмы Киргизии... С. 93.

⁷³ Сооружение нового храма // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 10. С. 4–5.

⁷⁴ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 116.

⁷⁵ АТЕУ. Оп. 1 л/д. Д. 285. Л. 118.

⁷⁶ Сообщение настоятеля Георгиевского храма г. Токмак протоиерея Александра Атаманова. (Бишкек, 10 марта 2017 г.)

Александр ГАЛАК

Настоятель самаркандского Свято-Георгиевского храма протоиерей Петр Княжинский

На центральном европейском кладбище Самарканда, неподалеку от главного входа, находится надгробие из светлого мрамора. На старой, в виде овального медальона фотографии – лицо пожилого священника, а под ним эпитафия:

«Ты моя крепость, Господи, Ты мой Бог, Ты моя сила, Ты мое радование!».

Петр Княжинский родился в 1867 году, в Тамбовской губернии, в семье священника – Григория Стефановича Княжинского. Родом Княжинские из крестьян села Княжье Шацкого уезда Рязанской губернии. В 1888 году Петр Княжинский окончил Тамбовскую духовную семинарию по первому разряду, и в сентябре того же года его назначают псаломщиком в тюремную церковь города Козлова. В 1890 году, 30 января (12 февраля), на праздник Трех святителей, епископом Тамбовским Виталием (Иосифовым) он был рукоположен в сан священника. Владыка Виталий назначает молодого священника служить в Покровскую кладбищенскую церковь города Усмани.

За свое долгое служение отец Петр имел три прихода: в Усмани он священствовал 38 лет, в Шацке – 11 лет и 16 последних лет прослужил в Самарканде¹. Женат был на Варваре Фотиевне Несмеловой, очень красивой женщине, изумительной внутренней чистоты. Она тоже была дочерью священника.

Поселилась молодая семья в городе Усмани в служебной квартире около храма. Отец Петр был уездным наблюдателем церковно-приходских школ, затем законоучителем женской гимназии, гласным уездного земства и городской Думы.

В Усмани у них с Варварой Фотиевной родилось четверо детей: Борис, Виктор, София и Юрий. В доме была большая библиотека, по вечерам отец Петр часто читал детям вслух. А возвращаясь из инспекторских поездок, рассказывал детям о том, куда ездил и с какими людьми встречался. А потом они все вместе раскладывали большую карту уезда и прослеживали по ней маршруты отца, усваивая на-

звания сел и деревень, дорог и рек. Вообще в доме все с малых лет были приучены любить книги.

В 1905 Россию накрыла волна смуты. В Усмани начались погромы. Был момент, когда отец Петр вместе с городским головой Ф.В. Огарковым и членом управы Юстовым были вынуждены выйти к распалившейся толпе и, рискуя жизнью, пытались противостоять ей. Отец Петр долго говорил с людьми, успокаивая и разумляя их.

С началом Первой мировой войны Княжинский входит в состав созданного Земско-городского объединенного военно-промышленного комитета, занимавшегося вопросами помощи фронту и тылу. В конце 1915 года он избирается председателем регистрационной комиссии по приему беженцев. В 1918 году отец Петр был возведен в сан протоиерея, а в 1924 году Святейший Патриарх Тихон наградил его митрой².

После революции из шести храмов Усмани пять было уничтожено, в том числе и тот храм, где служил отец Петр. Служебную квартиру у них отобрали, и до конца двадцатых годов семья священника проживала в деревянном доме по улице Энгельса. Позже, когда усилились гонения на церковь, их выселили и из этого дома.

В 1928 году отца Петра арестовали и на Особом совещании при Комиссии ОГПУ осудили по статье 58-10 УК РСФСР. Приговор – три года лишения права проживания в двенадцати городах Центрально-Черноземной области. В 1928 году ему было предложено покинуть Усмань и избрать новое место для проживания. Таким местом был выбран Шацк. Здесь отец Петр служил настоятелем соборной Никольской церкви до 1940 года. Его супруга, матушка Варвара, осталась с дочерью и ее семьей.

В 1927 году старший сын о. Петра, Борис Княжинский, уезжает в Самарканд, где поселяется в доме по улице Нариманова, 48. Приблизительно в 1930 году к нему переезжают жить жена с детьми. Варвара Фотиевна тоже была вынуждена выехать к сыну Борису, но через два года вернулась в Усмань. Со временем, в марте 1940 года, в Самарканд переезжает и поселяется у сына и сам отец Петр³. Первое время он помогает ему, занимаясь воспитанием внуков. Соседи, видевшие, как дедушка водит их в детский сад и обратно, не подозревали, что это почтенный протоиерей.

Весной 1942 года – 27 мая священника Свято-Георгиевского молитвенного дома отца Павла Бушина забрали органы НКВД и посадили в тюрьму⁴. Община верующих в который раз оказалась в трудном положении и обратилась к отцу Петру, который дает свое согласие и с 17 июня того же года вновь начинает служить.

По причине отсутствия правящего архиерея Церковный Совет общины отправил в Московскую Патриархию телеграмму-молнию, обращаясь с просьбой утвердить кандидатуру 75-летнего Петра Княжинского⁵. Около двух месяцев спустя, 3 августа 1942 года, Патриарший местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский) утвердил его штатным священником в самаркандский Свято-Георгиевский молитвенный дом – единственный в Средней Азии необновленческий приход в городе⁶.

В Самарканде, как и по всей Среднеазиатской епархии, преобладали

священники-обновленцы. В начале 1944 года настоятель самаркандского Покровского собора протоиерей Т.А. Мороз написал письмо в Москву Святейшему Патриарху Сергию с прошением о принятии его «в лоно православной церкви, с совершением акта присоединения под руководством» отца Петра Княжинского. После этого письма в январе 1944 года из Канцелярии Московской Патриархии был прислан запрос на имя отца Петра, с просьбой дать отзыв на протоиерея-обновленца Т.А. Мороза⁷.

В марте того же года патриарх Сергей направляет с особой миссией в Среднюю Азию архиепископа Куйбышевского Алексия (Палицына), главной задачей которого была ликвидация обновленчества в крае. Ему предстояло принять покаяние у обновленческого духовенства епархии и заново освятить обновленческие храмы⁸. После Ташкента архиепископ Алексий приезжает 30 марта в Самарканд и принимает покаяние у местных обновленческих священников в храме св. великомученика Георгия Победоносца. В тот день владыке сослужили три 75-летних священника: протоиерей Петр Княжинский, заштатный протоиерей Михаил Маслок и заштатный священник Николай Керский, не бывшие обновленцами⁹.

После такого значимого события в апреле 1944 года отец Петр пишет благодарственное письмо в Москву Святейшему Патриарху Сергию от лица всех самаркандских священников:

Ваше Святейшество!

В ответ на смиренную просьбу обновленческого духовенства о принятии <их> в общение с Православною патриаршею Церковью, Вы прислали в наш край своего Уполномоченного Архиепископа Куйбышевского Алексия, который с 30 марта с[его] г[ода] в течение недели был дорогим гостем Самарканд<а>. Прибыв в Самаркандскую православную Св[ято]-Георгиевскую общину, он ей первой дал радость встретить и приветствовать в его лице давно желанного православного Архиерея и вместе с ним получить отеческий привет <от> Вас, Святейший Отец!

Обновленческому духовенству предстояло перенести не безболезненную операцию по преодолению своей ошибки и получению права на общение со Св. Православной Церковью. Но Преосвященный Алексий, так умело произвел ее, просто, мудро и с любовью, что в душе каждого все чувства были охвачены благодатным миром, духовною радостью и сердечною благодарностью ко Всепрощающему Отцу и Св. Матери Церкви, с любовью принимающей искренне кающихся.

Приносим Вам, Святейший Отец, сыновнюю благодарность за Вашу отеческую <за>боту о нас и за прекрасный выбор Уполномоченного.

Молим Господа, чтобы с так<ою>-же>прозорливостью был выбран Вашим Святейшеством и тот Епископ, коему будет вручено управление нашей епархией.

Смиренно испрашивая себе и своим пасомым Ваше Святительское благословение, остаемся <нижайшие> послушники Вашего Святейшества¹⁰.

В 1945 году вступило в силу «Положение об управлении Российской Православной Церковью», что создавало для церковно-приходской жизни благоприятные условия. С этого времени начинаются работы по благоустройству Свято-Георгиевского молитвенного дома. Несмотря на довольно преклонный возраст, отец Петр развил бурную деятельность по расширению храма. До того молитвен-

ный дом занимал только половину жилого дома и в нем было тесно и убого. В 1946 году удалось получить разрешение Уполномоченного по делам РПЦ на выкуп для молитвенного помещения второй части дома, со всеми жилыми и хозяйственными постройками.

Во всех работах по переустройству храма принимала активное участие помощница отца Петра, староста общины Варвара Игнатьевна Зверева. Благодаря ее стараниям территория молитвенного дома увеличивается за счет пристройки алтаря, поднимаются стены, крыша покрывается железом, делается навес вокруг храма... Требовалось не только найти необходимые материалы, но и вовремя доставить их работающим. Все строительные заботы лежали почти исключительно на Зверевой. Работа продвигалась без задержек и с соблюдением экономии. При этом держалась Варвара Игнатьевна очень скромно, ее было видно только во время работ. Кроме исполнения должности старосты храма, она еще успевала выпекать для церкви просфоры¹¹.

По ходатайству отца Петра, который очень высоко ценил свою старосту, владыка Ермоген сообщил Святейшему Патриарху, при личном свидании с ним, о Зверевой и ее трудах. Высокой оценкой этих трудов стала Патриаршая грамота, присланная Варваре Игнатьевне из Москвы.

А вот что писал Журнал Московской Патриархии в марте 1947 года:

В Самарканде, отдаленном от православного центра на много тысяч километров, члены общины св. Георгия Победоносца, движимые горячей верой и преданностью Российской Матери-Церкви, сумели в короткий срок воздвигнуть прекрасный молитвенный дом-храм. До весны 1946 года община св. Георгия совершала богослужение в помещении, которое не могло удовлетворить потребностей местных христиан по своим небольшим размерам. План строительства и чертежи нового здания были составлены архитектором Адеркасом, а исполнителями этого проекта стали сами верующие. В день памяти св. Великомученика Георгия Победоносца, настоятель общины протоиерей Петр Княжинский предложил расширить имеющееся помещение – пристроить алтарь, а также построить несколько комнат-келий для штата. Предложение отца настоятеля было с одушевлением принято членами общины, и после жаркого молебна буквально вся масса верующих принялась за строительство. Строительный материал, краски, стекла – все потребное для своего храма верующие несли сами в храм. Строительные работы шли с самого утра и до поздней ночи и, наконец, в октябре 1946 года состоялось торжественное освящение нового здания. Для всех верующих это был самый настоящий праздник. Освящение совершал Преосвященный Гурий – епископ Ташкентский и Среднеазиатский, поздравивший от всего сердца всех строителей, а также инициаторов строительства: протоиерея Петра Княжинского, инокиню Евдокию Тимашеву, инокиню Иунию, старосту храма В.И. Звереву и многих других¹².

В 1948 году, по разрешению Уполномоченного Степанова и Горкомхоза, община приобрела соседний дом. Благодаря его помещениям были обустроены крещальня, а также комнаты, где проживали отец Петр и отец Серафим (Суторихин), о котором будет сказано ниже, а позже была «владычная», предназначенная для размещения правящего архиерея (когда тот посещал Самарканд) и гостей.

Над «святыми воротами» в 1948 году была устроена капитальная звонница в виде шатра, который венчал крест. На ней висели три небольших колокольчика и чугунные била, призывающие на службу.

Отцу Петру становилось все труднее служить одному, и в 1948 году он обратился к владыке Гурию с просьбой дать ему в помощь второго священника. Владыка прислал в Самарканд священника Александра Кошкина¹³, а немного позже, в августе, написал отцу Петру: «Пусть пока служит отец Александр. Жду другого священника, который, мне думается, очень подойдет на это служение». Владыка Гурий имел в виду архимандрита Серафима (Суторихина), собирающегося приехать по его приглашению в Среднеазиатскую епархию.

Архимандрит Серафим приехал в Свято-Георгиевский храм в декабре. Вся община приняла его очень тепло и заботливо. Отец Петр был весьма рад назначению архимандрита Серафима, который в свою очередь во всем старался помогать престарелому настоятелю.

В 1950 году, 12 февраля, ко дню 60-летия иерейской хиротонии отца Петра, Патриарх Алексий наградил его правом ношения второго наперсного креста.

7 сентября 1952 года, на 85-летие отца Петра, поздравить юбиляра приезжал владыка Гурий. «Я одинаково люблю всех вас, – сказал отец Петр, обращаясь к прихожанам. – Войти в храм и увидеть всех вас для меня все равно, как прийти в любящую семью. Вашей молитвой и вашей любовью я и живу так долго, – этим объясняется мое многолетие»¹⁴.

В марте 1954 года отец Петр обратился к владыке Ермогену с просьбой освободить его, по преклонности лет, от должности благочинного, с оставлением его настоятелем Свято-Георгиевского молитвенного дома. Владыка Ермоген удовлетворил просьбу, назначив сначала временно, а потом и постоянно благочинным архимандрита Серафима¹⁵. Но при этом владыка обнадежил отца Петра в письме, что он планирует оставить его настоятелем Свято-Георгиевского храма пожизненно.

1957 год был для отца Петра юбилейным – ему исполнилось 90 лет. Празднование совпало с днем почитания чудотворного образа Божией Матери Владимирской. С утра 8 сентября храм был переполнен молящимися. По совершении литургии, которую совершал сам юбиляр в сослужении архимандрита Серафима и священников самаркандского благочиния, при пении двух хоров, состоялся благодарственный молебен¹⁶. По окончании молебна была зачитана телеграмма от епископа Ермогена, выразившего сожаление о невозможности быть на торжестве лично. Пришли поздравительные телеграммы от владыки Гурия и многих знавших отца Петра священников, монахов и мирян.

...Скажем несколько слов о детях отца Петра. Борис Княжинский окончил медицинский факультет Московского университета и работал хирургом. Живя в Средней Азии, стал кандидатом медицинских наук и заслуженным врачом Республики Узбекистан. Второй сын, Виктор, окончил 4 класса Тамбовской духовной Семинарии и Варшавский Университет, во время Великой Отечественной войны оказался на оккупированной врагом территории и, как многие, впоследствии был на основании этого репрессирован. Отбыв срок заключения, он, больной и истощенный, приезжает в Самарканд к отцу и по обету – сначала приняв сан диакона, – служит в 1955 году вместе с отцом в Свято-Георгиевском храме. Затем, будучи рукоположен в сан священника, продолжает служение в Среднеазиатской епархии, в Андижане. Дочь Софья поступила в институт в Воронеже: ее, как дочь священника, приня-

ли с трудом, доучиться же, из-за этого клейма, она впоследствии так и не смогла. Выйдя замуж, она посвятила себя семье, почти все время жила рядом с матерью в Усмани. Младший сын, Юрий, поступил в московскую Консерваторию, причем отец Петр сам благословляет его сменить фамилию и не указывать в автобиографии, что он сын священника. Сдав экстерном все экзамены, Юрий стал музыкальным руководителем в Малом театре. С началом Великой Отечественной войны ушел на фронт и вместе со своим военно-духовым оркестром прошел всю войну. После войны Юрий Петрович становится преподавателем и регентом Ленинградской духовной академии.

До конца жизни Петра Княжинского дети постоянно навещали его, часто приезжая к нему. Связь между членами этой большой семьи никогда не прерывалась¹⁷.

В последнее время отец Петр совершал службы только по воскресным и праздничным дням, обязательно сопровождая их проповедями. 25 мая 1958 года отец Петр заболел. Сразу же после совершенной им всенощной службы ему стало плохо, и он слег. Владыка Ермоген, узнав об этом, изъявил желание приехать из Ташкента к больному, но ему сообщили, что отец Петр находится в бессознательном состоянии и вряд ли сможет реагировать на его приезд. Несмотря на отговоры, владыка Ермоген все равно приехал к отцу Петру. В Самарканд из Ташкента к нему приехал сын Борис. 4 июня отец Петр тихо опочил в Боге.

Прожил он 91 год, из них 65 лет отдал служению церкви, сохранив до самого конца работоспособность. За годы своего служения отец Петр был награжден всеми возможными для священнослужителя наградами. В последних своих письмах он обращался ко всем с просьбой молиться за него после его смерти. Незадолго перед кончиной он подарил игумену Серафиму свою фотографию с надписью: «Отцу Серафиму, моему доброму товарищу и помощи в моей старости, на молитвенную память обо мне, когда я буду в этом особенно нуждаться, давая отчет...»

Отпевание отца Петра совершал владыка Ермоген в сослужении архимандрита Бориса Холчева, игумена Серафима Суторихина и многочисленного духовенства города и области, при громадном стечении верующих Самарканда и многих других городов и селений Средней Азии. По обнесении гроба вокруг храма траурная процессия направилась к православному кладбищу. После последней литии, совершенной архиерейским служением, гроб с телом отца Петра был опущен в могилу.

Многие из тех, кто посещал в те годы самаркандский Свято-Георгиевский молитвенный дом, вспоминали о нем как об особом, благодатном месте, где все прихожане относились друг к другу бережно, как члены одной дружной и любящей семьи. Этот островок благодати, как называли это место многие, конечно же, возник не стихийно, но благодаря мудрым стараниям его настоятеля, отца Петра, и его окружения.

После его кончины прошло уже 59 лет, и те немногие из прихожан, которые застали отца Петра при его жизни, были тогда детьми или совсем молодыми людьми. По их воспоминаниям, он был добр, но при этом требователен, как к себе, так и к другим, и строго следил за порядком и дисциплиной в храме¹⁸. С первых дней своего служения в Свято-Георгиевском самаркандском храме отец Петр неукоснительно вел документацию по всем вопросам, касающимся жизни при-

хода, которая сегодня является ценным источником по истории нашей епархии.

Повествование об отце Петре хочется закончить словами, написанными им самим в благодарственном письме Святейшему Патриарху Алексию I: «Скромные мои труды «здесь» почтены сверх меры. Но меня никогда не оставляет тревожная мысль об оценке их «там» и Тем, перед Кем я стою открытый для Его всевидящего Ока в своей духовной нищете, не соответствующей высоте моего служения, и мне становится страшно...»¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Автобиография отца Петра Княжинского. Архив Свято-Георгиевского храма, Самарканд.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См. об этом: Гомолицкий Н. ««Есть слух, что скоро закроют совсем...». Самаркандский Георгиевский храм в конце 1930-х – начале 1940-х годов: по страницам старых писем» // ВС. № 1–2 (XXXIII). С. 19–21. (Прим. ВС.)

⁵ Архив Свято-Георгиевского храма.

⁶ Архив Свято-Георгиевского храма.

⁷ Архив Свято-Георгиевского храма. 17 января 1944 г.

⁸ См. об этом: Дорофеев Р. Закат туркестанского обновленчества и миссия архиепископа Алексия (Палицына) 1943–1944 годов // ВС. № 2 (XXXVII). С. 61–71.

⁹ См. об этом: Патрахин Л., прот., Лай П., прот. По стопам апостола Фомы. – Воронеж: [б.и.], 2009. С. 159–160.

¹⁰ Дорофеев Р.В. Закат туркестанского обновленчества и миссия архиепископа Алексия (Палицына) 1943–1944 годы // Четвертые международные чтения памяти преподобного схииериепископа Антония (Абашидзе). Традиция и новации: Культура, Общество, Личность. Сборник материалов. – Бишкек: Информационно-издательский центр Бишкекской епархии, 2016. С. 229–230.

¹¹ См.: Доклад настоятеля Георгиевского молитвенного дома г. Самарканда Протоиерея Петра Княжинского Епископу Ташкентскому и Среднеазиатскому Ермогену. 1954 год. Архив Свято-Георгиевского храма.

¹² Журнал Московской Патриархии. 1947. № 3. С. 56.

¹³ Кошкин Александр Феодорович, род. в 1898 г. в д. Пилино Костромской губ. В 1910 г. окончил начальную школу в д. Пилино, в 1929 г. – общеобразовательные курсы в Ленинграде, там же в 1928 г. в течение одного года учился в богословско-пастырском училище. С 1918 по 1921 гг. воевал в Красной Армии. В 1922–1923 гг. работал в органах милиции Галича. В 1923–1941 гг. проживал в Ленинграде, работал в городской пожарной команде. В 1941–1945 гг. участвовал в Великой Отечественной войне. В 1946–1947 гг. работал бухгалтером Русского музея в Ленинграде. В 1948 г. – диакон молитвенного дома г. Кызыл-Кия (КиргССР). С 1952 по 1961 гг. – священник ташкентского Свято-Успенского кафедрального собора, ключарь Собора. В 1961 г. был снят с регистрации. Некоторое время служил в Самарканде. Затем перешел в Ярославскую епархию, настоятелем в Благовещенской церкви с. Никольского на Плесне. (Прим. ВС.)

¹⁴ Иоанн [(Вендланд)], арх. Поездка архиепископа Гурия в Самарканд // Журнал Московской Патриархии. 1952. № 11. С. 70.

¹⁵ См. Указ Епископа Ташкентского и Среднеазиатского Ермогена от 28 февраля 1954 года. Архив Свято-Георгиевского храма.

¹⁶ См.: Журнал Московской Патриархии. 1957. № 10. С. 5.

¹⁷ См.: Меньшикова Э. Писательский дневник / 18 марта 2012 г. (URL: www.rospisatel.ru/menshikova-dnevnik23.htm).

¹⁸ Записано автором со слов матушки Антонины Яценко.

¹⁹ Письмо отца Петра Святейшему Патриарху Алексию, 1948 год. Архив Свято-Георгиевского храма.

Туркестан

Главы из воспоминаний «По волнам жизни»*

Публикация, предисловие и примечания Татьяны КОТЮКОВОЙ

Глава 4

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Туркестанские генерал-губернаторы

Отрезанность, благодаря расстоянию, Туркестана от остальной России, а также подчиненность этого края, в виде исключения, не гражданской власти, а непосредственно военному министру делали из пяти областей: Сырдарьинской, Самаркандской, Ферганской, Закаспийской и Семиреченской – как бы особое государство. В первое время нашего пребывания в крае он, впрочем, состоял только из трех первых областей. Тогда Закаспийской областью управлял бывший при покорении оазиса начальником штаба у генерала М.Д. Скобелева генерал А.Н. Куропаткин. Ради него для Закаспийской области было создано привилегированное положение. В то время как все остальные военные губернаторы в Туркестане приравнивались к начальникам дивизий, генерал Куропаткин приравнивался к командиру корпуса и подчинялся непосредственно Петербургу. Но вскоре Куропаткин был назначен военным министром, и тогда особое положение области кончилось. Вместе с Семиреченской областью она была присоединена к Туркестанскому генерал-губернаторству.

Пост генерал-губернатора, который одновременно командовал и войсками округа, имел выдающееся значение. Оно усиливалось пограничностью края и возможностью грозить отсюда англичанам в Индии. Угроза эта в ту пору отнюдь не была мифической, и в штабе округа соответственные планы похода разрабатывались, а для офицеров читался курс языка «индустани». Правда, туркестанских

* Продолжение. Начало в №№ 4, 2016 – 1, 2017 (XLII); 2 (XLIII), 2017. Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-01-00504 «Воспоминания В.В. Стратонова «По волнам жизни» как источник по истории Российской империи и Советской России (научное комментирование)».

войск – их стояло там лишь два корпуса – было для такого похода мало. Но стратегическая подготовка шла и другим путем. Железная дорога от Каспийского моря до Самарканда была уже фактом. Вскоре соединили железным путем Самарканд и Ташкент. Затем стали строить дорогу из Оренбурга в Ташкент и собирались приступить к железной дороге на Верный и дальше к Сибири. Все это сильно увеличивало стратегическое значение Ташкента.

Среди туземного населения, вообще весьма законопослушного, Туркестанский генерал-губернатор ставился очень высоко. Его называли «полуцарем». И это было правильно, потому что на все туземные дела в Петербурге смотрели глазами местной власти.

Политическое значение этого сановника, его роль в отношении соседних зависимых государств и полунезависимых Бухары и Хивы – требовали особенно осмотрительного выбора. Но, как вообще в России, особенно в последнее царствование, назначение основывалось лишь на протекции.

Роковой для каждого генерал-губернатора считалась неизбежная время от времени поездка в Петербург. Произведенное им в «сферах» впечатление часто решало его судьбу: назад генерал-губернатор более не возвращался. Все это понимали, и генерал-губернаторы очень не любили ездить в столицу, пока их настойчиво туда не вызывали.

Прежние генерал-губернаторы

Мы застали Ташкент еще полным воспоминаний об известном устроителе края первом генерал-губернаторе К.П. Кауфмане. Талантливый администратор и смелый военачальник – он был здесь даже не полуцарем, а, пожалуй, на все три четверти. Его эпоха для Туркестана напоминала потемкинские времена для Новороссии. Культурные следы времени его управления были глубоки и встречались повсюду.

Жил он в Ташкенте как азиатский владыка. Не жалея средств на культурное устройство края, он широко приходил средствами казны и на помощь частным нуждам подчиненных. Это содействовало его популярности.

Были у него и крупные человеческие слабости. Легенды тесно связывали его имя с именем г-жи Каблуковой¹, властной женщины, неофициальной «полуцарицы». Кауфман ей подчинялся, и перед Каблуковой падали ниц, ибо ее милость или немилость для служащего люда часто бывали решающими. Эта сторона жизни края была описана в романе Ильина, название которого сейчас не вспоминаю². В романе Каблукова фигурирует под именем Башмаковой. Современники рассказывали, что, при общих памфлетных целях, автор фактически не удалялся от истины.

Кауфмана сменил генерал М.Г. Черняев³, завоеватель Ташкента, известный впоследствии вождь русских добровольцев в Сербии в 1876 году. Его управление Туркестанским краем было коротким, лишь двухлетним, и оно вовсе не оставило по себе хорошей памяти. Это было управление, напоминающее деятельность щедринского градоправителя Архистратига Стратилатовича⁴. Ему вменялось в вину пресечение ряда культурных начинаний Кауфмана. Черняев, военный герой, явно был непригоден для роли управителя, и его отстранили. Он оказался на некоторое

время совсем в тени, пока снова не вышел на свет, благодаря событиям в Сербии.

Следующий генерал-губернатор Розенбах⁵ был просто бесцветен. Хотя он управлял краем как раз перед нашим приездом, о нем даже мало кто и вспоминал. С его именем, впрочем, связывалось развитие системы получения подарков от эмира бухарского, начавшей принимать скандальные размеры. По Туркестану ходила карикатура: эмир сидит на тахте с голой ногой; одну штанину уже стянул Розенбах, а за другую ухватился новый генерал-губернатор барон Вревский; эмир, стараясь прикрыть свою наготу, отчаянно сопротивляется стягиванию последней штанины.

Подарки эмира бухарского

Эмиры бухарские собрали, азиатскими приемами управления, громадное состояние. Точная цифра не была известна, но слухи определяли состояние эмира не меньше как в 100 миллионов рублей.

О его богатстве могли бы дать более точные сведения большевики. Они вторглись в Бухару под предлогом освобождения угнетенных бухарских пролетариев от власти буржуазных эмиров⁶. На самом же деле разграбили всю Бухару и прежде всего сокровища эмира. Но у них награбленные богатства расшивались между пальцами без достаточной регистрации.

В ту же пору эмир бухарский Абдул-Ахад-Багадур-хан⁷, очень умный человек и тонкий политик, умело пользовался своим богатством и для сохранения своей государственной полунезависимости, и для увеличения личного своего значения. Он достигал этого щедрым одариванием высокопоставленных и влиятельных лиц. И прежде всего это относилось к туркестанскому генерал-губернатору и его окружению.

Позже эмир учредил свой известный орден «Бухарской звезды»⁸. Орден раздавался горстями. Только немногие пренебрегали бухарским «отличием». Большинство же – и чиновников, и офицеров – были в восторге от возможности украсить свою грудь звездой – хотя бы бухарской, хотя бы серебряной.

Звезды эти были разных степеней: золотые, усыпанные бриллиантами, просто золотые, серебряные позолоченные, просто серебряные... Каждому – по мере его влияния, от особ царской фамилии до стоящих на улице у входа полицейских околоточных надзирателей.

Время от времени эмир ездил в Россию, и его часто сопровождал в таких случаях наш хороший знакомый Д.В. Белов⁹, бывший в ту пору адъютантом при туркестанском генерал-губернаторе. Поезд эмира, как рассказывал Белов, на всех линиях и станциях прямо штурмовался охотниками за бухарскими звездами. На какой-нибудь маленькой станции, где поезд стоит минуту, врывается в вагон эмира офицер в парадном мундире, с почетным рапортом:

– Честь имею доложить вашему высочеству, что во вверенной мне конвойной команде все обстоит благополучно!

Эмир презрительно усмехнется, но начальник конвойной команды выходит из двинувшегося уже поезда с серебряной звездой.

Подарками эмир добивался и увеличения своих титулов: мы застали его с титулом «ваше степенство», точно у купца; потом он стал «вашей светлостью», дошел до «вашего высочества» и получил чин, которым он особенно гордился, – генерал-лейтенанта по Терскому казачьему войску.

В нужные моменты Абдул-Ахад-Богадур-хан умел произвести впечатление своим пожертвованием на общегосударственные цели. Во время сбора в России на голодающих он пожертвовал 100 тысяч рублей. А в эпоху увлечения сбором на усиление военного флота он предоставил средства на сооружение особого миноносца; так был построен миноносец «Эмир Бухарский».

При генерал-губернаторе бароне Вревском вопрос о приеме подарков от эмира был формально узаконен. Два раза в год, к Пасхе и к Рождеству, эмир присылал в Ташкент посольство поздравлять генерал-губернатора с наступающими праздниками. Посольство приезжало в составе пяти–шести бухарских сановников, чаще всего во главе с министром финансов Бухары – «диван-беги». Оно задаривало генерал-губернатора подарками: коврами, оружием в драгоценной оправе, шелковыми и бархатными халатами и кусками материи и т.п. Вещи эти, в случае их реализации, стоили бы десятка два тысяч рублей. Кроме того, обдабривалась и женская часть семьи генерал-губернатора: золотом, бриллиантами, тканями, – а также и некоторые из старших должностных лиц при «полуцаре»: управляющий канцелярией его и пр.

Два раза в год посылалось и ответное посольство от генерал-губернатора к эмиру, поздравлять его с наступающими мусульманскими праздниками. Во главе делегации ставился адъютант или чиновник особых поручений при генерал-губернаторе и переводчик канцелярии. Они также везли подарки эмиру, но уже приобретаемые на счет казны. На такие подарки ассигновывалось каждый раз по несколько тысяч рублей. Эмиру подносились хотя и ценные, но совершенно ему не нужные вещи. Таким образом у него составилась целый музей бесполезных подарков: коллекция граммофонов, серебряных чернильниц, серебряных жбанов для вина, которого мусульмане не пьют и т.п.

Из-за этих командировок с подарками к эмиру между состоявшими в окружении генерал-губернатора шла ожесточенная борьба и интриги, потому что это было очень выгодным делом. Эмир щедро одаривал посольство, и реализацией его подарков глава посольства более чем удваивал свой годовой бюджет.

Специализовавшийся на возглавлении таких посольств Д.В. Белов нам рассказывал:

– Перед этой командировкой я всегда смертельно боюсь, как бы не заболеть. Из-за какой-нибудь нелепой болезни можно потерять несколько тысяч рублей... Прежде всего, я принимаю и слабительное и закрепляющее...

– Что же вы это делаете?

– Ну, природа там сама разберет, что ей нужно! Авось что-нибудь да поможет. Когда мы приезжаем в Бухару, нам назначается аудиенция у эмира. Приходим в парадной форме, я произношу от имени генерал-губернатора соответственную речь. При выходе от эмира нам подносят от его имени подарки: тюки с халатами, с полдюжины, а то и десяток тюков. В каждом тюке наверху парчовый халат, затем бар-

хатный, шелковый и т.д., до самого простого. Это – полный комплект бухарского обмундирования – на все случаи жизни. Подносят также и ковры, ткани...

Приходим домой, к нам тотчас же является бухарский чиновник или купец, поставляющий во дворец подарки, и откровенно спрашивает: «Не желаете ли, чтобы не возиться, получить, вместо халатов или ковров, их стоимость наличными? Ваши подарки стоят столько-то». Мы получаем деньги и возвращаем халаты. На другой день или через день являемся откланяться эмиру. При выходе опять получаем тюки халатов, быть может, те же самые, что мы накануне продали, а дома опять обмениваем их на деньги...

Ковры и дорогие ткани не сбывались на месте, а отвозились в Самарканд или Ташкент, где их с большей выгодой продавали местным купцам или знакомым.

Отказаться от подарков эмира считалось невозможным: это значило бы оскорбить «его высочество». Никто, впрочем, и не отказывался.

То же, но в гораздо более скромных размерах, происходило и в отношении Хивы. Хан хивинский был много беднее, и подарки его были редкими и скромными. Зато и честь хану была скромная...

Барон А.Б. Вревский

Барон Александр Борисович Вревский в мои студенческие годы был начальником штаба Одесского военного округа. Мне часто приходилось встречаться с офицерами окружного штаба, и они постоянно рассказывали служебные анекдоты о Вревском. Выходило, по рассказам, что он совершенно не справляется с обязанностями, в делах разбирается плохо и кладет анекдотические резолюции.

Поэтому, когда получилось известие, что Вревский назначен туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками округа, по Одессе пошла острота:

– Англичане дали в Петербурге очень крупную взятку, чтобы в Ташкент назначили Вревского.

Через несколько лет я застал Вревского в Ташкенте.

О нем и по Ташкенту ходило немало рассказов. Командование войсками округа, по-видимому, его мало занимало, и он во всем полагался на начальника штаба генерала Хорошхина¹⁰. Как администратор он также ни в чем не проявлял своей индивидуальности. Говорили, что он во всем соглашается с докладчиками. Ему, однако, повезло в том, что гражданские дела оказались в руках весьма почтенного человека, управляющего его канцелярией Нестеровского¹¹.

Все же впечатление было таково, что край при Вревском распустился и все распоясывается. На слабость управления Вревского было обращено внимание в Петербурге, и была назначена ревизия края. Во главе ревизионной комиссии был послан грозный ревизор военного ведомства, генерал Баранок¹². Его имя наводило ужас на чиновников. Кто был этот Баранок? Думаю, что он мог быть чехом, там есть фамилия Беранек (барашек), которая, как часто бывало с чешскими фамилиями, слегка переделалась.

Особенно трепетала ревизии Ферганская область, и, конечно, не без основа-

ния. Далекая от глаз начальства, она особенно поддавалась влиянию разнеживающего южного солнца и азиатской халатности. Но очень волновался и сам Вревский, чувствовавший, что острое ревизии направлено против него.

Приехал Баранок и начал метать молнии. Но почти тотчас же сильно заболел.

Крылатая молва разнесла, что Баранок отравлен ревизуемыми. Конечно, это было совершенным вздором, но Вревский еще больше взволновался, боясь, что эта сплетня дойдет до столицы.

Баранку потребовалась спешная операция. Лучшим хирургом в Ташкенте был тогда доктор Фогель¹³, сам в это время бывший при смерти вследствие туберкулеза. Вревский лично приехал к Фогелю и упросил его подняться с постели и сделать операцию Баранку.

Фогель, военный врач, не считал возможным отказаться. Встал и сделал операцию. Как утверждала вдова Фогеля, именно этот шаг вызвал ухудшение здоровья и скорую смерть самого Фогеля. Но не удалось спасти и Баранка, он умер.

По Фергане пошли гулять стихи:

Как ни ужасен и жесток
Генерал был Баранок,
Но на сей раз Фергана
Рукой хирурга спасена.

Так молва истолковала, будто Фогель зарезал Баранка...

Со смертью Баранка вопрос о ревизии края естественно отпал.

Вревский был большим барином, и этим пользовались как окружающие его, так и большой штат служащих при доме. Его безбожно обкрадывали. Бывало, что, несмотря на большие расходы, гости с его официальных приемов уходили совсем голодными. Случалось, что не бывало в доме, чем поужинать и ему самому. А штат служащих наживался.

Это было связано с семейным положением Вревского. Он был одинок, кажется, вдовец. Но у него в доме постоянно сменялись племянницы, при которых состояла, независимо от возраста племянниц, бессменная гувернантка – англичанка мисс Хор¹⁴.

Племянницы легко выходили замуж – всегда находились охотники породниться с правителем края, – выписывалась новая племянница, и ее опекала мисс Хор.

Конечно, никто к ней и не относился, как к гувернантке, а как к «морганатической» генерал-губернаторше. К ее чести надо, однако, сказать, что она никогда и ни в чем не злоупотребляла своим положением и на роль хозяйки дома не претендовала.

Маленького роста, худощавая англичанка очень любила повеселиться и потанцевать, хотя ее возрасту это уже недостаточно соответствовало. Русским языком она никак овладеть не могла, и об ее выражениях ходили анекдоты. Например, как-то говорит:

– Он ни мать, ни отец, а проходимец!

В чем дело, никто не понял. Потом объяснилось. Она хотела сказать: «Он ни в мать, ни в отца, а в прохожего молодца».

Время от времени Вревский должен был устраивать официальные балы, которыми он очень тяготился. На балы, кроме старших чинов всех ведомств, приглашалась и сартская знать. Это были по преимуществу старики, судьи (кази), – в своих богатых бархатных халатах с белыми чалмами. Женщин-сартянок, разумеется, тогда быть не могло. На один из балов был по протекции приглашен прибывший из Ферганы сартский поэт¹⁵, еще молодой человек.

Позже он описал этот бал в стихах, написанных в восточном стиле. Бедный поэт был ошеломлен невиданным великолепием. Обе хозяйки – мисс Хор и племянница Ладыженская – изображены им были прекрасными, как ангелы.

Но более всего поразило поэта то, что в залах была сотня позолоченных стульев, и между ними не было ни одного поломанного.

При общей слабости характера, Вревский иногда проявлял вспышки, отдававшие самодурством, что плохо вязалось с общим его джентльменством.

Он жил летом на даче, далеко от города. В военном соборе, 22 июля, в день именин императрицы Марии Федоровны, должно было происходить торжественное молебствие. А Вревский не приезжает.

Протоиерей военного собора, о. Константин Богородицкий¹⁶, очень осторожный и дипломатичный иерей, не знал, как быть. Собор переполнен собравшимися нотаблями в парадной форме... Все недоумевают. Телефона на даче генерал-губернатора не было, узнать о намерениях генерал-губернатора нельзя, а он все не приезжает. Вдруг он почему-либо совсем не приедет... А не отслужить царского молебна ведь тоже никак нельзя.

Проходит полчаса, час... Богородицкий решается, начинает службу.

Вслед за тем подъезжает коляска с Вревским и адъютантом. Что-то их задержало в пути.

Вревский входит в собор и видит, что молебствие началось. Вспылил, весь покраснел. Жестом руки останавливает молебствие.

– Вы позволили себе, – обращается он к протоиерею, – начать молебствие, не дождавшись главного начальника края! Объявляю вам за это выговор... – Вревский оглянулся и сделал широкий жест рукой: – Всенародный!!!

Богородицкий молча поклонился.

Мне пришлось неоднократно лично общаться со Вревским. Он производил впечатление человека очень культурного, с разносторонними знаниями, но делами мало интересующегося. Зато как раз он очень интересовался астрономией. При первой же нашей встрече Вревский стал развивать мне свою, довольно-таки фантастическую теорию о строении Солнца. Он как-то связывал солнечные пятна и геологические процессы. Мне казалось – Вревский хотел бы, чтобы я развил его теорию научно. Я из вежливости что-то бормотал о возможности и такого взгляда.

По своей старости, Вревский забывал, что он уже изложил мне свои воззрения, и при дальнейших встречах начинал их излагать заново. О них же он любил говорить часто приезжавшим в Туркестан иностранным путешественникам.

Когда Вревский встречал в популярных астрономических журналах, которые он почитывал, упоминания о моих работах, он это всегда подчеркивал и присылал

мне. На моих же популярных астрономических лекциях он был едва ли не самым внимательным слушателем.

Народные чтения

В Ташкенте не существовало народных чтений. Я поднял вопрос об их устройстве, привлекая к этому делу несколько общественных деятелей. О них следовало бы сказать несколько слов, как о представителях местной интеллигенции.

В этот кружок я вовлек В.Ф. Ошанина¹⁷, Н.С. Лыкошина¹⁸, И.И. Гейера¹⁹, Н.Н. Касьянова²⁰, С.А. Лидского²¹ и еще нескольких.

Василий Федорович Ошанин был директором женской гимназии. Маленького роста, с длинной, разделявшейся на две части русой бородой, в очках, сквозь которые его глаза казались особенно большими, В[асилий] Ф[едорович] как будто поставил жизненной задачей быть решительно со всеми в хороших отношениях. Это ему не удавалось без компромиссов и лавировки, но все-таки решительно ото всех слышалось:

– Какой милый человек этот Василий Федорович!

И по службе он старался никому не сделать неприятности, его поэтому любили и педагоги, и ученицы.

В ташкентском обществе он считался ученым, и не без основания. Он был энтомологом. Педагогическая деятельность не прерывала его научной работы. Много путешествовал по краю, хорошо знал Туркестан, часто ездил в научные экспедиции.

Специализировался он, как сам любил над собою шутить, по «клопам» (полужесткокрылым). У него была громадная коллекция этих насекомых, помещавшаяся во многих десятках коробок, которые он любил показывать, всегда сам остря над своей научной специальностью. По внешности насекомые его коллекции, иногда очень крупные, весьма мало соответствовали житейскому представлению о клопах.

Всю свою ташкентскую жизнь Ошанин составлял каталог этих полужесткокрылых, но никак не мог собраться его издать. Я его неоднократно убеждал приступить к этому делу, но В[асилий] Ф[едорович] обладал некоторой вялостью к тому, что выходило за пределы повседневности. Его вялость проявлялась и по роли председателя местного отдела Московского общества любителей естествознания и антропологии. Члены этого отдела жаловались, что Ошанина годами нельзя было заставить созвать заседание общества.

Отслужив благополучно, что полагалось, и получив свою пенсию, В[асилий] Ф[едорович] переехал в Петербург. Здесь я застал его работающим в энтомологических кабинетах Академии наук.

– В мое командование, – смеялся он, – переданы все клопы академии.

Теперь-то он и смог опубликовать труд всей жизни – каталог полужесткокрылых, в изданиях Академии наук. Через несколько лет я прочитал в газетах о его смерти.

Нил Сергеевич Лыкошин, капитан артиллерии, был в ту пору полицеймейстером туземной части Ташкента.

Как-то странно вязалась полицейская должность с таким прямым, хорошим и честным человеком, умственные запросы которого сильно выделяли его из окружающей служебной среды. Это был более писатель и отчасти ученый этнограф, чем администратор.

Некоторые из книг Лыкошина были очень интересны, например, изданный им кодекс приличий по мусульманскому обычаю²². В этом кодексе регулировалось, кажется, все: когда надо ходить в баню, в какие дни надо любить жену и т.п. Были и весьма симпатичные правила, например, то, что старший всегда первый должен приветствовать младшего. Это толковалось широко: сидящий – старше стоящего, верховой старше пешего и пр.

Лыкошин держал себя с начальством не совсем так, как держат себя подчиненные, а с осознанием личного достоинства. Даже с генерал-губернатором он не вытягивался, по роли полицеймейстера, в струнку, а разговаривал как со всеми остальными. Вревского этот тон очень шокировал. Как человек воспитанный, он сдерживался и молчал, но при случае проявлял свое раздражение против Лыкошина. Однако последний переделать себя не мог или не хотел.

Кончилось катастрофой. Н[ил] С[ергеевич], которому, при его большой семье, не всегда хватало жалованья, допустил несомненную неосторожность: взял под вексель деньги у одного богатого сарта. Это было, однако, запрещено. Вревскому об этом донесли, и он приказал немедленно отчислить Лыкошина от должности. Как раз перед этим у генерал-губернатора был бал, и Лыкошин, танцуя с мисс Хор, поскользнулся на слишком натертом паркете и упал, вместе со своей дамой.

В обществе сейчас же пошла легенда:

– Вревский за то отчислил Лыкошина, что он уронил мисс Хор...

Гнев Вревского все же удалось смягчить, и Н[ил] С[ергеевич] был вновь назначен начальником уезда в Ходжент.

Лыкошин вообще отличался большой чистотой души и замечательной личной порядочностью. Сартское население его любило и уважало. Он прекрасно изучил местные языки и свободно объяснялся с подведомственным населением. Мне приходилось бывать у него в канцелярии, когда к нему являлись сарты по своим делам. Полное отсутствие помпы и величия, совершенно простой разговор. Сарты бывали разговором удовлетворены. И внешний вид Лыкошина подкупал: большая седеющая борода, спокойствие в словах и жестах, – вид патриарха.

Как-то Н[ил] С[ергеевич] повез нас в туземный город вечером – посмотреть на радение дервишей. Дервиши – род монахов.

Это были дервиши ордена «Календар»²³. Сокращенно их называли «календари». В каждом почти городе есть своя «календар-хана», помещение, где они собираются для исполнения своих обрядов. Самый же орден основан лет двести назад. Сегодня они исполняли свое радение, при котором календари приходят в экстаз.

Большое помещение было сплошь заполнено несколькими сотнями дервишей, сидевшими в глубоком молчании. Откуда-то, из невидимого нам помещения, слышался монотонный старческий голос, читавший что-то религиозное.

Потом голос внезапно смолк.

Вся толпа дервишей в темных халатах поднялась и сгрудилась в среднем помещении, где опустилась на пол, на овечьи кожи. В стороне, у стены, сидел старик, шейх, сменявший тихое чтение возгласами, за которыми следовали общая молитва и пение.

Шейх запел молитву, и вдруг вся масса сидящих начала раскачиваться из стороны в сторону, выкрикивая какое-то не понятое мною слово в такт стихам молитвы. Дервиши колебались взад и вперед, прикладывая руку то к лицу, то к сердцу, то к бороде, то к коленям. Раздельные выкрики сливались в односложный, повторяемый все чаще и чаще, и дервиши ускоряли свои колебания тела. Вдруг один дервиш вскочил, жалостно вопя, и затанцевал на месте.

<...> Еще несколько дервишей с воплями затанцевали. На всех лицах струился пот. Дервиши вставали, опускались, снова вскакивали, дико ревя свой мистический выкрик... Качались, тряслись, падали... Руки проделывали в воздухе странные движения... Иные уже лежали без движения, точно трупы... <...> Не стало мочи смотреть!

Положительные качества Лыкошина слишком говорили за него, и он, подвигаясь по службе, под конец стал самаркандским военным губернатором. После нескольких лет здесь его застали революция и большевизм.

Его посадили в том же Самарканде в тюрьму. Мне рассказывали, что он подавал всем арестантам пример величия духа, кротости и смирения, ни на что не жалуясь и в первую среди арестантов очередь выполняя самые грязные тюремные работы.

Затем его освободили, так как его не в чем было обвинить, кроме того, что он был губернатором. Вместе с другими лицами, служившими в администрации, его выслали впоследствии из края, в Самару. Слышал я, будто он, всегда болевший глазами, здесь совсем ослеп, а через некоторое время Лыкошин здесь же и умер.

Приехал ко мне на обсерваторию старик с большой белой бородой. На плечи накинута пальто военного чиновника, с красной подкладкой.

– Генерал Касьянов! – предупредил меня Юнус.

Вошел слегка сутулый, но еще бодрый старик, с живыми, хотя и покрасневшими, глазами. На груди – университетский значок.

– Приехал я к вам – посмотреть и посравнить век нынешний и век минувший. Когда-то, в Казанском университете, я тоже занимался астрономией.

Постепенно мы с ним сошлись и стали хорошими друзьями.

Интересная это была ташкентская фигура. В прошлом, по окончании университета, он, по игре случая, стал интендантским чиновником. Служа в Туркестане, он был, в эпоху Кауфмана, интендантом в известном хивинском походе, сделанном через море песков, это было в 1873 году.

Дослужившись до генеральского чина в интендантстве, Касьянов вышел в отставку... столь же бедным, каким и поступил на службу. Жил он только на пенсию. В интендантском мире это было явлением совершенно исключительным. Правда, у него был за городом довольно крупный участок, в несколько десятин, к которо-

му вела из города изломанная улица, названная в его честь «Касьяновской». Но в героические времена Туркестана земля стоила такую безделицу, что все, кажется, чиновники старого времени стали крупными землевладельцами. Русский Ташкент создавался на пустыре, и трудно было предугадать его будущее развитие.

Своей пенсией и доходами от садоводства и цветоводства – он был большим любителем цветов – существовал весьма скромно старик Касьянов со своей маленькой семьей.

Несмотря на свой возраст и долгую службу в военном ведомстве, Николай Николаевич Касьянов ни в какой мере не утратил молодости души. Это был вечно бурлящий и всегда готовый на «волнения» студент. Старости для него как будто не существовало. Он стал одним из энергичных участников в устройстве народных чтений. Ездил, суетился, сам постоянно читал, рискуя проглотить свои искусственные зубы... В местном обществе он считался *enfant terrible*²⁴.

Особенно бурлил и кипел он в городской думе, которая, благодаря «безгласным» гласным-сартам, не осмеливавшимся возражать председательствующему в думе начальнику города, шла на поводу у этого последнего. Положение в думе стало особенно ненормальным после «Андижанского восстания», о котором речь впереди, – новый начальник города, он же председатель в думе, железной рукой устранял всякое свободомыслие в сартах, в том числе и по городским делам. Одна треть гласных были сарты, которые являлись в думу в полном числе, как на службу. Русские же манкировали посещениями. При таких условиях председатель проводил в думе, с помощью терроризованных сартов, все, что хотел. Касьянов же стал лидером думской оппозиции.

Он кричал на заседании председателю:

– Вы не имеете права самовольно распоряжаться в думе! Вы председатель, а не начальство. Нельзя это смешивать!

Председатель, подполковник Ладыженский, выходил из себя:

– Гласный Касьянов, лишаю вас слова!

– Не имеете права! Сначала вы должны сделать три предупреждения.

– В таком случае делаю вам первое, второе и третье предупреждения и лишаю слова!

Старик приезжает из думы ко мне, делится своим горем:

– Почему вы не пожалуетесь губернатору?

– Бесполезно. Это все одна шайка!

Имени Касьянова администрация под конец действительно не выносила.

Милый, честный старик! Я оставил его в Ташкенте в 1904 году стариком уже за семьдесят. Больше о нем ничего не слышал.

Иван Иванович Гейер не был близок никому из нашего кружка устроителей народных чтений. О нем говорилось иногда хорошо, чаще плохо. Симпатиями он не пользовался, но ценили его разносторонние способности.

Отрицательное было в его прошлом. Студент-естественник Харьковского университета, он – дальнейшее я передаю не по бесспорным данным, а на основании ташкентской молвы, – участвовал в партии социалистов-революционеров²⁵. По-

пался, был арестован, привлечен к ответственности, но отделался благополучно – лишь ссылкой на жительство в Туркестан. Молва утверждала, что он отделался так дешево благодаря преданию им товарищей и будто бы в печатном издании эсеров его имя фигурировало в числе предателей.

С виду болезненный, бледный, он чувствовал себя в Туркестане хорошо, а благодаря своему природному уму недурно устроился. Именно, несмотря на ссылку, он перешел на службу в администрации и приобрел в Сырдарьинской области немалое влияние, ставши чиновником особых поручений при военном губернаторе.

На этом посту был в то время генерал Корольков. Губернатор и по виду напоминал королька; небольшого роста, толстенький, красный... Корольков был ленив и свою энергию тратил, во-первых, на разведение роз, а затем – на ухаживание. У него на казенной даче был роскошный розарий, в несколько сот сортов роз. Этот розарий заполнял, кажется, все мысли Королькова, и к области у него было меньше интереса, тем более что управление мирным сартским населением большого труда не составляло.

Все же время от времени перед губернатором вставали трудные вопросы, в разрешении которых для него бывала очень кстати помощь Гейера. В Ташкенте прочно укоренилась шутка:

– Что такое, собственно, представляет собою Гейер?

– Это – ум Королькова!

Действительно, при его помощи многого можно было достичь у губернатора, и это было общеизвестно.

И.И. Гейер обладал болезненным честолюбием; хотел во всем быть первой скрипкой. Пользуясь своим влиянием в городе, он часто этого достигал. Правда, он был на все руки: журналист, лектор-популяризатор по химии, разносторонний административный деятель, изготовитель фотографических пластинок и многое другое. Не затевалось в Ташкенте ни одного начинания, к которому не оказался бы причастен, в качестве видного деятеля, Гейер. О нем говорили: «И швец, и жнец, и в дуду игрец».

При частом личном общении, я удивлялся тому утрированному либерализму, который проявлял на словах Гейер при всяком удобном и неудобном случае. Это казалось странным и ввиду его служебного положения, и ввиду того, что все это сходило ему безнаказанно.

Мы должны были привлечь Гейера к участию в организации народных чтений, как ввиду его личной деловитости, так и ввиду его влияния на губернатора.

Заседания по организации чтений происходили у меня. Все формальности, по тем временам положенные, были, наконец, завершены, и мы получили право начать свою деятельность.

Остановкой оказалось отсутствие средств на выпуск книжек и иллюстрационного материала. Мы решили прибегнуть к известному приему «boule de neige»²⁶. Каждый из нас должен был написать трем знакомым письма с просьбой пожертвовать на это дело 20 копеек и написать три таких же письма трем своим знакомым и т.д. Мы знали, что такой порядок сбора вообще не разрешается, но рассудили, что

так как все мы являемся лицами прекрасно известными властям, то наш сбор не вызовет подозрений.

Кажется, я был первым, который начал рассылку писем; другие предпочли не спешить: «Как, мол, к этому отнесутся».

Письма стали все же распространяться, и это вызвало кое-где неблагоприятные разговоры. В частности, остался недоволен Корольков, которого мы считали предупрежденным Гейером. Корольков поехал с жалобой на нас к барону Вревскому и взвинтил также и его. Вызвали к генерал-губернатору старшего из нас по служебному положению В.Ф. Ошанина, и Вревский объявил ему свое решение:

– За рассылку недозволенных писем, открытие деятельности комиссии народных чтений запрещается до истечения одного года.

И.И. Гейер, также принявший на себя обязанность рассылать эти письма, позже мне говорил:

– Эге! Чтобы я – да стал посылать такие письма... Я слишком травленный заяц!

Через год деятельность наша восстановилась под названием «Пушкинское общество народных чтений»²⁷. В.Ф. Ошанин и еще кое-кто из более робких отошли от дела, вызвавшего однажды неудовольствие генерал-губернатора. Председателем Пушкинского общества мы избрали управляющего казенной палатой А.И. Николаенко²⁸. Общество расцвело и расширилось, но Николаенко в нем оставался больше в роли иконы, а главную роль взял на себя Гейер.

А.И. Николаенко

Аркадий Иванович Николаенко заслуживает, пожалуй, более детального о себе воспоминания. Он остался для меня, несмотря на многолетнее и близкое знакомство, скрытым за вопросительным знаком.

Еще довольно молодой тогда человек, он пользовался несомненной любовью подчиненных и общим уважением в ташкентском обществе.

Супруги Николаенко вели в Ташкенте удивительный образ жизни: ни с кем из местного общества не поддерживали знакомства домами, ограничиваясь только визитами. Точнее, забаррикадировались от всех, и единственные, кто у них бывал как близкие люди, это младший сослуживец В.Ф. Островский²⁹ с женой. Другим эта изоляция объяснялась тем, будто Лидия Николаевна Николаенко – большая домоседка.

Позже я близко познакомился с Л.Н. Николаенко: развитая, образованная женщина, не чуждая некоторой эксцентричности и с большой дозой эгоизма.

Все же это как-то удивляло: Николаенко всем симпатичен, все его хвалят, а около него – аравийская пустыня.

В общественной жизни А[ркадий] И[ванович] проявлял крайнюю чиновничью осторожность. Старался ни в чем не проявить своего лица, и когда в его присутствии что-либо порицали или чем-либо возмущались, он мило улыбался, издавая неопределенные звуки, которые каждый мог понимать, как ему угодно.

Через несколько лет А[ркадий] И[ванович] получил перевод с повышением в Петербург. Его очень тепло проводили из Ташкента.

Еще некоторое время спустя и мне пришлось жить в Петербурге. Здесь я довольно близко сошелся с Николаенко и стал на дружеских правах бывать у них в доме. И опять меня поражала та же аравийская пустыня около их семьи. В течение долгого времени я был единственным посетителем их дома, если не считать изредка приезжавшего из Москвы все того же В.Ф. Островского.

Николаенко тем временем продвигался в своей карьере и стал директором департамента. А затем как-то внезапно вышел по болезни в отставку.

Через некоторое время я снова попал в Петербург. Николаенко я застал совсем одинокими. Он жаловался:

– Мы теперь совсем заброшены. Никто о нас и не помнит.

А Л[идия] Н[иколаевна] прибавляла:

– С тех пор как Аркадий Иванович потерял свое служебное значение, с нами никто не считается!

Жили они довольно скромно, и опять я что-то не помню, чтобы у них кто-либо бывал, кроме ближайших родственников.

Так продолжалось еще несколько лет. Я служил в Твери, в Государственном банке, часто приезжал в Петербург и всегда бывал в этой семье на правах близкого друга. А[ркадий] И[ванович] говорил, что уже избавился от своей болезни и хотел бы вернуться на службу.

– Разумеется, с повышением, – прибавляла его жена.

Приезжаю я как-то в Петербург и из утренних газет узнаю, что А[ркадий] И[ванович] только что назначен товарищем министра финансов. Естественно, что я тотчас же поздравил его по телефону, и мы сговорились о дне моего ближайшего посещения.

В назначенное им время я приезжаю.

– Никого нет дома, – говорит горничная.

Меня это поразило:

– Вам ничего не поручили мне передать? Не оставили ли, быть может, записки?

– Нет, ничего.

– Хорошо! Кланяйтесь и скажите, что был такой-то.

Мне все-таки не верилось, чтобы только из-за того, что он стал товарищем министра в ведомстве, в котором я занимаю значительно более скромное место, можно было бы так резко оборвать двадцатилетнюю дружбу. Два дня поэтому я ждал от Николаенко объяснительной записки или хотя бы звонка по телефону. Ничего. Тогда, чтобы не порвать двадцатилетней дружбы из-за недоразумения, я ему написал, что я приехал по его же приглашению, но вышло что-то для меня непонятное. Так как недоразумение остается неразъясненным, то я прошу ответить, в чем, собственно, дело? Если же это было сделано умышленно, или если я вообще не получу от него ответа, то я постараюсь, чтобы он никогда не имел повода даже вспомнить о моем существовании.

Никакого ответа не последовало.

Общие знакомые предлагали мне свое посредничество, чтобы разъяснить это загадочное недоразумение. Я от этого решительно отказался. С Николаенко мы более никогда не встречались.

По службе он, однако, преуспевал. В самую мрачную эпоху распутинщины, после ухода министра финансов Барка, он стал управлять Министерством финансов. Он, очевидно, завоевал симпатию Николая II. На этом посту его захватила революция 1917 года. Как пользовавшийся симпатиями, он и при революции и общих арестах министров не подвергся преследованиям. А через несколько месяцев, еще до наступления большевизма, он умер.

Железная дорога

При управлении Туркестаном Вревского произошло памятное для Ташкента событие: стали строить железную дорогу из Самарканда в Ташкент. Кончился период сообщения – для привилегированных – на почтовых тройках, для остальных – на сартских арбах, для транспорта же – на верблюдах.

Закладка Ташкентского вокзала...³⁰ Строитель дороги – инженер А.И. Урсати³¹. Громадный мужчина, точно медведь, властный и энергичный. Денег тогда не жалели, откуда только брали их столько? Торжество было исключительное, гомерическое. Закладка, торжественное молебствие, на территории будущего вокзала раскинуты шатры, лукулловское угощение, речи, речи, подогреваемые потоками шампанского...

Выступает старый туркестанец:

– Никогда в жизни я не видел железной дороги! Думал, так и умру. А вот, смотрите. Дождался! Перед самой смертью... Но все же не я к ней пришел, а она, голубушка, ко мне пожаловала!

Праздничное настроение целого русского Ташкента – а дело было летом – продолжалось весь день. Вечером в военном собрании бал. А после на столах, накрытых в саду, – устроенный железнодорожниками ужин. Такого роскошного ужина я за всю свою долгую и разнообразную жизнь более не видел. Свежую икру ели чуть ли не из глубоких тарелок. А шампанское уже буквально пили столовыми стаканами, – с бокалами не стоило и возиться.

Граф Н.Я. Ростовцев

Заменять барона Вревского, уехавшего на несколько месяцев в Россию, назначен был самаркандский военный губернатор граф Николай Яковлевич Ростовцев³².

Он был сыном известного деятеля по освобождению крестьян Якова Ростовцева³³. Сам Николай Яковлевич, высокий старик с окладистой седой бородой, производил чарующее впечатление. Все, что о нем приходилось слышать, а отчасти и самому видеть, свидетельствовало о том, что Н[иколай] Я[ковлевич] вкладывал душу в каждое дело, каким ему приходилось заниматься. На военной службе – помнится, что в последнее время он командовал в Одессе знаменитой «железной» 4-й стрелковой бригадой – Ростовцев был сочтен слишком либеральным. Его перевели в глушь по администрации. Это не было ни в какой мере карьерой для сына такого известного отца, с громадными, следовательно, связями.

Назначенный самаркандским губернатором, Н[иколай] Я[ковлевич] немедленно

но изучил сартский язык. И был случай, когда, выслушивая по какому-то серьезному делу, через официального переводчика, просителя-сарта, Ростовцев обнаружил, что переводчик умышленно переводит ему не то, о чем говорит жалобщик.

– Если бы, – рассказывал Н[иколай] Я[ковлевич], – во всем остальном мне сартский язык более не понадобился, то и этого случая было бы достаточно, чтобы мне не пожалеть о затраченном труде на его изучение.

Таким же добросовестным было и все его управление. В Ташкенте некоторым лицам, избалованным мягкостью режима Вревского, это мало нравилось, но Ростовцев говорил:

– Я хорошо знаю, что я – калиф на час. Однако в этот час прошу относиться ко мне как к калифу!

Мне приходилось не раз беседовать с Н[иколаем] Я[ковлевичем], который обнаруживал и свою большую разностороннюю начитанность, и научное образование, в частности и по астрономии. Для меня составило удовольствие, показывая небо в телескоп, дать возможность увидеть ему то, о чем он лишь читал.

Вместе с Н[иколаем] Я[ковлевичем] жили в Ташкенте два его сына. Старший, Яков Николаевич³⁴, был тогда сравнительно скромным чиновником Министерства земледелия. Суховатый человек и, как казалось, себе на уме, не в отца; больших симпатий он к себе не возбуждал. Другой сын, Михаил Николаевич³⁵, капитан лейб-егерского полка, был, наоборот, необычайно симпатичен. Чувствовалась какая-то особенная мягкость и чуткость, – деликатнейшая натура.

Оба они бывали у нас в доме. Я[ков] Н[иколаевич] казался занятым по преимуществу интересами своей карьеры. И действительно, прошло всего каких-нибудь два года, как он сделал, по своим обстоятельствам, головокружительную карьеру: из скромного министерского чиновника стал секретарем императрицы Александры Федоровны и заведующим делами детей императора. Он сумел сохранить эту весьма трудную по придворным условиям должность до самого крушения царизма.

Я навестил позже братьев Ростовцевых в Петербурге. Я[ков] Н[иколаевич] как раз оказался на вершине своих карьеристических достижений, и тон его уже стал снисходительно любезным. М[ихаил] Н[иколаевич] это как-то сразу уловил и деликатной любезностью смягчал тон брата.

Некоторое время спустя в газетах появилось извещение офицеров полка о том, что их любимый товарищ граф М.Н. Ростовцев покончил самоубийством.

Разграничение на Памирах

В 1855 году было назначено разграничение на Памирах³⁶. Оно происходило между Россией и Афганистаном, но второй стороной явился не сам Афганистан, а вызвавшая представлять его интересы Англия. Комиссарами в разграничительную комиссию были назначены: с русской стороны ферганский военный губернатор генерал Повало-Швейковский³⁷, с англо-афганской – генерал Джерард³⁸.

В русскую комиссию был также командирован, как представитель Министерства иностранных дел, бывший до того генеральным консулом в Багдаде Петр Егорович Панафидин³⁹. Семья Панафидиных жила в соседнем с нами доме, и наши

жены стали друзьями. Эмма Иосифовна Панафидина, американка по происхождению, была исключительно милой женщиной, всегда жившей интересами своих двух сыновей Алика и Джорджи. Много лет спустя, уже во время большевизма, после смерти мужа, она бежала туманной ночью со взрослыми уже сыновьями на лодке из Петрограда в Финляндию, а затем счастливо добралась и до Америки.

В Ташкенте Э[мма] И[осифовна] делилась с нами сведениями, получаемыми от мужа, о ходе работ разграничительной комиссии. Работа затянулась на несколько месяцев. Панафидин часто выражал удивление, разделяемое всей русской комиссией, в том, какого простака прислали англичане в лице Джерарда. Протоколов англичане сами не составляют, а просто берут для переписки составленные русскими, сам Джерард по-русски не понимает и т.п. Казалось, что работы комиссии проходят в весьма выгодных для русских интересов условиях... Увы, это оказалось впоследствии далеко не так, англичане тонко провели русских, и в Министерстве иностранных дел работами комиссии отнюдь не остались довольны.

Работы закончены, и Джерард попросил позволения возвратиться домой через Россию, ему это любезно разрешено.

Джерард считался гостем генерал-губернатора и провел в Ташкенте несколько дней. Граф Н.Я. Ростовцев устроил в его честь обед, на который были приглашены представители из разных ведомств. Потом оказалось, что были приглашены лица, могущие помочь развлечь гостя. Ростовцев искусно заговорил о нашей обсерватории, и вышло так, что я увидел себя вынужденным пригласить всю компанию, прямо после обеда, поехать смотреть небо в телескоп.

Я по-английски не говорил, и мои объяснения переводил гостю Я.Н. Ростовцев, прибывший с нами.

На другой день Н.С. Лыкошин повез Джерарда показывать ему сартский Ташкент. Но вышло недоразумение: молодой Ростовцев, служивший переводчиком, не приехал. Лыкошин сокрушается, как же ему быть. И вдруг слышит:

– Не беспокойтесь, я понимаю по-русски.

Удивительно, как это Джерард вдруг проговорился, выдав свою хитрую политику. Хороша оказалась роль членов нашей разграничительной комиссии...

Великий князь Николай Константинович

Яркая туркестанская фигура того времени, Николай Константинович⁴⁰ был братом поэта «К. Р.»⁴¹. В Петербурге он увлекся красавицей-американкой⁴² и под влиянием своего увлечения стащил у матери, великой княгини Александры Иосифовны, ожерелье⁴³.

Виновника кражи легко обнаружили. Надо было, однако, по возможности смягчить скандал в царской семье. Американку выслали из России, а великого князя признали ненормальным. Его сослали на жительство в Туркестан, под надзор генерал-губернатора.

Князь был высокий и видный мужчина. Голова, начисто выбритая, производила несколько странное впечатление, но лицо было явно «породистое», с правильными чертами «романовского» типа.

Великий князь женился на дочери оренбургского полицеймейстера Надежде Александровне Дрейер⁴⁴. Долгое время его жена официально называлась «состоящей при великом князе». Впоследствии она побывала в Петербурге и произвела в семье своего мужа выгодное для себя впечатление. Тогда ей высочайше пожалован был титул «Искандер», излюбленное великим князем прозвище в Азии Александра Македонского. Этот же титул или фамилию получили и ее дети от великого князя⁴⁵.

Н[адежда] А[лександровна] была красивой женщиной; тогда, впрочем, она уже стала блекнуть. Хороший характер, много такта и терпения и большая живость, которую Н[адежда] А[лександровна] не утратила, даже несмотря на весьма тяжелую свою жизнь.

Для туркестанской власти надзор за великим князем был делом нелегким и весьма щекотливым. Надо было все время оглядываться на его родственные связи. Н[иколай] К[онстантинович], особенно в первые годы своей ссылки, злоупотреблял своей мнимой ненормальностью и постоянно выделял разные трюки.

Он являлся, например, в собор на торжественные богослужения в царские дни, когда все были в мундирах и орденах, демонстративно в простом домашнем пиджаке. Его попросили одеваться иначе, – князь вовсе перестал бывать на молебствиях.

В его дворце был поставлен металлический бюст сославшего его Александра III, в то время еще царствовавшего. В присутствии посторонних, Н[иколай] К[онстантинович] подходил к бюсту, щелкал императора по лбу и, когда раздавался металлический звук, обращался к присутствующим:

– Слышите господа, как гудит? Это потому, что в голове царя – пусто!

Своим излюбленным героем он избрал почему-то Павла I. Култ этого императора выявлялся в его дворце повсюду. По-видимому, это было лишь деланное оригинальничание.

Под конец ему предложили выселиться из Ташкента в более глухие места.

Николай Константинович поселился тогда в Голодной степи, вблизи нескольких русских поселков, устройству которых он отчасти и содействовал.

Здесь он повел жизнь настоящего азиатского хана. Этому содействовали и его относительно большие средства: ему ассигновывалось по 12 000 рублей в месяц, сумма, по условиям времени и места, очень большая. С русскими поселенцами он держал себя, как типичный помещик-крепостник: выбирал себе из женщин наложниц и т.п.

Завел у себя орду конвойных, и с этой оравой, одетый и сам в сартский костюм, носился в степи, расправляясь нагайками, с кем находил это нужным. Жалоб, впрочем, бывало мало: многое заглаживалось впоследствии денежными подачками.

Рассказывали о случае, бывшем еще до нашего приезда, с состоявшим при нем доктором. Приревновав к нему Надежду Александровну, великий князь схватил обоих за воротники и стал бить лицами друг о друга: целуйтесь, мол!

Он велел доктора закопать на ночь в Голодной степи: над землей оставалась только одна докторская голова. Утром доктора откопали, но он за ночь сошел с ума; его прямо отвезли в дом умалишенных.

При великом князе тогда состоял – фактически в роли гувернера – обязанный его опекать и предостерегать от безумных поступков и расточительности, а также благополучно ликвидировать последствия его выходок – казачий полковник Дубровин⁴⁶. Задача эта была ответственная, щекотливая и неблагодарная, но хорошо оплачиваемая. Дубровин всегда ходил вооруженный револьвером, и великий князь все же его побаивался.

Хуже бывало положение чиновников, обязанных непосредственно иметь дело с великим князем. Мне рассказывал как-то И.И. Гейер:

– Командировал меня к великому князю мой губернатор. Приезжаю. Зовут в кабинет. Князь сидит за письменным столом.

– В чем дело?

– Так и так, ваше высочество....

Передал поручение губернатора. Вдруг лицо великого князя перекошилось. Вскрикивает с кресла:

– Что-о-о!! Вот я вам, с губернатором, покажу!

Хватает палку, бросается на меня. Я скачу за письменный стол... Он за мной. Кричит... Стали мы так бегать вокруг стола. Вижу – дело плохо... Исколотит! Выскочив в открытое окно, бросаюсь за постройки.

Он кричит в окно:

– Держи! Держи его!!

Проходит камердинер князя:

– В камыши скорее спрячьтесь!

Князь его в окно спрашивает:

– Где спрятался чиновник?

– В степь убежал!

Я бросился в камыши. Залег в самую гущу. Только бы собак не послали...

Со двора выезжает погоня – орда верховых с нагайками.

– Поймать и привести ко мне!

Я просидел в камышах, пока совсем не стемнело. Ночью выбрался, дошел до ближайшего поселка, нанял лошадей в Ташкент.

Говорю губернатору:

– Как хотите, ваше превосходительство, а я больше к нему не поеду!

Приехала другой раз к великому князю комиссия инженеров. Князь остался ими доволен – всем подарил по серебряному портсигару.

Начался ужин. Великий князь быстро напился. Что-то ему вдруг не понравилось. Кричит лакею:

– Отбери у всех них мои портсигары!

Портсигары были возвращены.

Искушенные опытом люди поступали иначе. Приехал к великому князю областной архитектор Есаков, также командированный губернатором. Что-то князя рассердило. Схватил палку, бросился на архитектора.

Есаков быстро выхватил револьвер и направил на великого князя. Тот сразу успокоился, сел на свое место и мирно продолжал деловую беседу.

Горько жаловался на Николая Константиновича наш друг В.С. Гейнцельман⁴⁷,

бывший чиновником для технических поручений при генерал-губернаторе, человек немецкой аккуратности и исключительной добросовестности. Получает он приказание от барона Вревского: «Ассигнованы средства на постройку для великого князя дворца в Голодной степи. Съездите к его высочеству, узнайте его желания, а составленный на основании них проект представьте мне на утверждение».

Гейнцельман приезжает:

– Что угодно построить вашему высочеству?

– Гмм... Постройте мне дворец в стиле царя Алексея Михайловича!

Гейнцельман с головой уходит в работу; изучает по историческим памятникам стиль, чертит, рисует... Через три месяца привозит готовый проект князю.

– Что это у вас?

– Как вы желали, ваше высочество. Дворец в стиле царя Алексея Михайловича!

– Я передумал... Нет, и смотреть не хочу. Вы мне спроектируйте *château d'eau*⁴⁸!

Огорченный пропавшей зря работой немец снова добросовестно трудится несколько месяцев и привозит новый проект.

Великий князь и смотреть не хочет. Он опять передумал. Требуется переделки в мавританском стиле.

Только когда он отказался и этот проект посмотреть, а дал новые указания, стало ясно, что он просто издевается. От постройки дворца в Голодной степи отказались.

Еще раньше тот же Гейнцельман выстроил князю дворец в Ташкенте, который впоследствии был захвачен, вместе со всем имуществом, большевиками и обращен в музей⁴⁹. В этом дворце действительно было много музейных вещей, картин и пр. Между картинами, принадлежавшими великому князю, мне в свое время показывали и портрет пресловутой американки, сбившей великого князя с его пути.

Но сам Н[иколай] К[онстантинович] жил не в больших, светлых комнатах дворца, а предпочитал верхние полумансардные комнаты, предназначенные собственно для прислуги; там же должна была жить и Надежда Александровна.

Николай Константинович ни в какой мере не считал себя связанным браком с Надеждой Александровной. Говорили, что у него в поселке была особая фаворитка, какая-то казачка; но он не стеснялся и временными связями. <...>

Надежда Александровна переносила это молча, делая приятную улыбку. Справедливо, впрочем, указать, что – по крайней мере в последнее время – великий князь мало стеснял и жену.

Верховые стражники – сарты скачут по русским поселкам. Разыскивают сельских попики:

– Скорее прячьтесь! Великий князь едет!

– Но... почему?

– Скорее! Заставит вас венчать его или исколотит нагайками.

Великий князь завел роман с гимназисткой Хмелевской⁵⁰, хорошенькой девчонкой. Но она сама, или этого требовала ее мать, не сдавалась князю, а потребовала венчания в церкви. Великий князь перед этим несколько не остановился.

В Ташкенте не нашлось священника, который бы рискнул обвенчать их при живой и не разведенной жене. Заставить же себя обвенчать насилием здесь не было возможно.

Великий князь с невестой, в сопровождении своей орды конвойных, поехал по уезду, чтобы принудить какого-нибудь несчастного попа силой обвенчать себя. Но его план стал известен администрации. Предупрежденные гонцами батюшки попрятались – кто в стог сена, кто на чердак...

Николай II вышел из себя, получив от генерал-губернатора донесение о происшедшем. Эта выходка князя переполнила чашу. Царь приказал послать в Ташкент комиссию для освидетельствования умственных способностей Николая Константиновича.

Комиссию составили два психиатра, а возглавлял ее известный тогда престарелый адмирал Казнаков⁵¹. После экспертизы психиатры признали, что хотя великий князь и не вполне нормален, однако не настолько, чтобы не отвечать за свои поступки.

Казнаков рассказывал, что можно еще удивляться относительной нравственности князя. В его делах нашли ряд писем ташкентских матерей, которые, прилагая фотографические карточки своих дочерей, предлагали этих последних князю за вознаграждение в 5–15 тысяч рублей. Быть может, им импонировала и его принадлежность к царскому роду...

Хмелевская с матерью были высланы в Баку. Но невеста, переодевшись мальчиком, бежала к великому князю в Ташкент. Ее, однако, арестовали на железной дороге и вернули назад.

Эта история не прошла для великого князя безнаказанно. Воздух Туркестана был признан для него вредным. Его сослали – сначала на остров Эзель⁵². Почему-то он здесь не прижился, и его переселили в Балаклаву.

Однако через некоторое время Николая Константиновича простили и, уступая его просьбам, разрешили возвратиться в Ташкент.

Была за Николаем Константиновичем и общественная заслуга. Он использовал, между прочим, свое пребывание в Голодной степи и для того, чтобы посылать этот бесплодный и мертвый край в орошаемый оазис. Стал проводить в степи оросительные каналы, расходуя на это дело отпускавшиеся в его распоряжение средства.

Сначала дело велось кустарным способом, и большого толка из его оросительных работ не выходило. На них и смотрели как на его забаву: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы поменьше скандалило!».

Потом князя надоумили привлечь техников с нивелирами. Дело сразу пошло успешно. Через несколько лет его оросительные сооружения представляли уже весьма полезное дело. Благодаря магистральному арыку, в степи стало возможным жить, и здесь начали возникать русские поселки.

Впоследствии оросительное дело повелось здесь широко и на государственный счет, но его инициатором все же был именно Николай Константинович.

Позже, особенно по возвращении из Балаклавы, великий князь стал держать себя скромнее. Да и годы начали сказываться, он стал угомоняться.

В качества «гувернера» при нем состоял в последнее время наш друг генерал Д.В. Белов. Он рассказывал, что никогда прямо не противоречит великому князю, но так подстраивает обстоятельства, что исполнение нежелательной «воли его высочества» становится по внешним причинам невозможным. Например, разбуженный как-то утром проезжавшими телегами, князь приказывает:

- Закрывать эту улицу для езды. Завтра же!
- Слушаю!

Белов едет к начальнику города и уговаривается с ним... Рано утром являются рабочие и разрывают часть мостовой «для ремонта».

- Дмитрий Васильевич, закрыта ли, как я приказал, улица?
- Пока еще нет, ваше высочество. Но на ней как раз производится ремонт, и езды нет!

А через несколько дней великий князь уже и сам забыл о своей блажи.

Там же, в Ташкенте, Николай Константинович через несколько лет и умер.

Приехавши, много лет спустя, в 1921 году, в Ташкент, я навестил Надежду Александровну. Дворец был у нее отобран большевиками, но Н[адежда] А[лександровна] своим тактом и приветливостью сумела не вооружить против себя и эту власть.

Ей даже разрешили занимать в полуподвальном этаже дворца, где раньше жила ее прислуга, две комнаты. Здесь я и застал ее, окруженную десятком породистых собак:

- Это собаки великого князя.

Постаревшая и расплывшаяся, она все же держала себя бодро и весело. Не проявила никакой горечи при воспоминаниях. Без злобы, а больше с юмором, говорила о притеснениях, которым подвергает ее новая власть. Заботилась о сохранении дворца от разграбления, и именно она подсказала мысль об обращении его в музей.

Не надеялась ли она на лучшие времена?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о супруге управляющего канцелярией туркестанского генерал-губернатора Платона Петровича Каблукова (1837 – после 1885) *Зинаиде Евграфовне Каблуковой (Золотиловой)*. В 1875 г. Каблуков был направлен в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана. 1 марта 1877 г. он был назначен управляющим канцелярией генерал-губернатора. В.В. Стратонов воспроизводит одну из светских сплетен туркестанского общества о том, что такой стремительной карьерой Каблуков был обязан жене. Эта умная и привлекательная женщина пользовалась большим влиянием в Туркестане. Так, в романе А. Алматинской «Гнет» фигурирует «мадам Каблукова» как «преданный друг» фон Кауфмана.

² Речь идет о романе-хронике «В новом краю» (1915) *Николая Дмитриевича Ильина* (1852–1922; по другим данным: 1849 – после 1915), русского писателя, служившего с 1876 по 1882 годы в Туркестанском крае. (Прим. ВС.)

³ *Черняев Михаил Григорьевич* (1828–1898) – генерал-лейтенант, туркестанский генерал-губернатор. В 1858 г. принял участие в экспедиции А.И. Бутакова по Аральскому морю. Участник и руководитель Туркестанских походов. В 1882–1884 гг., после многих лет вынужденного бездействия, Черняев был Туркестанским генерал-губернатором.

⁴ Речь идет об одном из персонажей книги М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города».

⁵ *Розенбах Николай Оттонович* (1836–1901) – генерал от инфантерии; в 1884–1889 гг. был Туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа. При нем продолжилось строительство участков Закаспийской железной дороги до Самарканда и до Ташкента, началась разработка нефтяных месторождений в Ферганской долине. Оказывал значительное покровительство многочисленным ученым экспедициям на Тянь-Шань и Памир.

⁶ 29 августа – 2 сентября 1920 г. части Красной Армии Туркестанского фронта под командованием М.В. Фрунзе, при поддержке национальных формирований (младобухарцев и бухарских коммунистов), свергли последнего бухарского эмира Сейида Алим-хана. 8 октября 1920 г. была провозглашена Бухарская Народная Советская республика.

⁷ Сеид Абдул-Ахад-Багадур-хан (1859–1910) – бухарский эмир из династии Мангыт. Правил в 1885–1910 гг.

⁸ В.В. Стратонов допускает ошибку. Орден *Благородной Бухары* (*Бухарская золотая звезда*) был учрежден отцом Сеид Абдул-Ахада, бухарским эмиром Музаффаром, в 1881 г. Орден имел 8 степеней: три – золотых, три – серебряных и два наивысших класса – золотая звезда с бриллиантами и золотая звезда с алмазами.

⁹ Белов Дмитрий Васильевич (1862 – после 1935) – генерал-майор, выпускник Института восточных языков. 3 августа 1891 г. поступил в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора, Занимал ряд ответственных должностей в Туркестанском военном округе, в том числе штаб-офицера для особых поручений при командующем и штаб-офицера для поручений при Туркестанском генерал-губернаторе. В 1918 г. работал в Комиссариате внутренних дел, затем до 1924 г. в Туркестанском статистическом управлении. Был репрессирован.

¹⁰ Хорошхин Михаил Павлович (1844–1898) – генерал-лейтенант. В 1893–1896 гг. был начальником Штаба Туркестанского военного округа.

¹¹ Нестеровский Константин Александрович – тайный советник. 28 апреля 1870 г. был назначен судьей Ташкента. Через два месяца переведен на службу в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора и последовательно проходил должности уездного судьи, начальника судного отделения Сырдарьинского областного правления, делопроизводителя канцелярии генерал-губернатора, члена Ферганского областного по земельным делам присутствия. С 5 января 1883 г. по 2 мая 1899 гг. был управляющим канцелярией генерал-губернатора. В 1901, 1902 и 1903 гг. возглавлял особую комиссию по составлению нового Положения об управлении Туркестанским краем. 30 июня 1907 г. было создано особое вневедомственное совещание, под его председательством, для составления проекта нового Положения управления краем.

¹² Алексей Никитич Боронок (*Баранок*) (1852–1892) – генерал, участник Среднеазиатских походов. (Прим. ВС.)

¹³ Фогель Густав Густавович (1851–1894) – хирург, выпускник Дерптского университета, доктор медицины. Стажировался в Берлине. Старший ординатор Ташкентского госпиталя. В конце XIX в. в Туркестане, в благодарность за спасение от эпидемии холеры, его именем было названо село – Фогелево. Был женат на младшей дочери консула Российской империи в Кашгаре Н.Ф. Петровского.

¹⁴ В этом предосудительном поведении генерал-губернатора усмотрели измену. Мисс Хор (Хорн или Гор) объявили английской шпионкой, после чего барона Вревского в 1898 г. отстранили от губернаторских дел.

¹⁵ Речь идет о Закирджане Фиркате (*Фуркате*), поэте и просветителе второй половины XIX – начала XX вв. Своим впечатлением от посещения губернаторского бала «О том, как мы (автор), 10 февраля, во второй раз были гостями в доме Его Высокопревосходительства господина генерал-губернатора» он поделился с читателями на страницах «Туркестанской туземной газеты» за 22 февраля 1891 г.

¹⁶ Богородицкий Константин Николаевич (1863–1922(?)) – протоиерей, принадлежал к плеяде «григорьевцев» – пастырей-миссионеров, приехавших из России в Туркестан. Прибыл в Туркестан 8 июля 1892 г., где оказался единственным священником с академическим образованием. Первоначально преподавал Закон Божий в ташкентской мужской гимназии. 17 мая 1893 г. возведен в сан протоиерея и назначен настоятелем ташкентского Преображенского собора. Благодаря таланту проповедника быстро приобрел популярность среди паствы. С 1894 г. являлся благочинным храмов Ташкента и Ташкентского округа, председателем ташкентского отделения епархиального училищного совета, уездным наблюдателем церковно-приходских школ, законоучителем в Ташкентском реальном училище, духовником Туркестанской общины сестер милосердия Красного Креста. 20 декабря 1900 г. назначен благочинным военных церквей Сырдарьинской обл. В 1918 г. вновь был назначен настоятелем Преображенского собора и оставался им до своей кончины.

¹⁷ Ошанин Василий Федорович (1844–1917) – энтомолог, географ и путешественник, исследователь Средней Азии. В 1872–1883 гг. директор Туркестанской школы шелководства, преподавал естественные науки в Туркестанской учительской семинарии. После 1887 г. – директор Первой Ташкентской женской гимназии. В 1878 г. Ошанин возглавил первую русскую научную экспедицию в районы Каратегина и Северо-Западного Памира. Экспедиция открыла хребет Петра Первого, издали наблюдала пик Коммунизма и открыла крупнейший ледник Евразии, названный именем известного путешественника и исследователя Памира А.П. Федченко. За эту экспедицию Ошанин получил Малую золотую медаль Русского географического общества. В 1881–1887 гг. совершал поездки по Ташкентскому, Джизакскому и Ходжентскому уездам, в Самарканд и Пенджикент, в бассейн реки Чирчик, в Верный и Каракалы. В Средней Азии он работал до 1906 г.

¹⁸ Лыкошин Нил Сергеевич (1860–1922) – генерал-майор, краевед. В 1889–1890 гг. Уратюбинский участковый пристав, в 1890–1895 гг. – заведующий временной азиатской частью Ташкента. С 1895 по 1897 гг. полицмейстер туземной части Ташкента, затем помощник начальника Чимкентского уезда. В 1906–1912 гг. – ходжентский уездный воинский начальник. Начальник Аму-Дарьинского отдела (1912–1914). 22 апреля 1914 г. был назначен на должность военного губернатора Самаркандской области, но из-за конфликта с генерал-губернатором Туркестанского края А.Н. Куропаткиным в январе 1917 г. вышел в отставку. Лыкошин был одним из основателей Туркестанского кружка любителей археологии. Автор многочисленных публикаций по археологии и этнографии Туркестана.

¹⁹ Гейер Иван Ильич (1860–1907(8)) – историк и этнограф. С 1891 г. работал в Ташкенте секретарем Сыр-Дарьинского областного статистического комитета. Редактор 13-томного издания «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области» (1891–1907). В книге «Весь Русский Туркестан» привел важные сведения по истории, этнографии, духовной культуре народов Средней Азии. Занимался изучением фольклора Туркестанского края.

²⁰ Касьянов Николай Николаевич – почетный член Туркестанского отдела Императорского Российского общества садоводства, гласный Ташкентской городской думы, член одной из кадетских организаций Туркестана.

²¹ Лидский С.А. – пионер искусственного рыборазведения в Туркестане. Член правления Туркестанского общества сельского хозяйства. Увлекался фотографией. Летом 1887 г. С.А. Лидский совершил переход из Самарканда через перевал Тахта-Карача на Яркабад, Байсун, Дербент, Денау, Каратаг, в Гиссарскую и Зарафшанскую долины.

²² Речь идет о книге Н. Лыкошина «Хороший тон на Востоке» (Петроград: тип. Б.Д. Брукера, 1915), представляющей собой перевод трактата Мухаммада Садыка Кашгари «Адаб-уль-салихин» («Кодекс приличный»).

²³ Дервиши-каландары – странствующие дервиши, не имели дома, семьи, давали обет безбрачия. Жили в специальных зданиях – хонако, это была своеобразная обитель, где дервиши не только могли получить приют, но также встречались с шейхом (наставником). В хонако проводились диспуты и совместные радения.

²⁴ Несносный ребенок (фр.).

²⁵ За участие в народовольческом кружке в 1887 г. привлекался к судебному процессу, известному как «Процесс двадцати одного».

²⁶ Снежок, снежный ком (фр.)

²⁷ Пушкинское общество народных чтений было образовано в 1901 г., начало функционировать с 15 января 1902 г. Его деятельность выразилась в организации отделов народного чтения, воскресных школ и книжных складов. За четыре года деятельности (1902–1905) обществом было проведено 143 народных чтения. Популярностью пользовались открытые обществом воскресные школы.

²⁸ Николаенко Аркадий Иванович (1862–1917) – сенатор, управляющий Ташкентской казенной палатой, с 19 мая 1914 по 1917 гг. – товарищ министра финансов Российской империи. В годы Первой мировой войны – председатель особого Межведомственного совещания о финансировании некоторых частных металлургических предприятий, работающих на нужды государственной обороны.

²⁹ Биографические сведения уточнить не удалось.

³⁰ Ташкентский железнодорожный вокзал был построен в 1899 г. по проекту архитектора Г.М. Сваричевского. После сильного землетрясения в 1902 г. здание было отремонтировано и над его центральным подъездом были установлены первые в городе часы. Историческое здание вокзала было снесено в 1957 г.

³¹ Урсати Александр Иванович (1848 – после 1918) – инженер путей сообщения. Принимал участие в строительстве Закаспийской железной дороги (от Самарканда до Андижана, с веткой на Ташкент), был начальником строительства северной части дороги между Оренбургом и Ташкентом.

³² Ростовцев Николай Яковлевич (1831–1897) – граф, генерал-лейтенант, в 1891–1897 гг. – военный губернатор и командующий резервными и местными войсками Самаркандской области. На этой должности многое сделал для развития области. Первым в Туркестане стал развивать пчеловодство. Ростовцеву удалось добиться необходимого финансирования археологических раскопок и привлечения ученых-востоковедов для изучения Самарканда и его окрестностей. Огромный вклад внес в дело строительства железной дороги от Самарканда до Ташкента.

³³ Ростовцев Яков Иванович (1804–1860) – граф, генерал от инфантерии, главный разработчик крестьянской реформы 1861 г.

³⁴ Ростовцев Яков Николаевич (1865–1931) – граф, действительный статский советник, гофмейстер, заведующий канцелярией Императрицы Александры Федоровны, Управляющий делами царских детей. В 1930 г. арестован за контрреволюционную деятельность.

³⁵ Ростовцев Михаил Николаевич (1869–1913) – граф, выпускник Пажеского корпуса, гвардейский офицер.

³⁶ В конце XIX в. Памир стал окончательной точкой военно-политического противостояния Англии и России в рамках «Большой игры». В 1892 г. русские войска заняли Восточный Памир. В 1895 г., в соответствии с русско-английским разграничением, край был разделен: левобережная часть территории реки Пяндж отошла к Афганистану и осталась в подчинении англичан, а правобережная часть присоединена к России.

³⁷ Повало-Швейковский Александр Николаевич (1834–1903) – генерал-лейтенант, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 31 декабря 1892 г. возглавил штаб Туркестанского военного округа. 30 июня 1893 г. назначен военным губернатором Ферганской области и командующим резервными и местными войсками области. В 1895 г. был назначен императорским комиссаром в смешанную русско-английско-афганскую комиссию по разграничению границы Российской империи и Афганистана. В 1898 г. в Андижане под лозунгами газавата началось восстание. Повало-Швейковский был отстранен от должности. Николай II объявил ему выговор «за бездействие власти».

³⁸ Монтегю Гильберт Джерард (Sir Montagu Gilbert Gerard, 1842–1905), английский генерал. Принимал участие во 2-й Афганской войне (1878–1880), Египетской кампании 1882 г. и др. Сопровождал великого князя Николая Александровича (в будущем – царя Николая Второго) во время его тура по Индии (декабрь 1890 – февраль 1891). С 1892 г. был британским военным атташе в Петербурге, в 1895 г. возглавлял британскую комиссию по разделению на Памире. В ходе русско-японской войны находился в войсках генерала Куропаткина в качестве британского военного атташе. (Прим. ВС.)

³⁹ Панафидин Петр Егорович – служил консулом в Багдаде и Исфагане, консулом в Мешхеде (Хорасан) в 1898–1903 гг.; с 1903 г. – Генеральный консул в Константинополе.

⁴⁰ Великий князь Николай Константинович (1850–1918) – старший сын великого князя Константина Николаевича, младшего брата императора Александра II, внук Николая I. Был обвинен в краже семейных ценностей и выслан из столицы. С 1881 г. постоянно проживал в Ташкенте.

⁴¹ Великий князь Константин Константинович, поэтический псевдоним К. Р. (1858–1915) – президент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, поэт, переводчик и драматург.

⁴² Речь идет об американской танцовщице Фанни Лир (настоящее имя – Хариетт Блэкфорд).

⁴³ Здесь и далее В.В. Стратонов во многом повторяет расхожие слухи, ходившие о великом князе, многие из которых требуют проверки. (Прим. ВС.)

⁴⁴ Дрейер Надежда Александровна (1861–1929) – дочь оренбургского полицмейстера. В 1899 г. ей было высочайше разрешено именоваться фамилией «Искандер».

⁴⁵ Искандер Артемий Николаевич (1878–1919), по одной версии погиб во время Гражданской войны, сражаясь на стороне белых, по другой – умер от тифа в Ташкенте в 1919 г. Искандер Александр Николаевич (1887–1957) – офицер, участвовал в антибольшевистском восстании в Ташкенте в январе 1919 г., сражался в армии Врангеля. Умер в эмиграции во Франции.

⁴⁶ Биографические сведения уточнить не удалось.

⁴⁷ Гейнцельман Вильгельм Соломонович (1851–1922) – архитектор и инженер. С 1874 г. автор или соавтор проектов многих крупных зданий Ташкента: комплекс построек дворца Великого князя Н.К. Романова (1889–1890 гг.), Казенная палата (1890 г.), Реальное училище (1898 г.). Был автором проекта и сметы строительства Публичной библиотеки в Ташкенте, а затем и в Самарканде. Проектировал храмы (Спасо-Преображенский Военный собор в Ташкенте), а также вносил весьма существенные поправки в проекты других архитекторов. Сыграл большую роль в создании различных построек Ташкентской обсерватории.

⁴⁸ Водонапорная башня (фр.)

⁴⁹ Перед смертью в 1918 г. Николай Константинович передал дворец в дар Ташкенту с условием устройства во дворце музея. Коллекция картин европейской и русской живописи, собранная Великим князем, явилась основой для создания в 1919 г. Музея искусств. Позже здесь располагался дворец пионеров, Музей антиквариата и ювелирного искусства Узбекистана (до начала 1990-х). В настоящее время – Дом приемов МИД Узбекистана.

⁵⁰ Биографические сведения уточнить не удалось.

⁵¹ Казнаков Николай Иванович (1834–1906) – адмирал, генерал-адъютант.

⁵² Сааремаа (название в Российской империи – Эзель) – самый большой остров Моонзундского архипелага в Балтийском море.

Валерий ГЕРМАНОВ

Ташкентские кадеты. Сцены из жизни и последующие судьбы*

Сцена первая. 1904 год. Преподаватель рисования

8 мая 1904 года Ташкентская приготовительная школа была преобразована в Кадетский корпус. К ведению учебно-воспитательной работы были привлечены представители интеллигенции, по возможности с высшим образованием и любящие детей. Особой любовью воспитанников пользовался преподаватель рисования Сергей Петрович Юдин (1858–1933), воспитанник Санкт-Петербургской Академии художеств, пейзажист, мастер пленэрного этюда.

О нем сохранились интересные воспоминания бывшего воспитанника Ташкентского кадетского корпуса, заслуженного деятеля искусств РСФСР скульптора И.В. Крестовского (сына известного русского писателя В.В. Крестовского, автора романа «Петербургские трущобы»), написанные уже в начале 1960-х¹.

«Осенью 1904 года я поступил в первый класс Ташкентского кадетского корпуса. В это время Сергей Петрович Юдин уже преподавал в корпусе рисование. Меня всегда тянуло к этому искусству, и с малых лет я увлекался срисовыванием иллюстраций из журналов “Нива” и “Задумчивое слово”, а также личными рисунками на разные темы и особенно на Русско-Японскую войну. С первых же уроков Сергея Петровича я всей душой расположился к нему. Да всем моим товарищам по классу Сергей Петрович понравился. Он выгодно отличался своей простотой, душевностью и чутким отношением к детям по сравнению с другими педагогами и, особенно, воспитателями. <...>

Сергей Петрович держался индивидуального подхода к ученикам, давал задания по рисунку, считаясь с возможностями и способностями каждого кадета. Весной, когда подсыхала земля и всходила веселящая сердце зеленая травка, Сергей Петрович выводил старшие классы из душных помещений на природу для выпол-

* О Ташкентском кадетском корпусе см. также: Германов В. «Уютное гнездо для среднеазиатских птенцов...» Ташкентский Наследник престола Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича Кадетский корпус // ВС. 2013. № 1 (XXIX). С. 30–42.

нения набросков с натуры. Я любил эти часы и с увлечением старался запечатлеть на бумаге видимую природу. Сергей Петрович давал очень меткие замечания, учитывая которые я исправлял рисунок, и он становился много живее и интереснее.

Будучи в старшем классе, я увлекся масляными красками. В воскресные дни, в отпуске, я с удовольствием копировал с репродукций картин Шишкина, Каразина, Судковского и других художников. Много неумелого и наивного было в этих копиях. Для консультации с Сергеем Петровичем я приносил в корпус свои работы. Он внимательно и с большой чуткостью критиковал, и каждый раз я уходил обогащенный знаниями. Сергей Петрович советовал мне писать с натуры, что гораздо полезнее.

Когда я был в четвертом классе, к нам из Петербургского второго кадетского корпуса был переведен кадет Николай Петров. Что за причина была к его переводу, мы не знали, да он и не говорил. Мы вообще ничего не знали о Петрове, кроме того, что он круглый сирота. Николай Петров был очень способен к живописи и рисунку. Он сразу занял у нас в классе первое место как “художник”, да и не только у нас в классе, но и во всех ротах корпуса. Никто не мог лучше нарисовать, а о живописи и говорить не приходилось.

Особенно удачны были у него этюды с натуры. Не раз он ходил с Сергеем Петровичем “на природу” писать с натуры. Очень удачно получались этюды с тихих, заросших водяными лилиями и ряской озерков, что находились на левом берегу Салара недалеко от корпуса. Много лирики и настроения было в этих озерках, представших в тени плакучих ив. Это Сергей Павлович показал Николаю свои любимые местечки природы. Юдин одновременно со своим учеником писал те же самые места.

Петров очень привязался к учителю и очень скучал, когда долго не ходил с ним на этюды. Видя такое сыновнее отношение к себе, Сергей Петрович выхлопотал у директора В.М. Коха разрешение ходить Петрову к нему в отпуск по воскресным и праздничным дням. Николай Петров с радостью принял разрешение директора. Помню, с каким теплом отзывался он о Сергее Петровиче и его семье.

В корпусе из кадет была составлена охотничья команда, в которую входил и Игорь Крестовский. На рождественские каникулы кадет возили на охоту в тугай присырдарьинских песков. Сергей Петрович вместе с воспитателями всегда участвовал в этих многодневных поездках. Он любил обходить юрты, когда кадеты после дня охоты, усталые и голодные, дружеской компанией располагались вокруг тлеющих очагов, обогревающих юрты. Сергей Петрович часто принимал участие и в нашей трапезе, всегда весело рассказывая что-нибудь забавное и интересное из своей бродячей экспедиционной жизни. Мы любили эти вечера, когда вокруг юрты снег и мороз, а внутри тепло, уютно и весело с нашим дорогим учителем.

В те годы меня очень тянуло к лепке. Я любил на уроках географии и истории, слушая преподавателя, лепить из хлеба или пчелиного воска человечков или головки негров, папуасов, египтян, греков, римлян и других народностей, соответственно проходимому по учебнику курсу. Педагоги не мешали этим занятиям во время уроков, так как при вызове я всегда хорошо отвечал. А учитель истории М.В. Лавров даже поощрял мою лепку. Он однажды попросил мои работы, чтобы

показать директору. Я отдал работы, но на душе было беспокойно, – я не знал, как отнесется к этому директор В.М. Кох. А директор отнесся неплохо. М.В. Лаврова поддержали С.П. Юдин, Н.А. Зарудный и другие педагоги.

Педагоги и директор решили, что меня надо учить лепке на уроках рисования. Сергею Петровичу поручили выписать из Петербурга пластилин и стеки. Я радовался, что мне можно будет лепить под руководством Сергея Петровича. Вскоре пришел в небольшом количестве пластилин и две-три стеки. Сергей Петрович предложил мне сначала вылепить зимородка с модели чучела, взятого из естественноисторического класса.

После зимородка я вылепил камышовку и, наконец, летящую кряковую утку, которая была подвешена к потолку на длинной нити. Работы эти увлекали меня, но определенной пользы они не принесли, особенно летящая утка. Форма птиц очень сложна, а тем более у чучел. Для рисунка или живописи модели эти могли бы быть пригодны, но для скульптуры выбор был неудачен, особенно болтавшаяся на нити кряковая утка».

По окончании Кадетского корпуса Игорь Крестовский и не мечтал стать художником, – он поступил в Психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева, чтобы стать врачом. Но бывшего кадета неудержимо тянуло к лепке, и через несколько лет он, оставив институт, начал готовиться к конкурсному экзамену в Академию художеств...

Спустя много лет, когда Игорь Крестовский уже окончил Академию и был оставлен при ней для усовершенствования в скульптуре, в его мастерскую летом неожиданно вошел старый, немного сутулящийся человек в черной шелковой феске, бритый и в золотых очках. Он прищурился, всматриваясь в Игоря, и, не узнав, спросил: «А могу я видеть скульптора Крестовского?». Получив утвердительный ответ, приблизился к Игорю и, обняв по-дружески, расцеловал его.

– Ах, милый Игорь, это я, твой старый учитель, Сергей Петрович! – и они еще раз расцеловались троекратно, по русскому обычаю.

Юдин, осмотрев работы своего ученика, ласково взглянул на Крестовского:

– А я не знал, что ты так хорошо работаешь!

Следующая встреча с Юдиным состоялась уже в Ленинграде, где жила его старшая дочь, Наталья Сергеевна, пригласившая Крестовского к себе. Сергей Петрович, прибывший к дочери из Москвы, приветливо встретил Игоря Всеволодовича и, подведя к сидевшему поодаль седому старичку, сказал:

– Вот, Владимир Матвеевич, гордость нашего корпуса, мой бывший ученик Крестовский, художником-скульптором стал!

Старичком был когда-то грозный и страшный для кадет бывший директор Ташкентского кадетского корпуса Владимир Матвеевич Кох.

Бывший директор и бывший кадет оба испытывали некоторое смущение. Первый – то ли вспомнив свое не всегда справедливое отношение к кадетам, то ли из-за своего потрепанного костюма, особенно кителя, на котором генеральских погон уже не было; второй – увидев бывшего генерала в новом непривычном обличье. Но Юдин начал какой-то интересный общий разговор, и минутное стеснение незаметно прошло.

Кох расспрашивал о новой жизни Крестовского, об успехах в скульптуре; вспомнил Колю Петрова, вышедшего в офицеры и погибшего на поле боя в Первую мировую войну. Не послушал Петров доброго совета своего учителя и предпочел Академии художеств военное училище. Вспомнили и Кубаровского, в корпусе отлично рисовавшего, и Шебалина, и Дегтярева, и многих других, которых Юдин бережно растил и обучал трудному искусству рисования.

После этого вечера И.В. Крестовскому больше не довелось встречаться с Сергеем Петровичем. Только после Великой Отечественной войны до него дошел слух, что С.П. Юдин умер в начале тридцатых годов...

Сцена вторая. 1911 год. Экскурсия в Самарканд

В марте 1911 года в Самарканд прибыл новый военный губернатор Самаркандской области Илья Зурабович Одишелидзе. Он как-то сразу невзлюбил знаменитого ученого-краеоведа В.Л. Вяткина, произведшего раскопки обсерватории Улугбека. Он вынашивал мысль отстранить Вяткина от должности и переместить его на другое место. Но вскоре оставил эту мысль, получив из Ташкента секретную депешу. Генерал-губернатор Туркестанского края в очень любезном, но категорическом тоне писал, что одна высокопоставленная особа (называть которую в письме он не имеет возможности), по причинам политического характера желающая сохранить свое инкогнито, в конце апреля текущего года предполагает посетить Самарканд. Для охраны и конспирации с персоной едут старшие группы Ташкентского кадетского корпуса под командованием члена Русского географического общества, обер-офицера для особых поручений при директоре корпуса штабс-капитана Ситняковского.

Персоной был великий князь Константин Константинович Романов. Много наслышанный об археологических находках в Самарканде профессора Вяткина, он желал лично ознакомиться с руинами средневекового города. Посему вышеуказанный господин Вяткин в отпуск или отъезд не должен был быть отпущен, дабы лично сопровождать высокого гостя по памятникам Самарканда.

Сам генерал-губернатор сопровождать не мог. Он был занят подготовкой военных маневров войск Туркестанского военного округа, на которые особа эта, собственно, и приезжала.

Эта экскурсия кадетов, сопровождавших высокого гостя, подробно описана ее участником, кадетом Малеевым, «репортаж» которого был опубликован в нескольких номерах «Туркестанских ведомостей».

«5 апреля 1911 года в 10 часов вечера 7 класс Ташкентского кадетского корпуса выехал под руководством воспитателя капитана С[итняковского] на экскурсию для осмотра Самарканда и Бухары. К кадетам примкнули несколько преподавателей корпуса. На путевые расходы кадет были выданы казенные деньги. В корпусе шли разговоры об этой поездке уже несколько месяцев. Ждали с нетерпением <...> быть или не быть экскурсии. Но вот, благодаря энергии организаторов всего этого дела, все препятствия были, устранены, и поездка состоялась.

Ехали все с удовольствием. Правда, у некоторых “слабых” кадет пошевелива-

лось неприятное чувство при мысли о близости экзаменов, но надежда “подзубрить” во время второй половины пасхальных каникул снова успокаивала их. Дорога вообще сближает людей, и отношения учителей и учеников менялись. Отношения из сухих, официальных превратились в дружественные, хотя и не фамильярные. Надо сказать, что у некоторых из ехавших учителей уже прошли выпускные экзамены. С этими последними кадеты, так сказать, уже “разделались”, и теперь можно было вспоминать былое, те “битвы, где вместе рубились они”. Все секреты по части “сдувания”, которых у некоторых специалистов за многолетнюю практику накопился большой запас, откровенно рассказывались и вызывали только новые взрывы хохота у недавних “врагов”.

На следующий день, 6 апреля, стали попадаться первые достопримечательности, наводящие на размышления всякого человека, а особенно русского, когда перед его глазами рисуется картина прошлого Туркестана <...>.

Поезд входит в узкий проход между двумя скалами. На второй красуются три надписи и российский герб. Этот проход – единственный в пересекаемом здесь Нуратинском хребте, и, по преданию, он образовался сам собой, чтобы дать возможность пройти Тамерлану, со своими полками направлявшемуся в Европу. Отсюда название “Тамерлановы ворота”. Из надписей, высеченных в скале, две на арабском языке, и возвещают они о счастливых походах, третья же гласит: “Николай II в 1885 г. повелел: Быть железной дороге”. В 1899 г. исполнено”.

С правой стороны линии железной дороги видно “Тамерланову арку”, расположенную на берегу р[еки] Заравшана. <...> В настоящее время вода в реке даже в самые сильные разливы не доходит до основания арки. С левой стороны замечательны: памятник на Чупан-Атинских высотах русским военным, погибшим в 1868 г. при взятии этих высот. <...> На другой горе виднеется могила Чупан-Ата с мавзолеем, построенным Тамерланом. Никаких подробностей о жизни этого святого покровителя пастухов не сохранилось»².

«В полдень приехали в Самарканд. Для доставки людей в военное собрание, где должны были остановиться, на вокзале уже ожидали верховые лошади и две коляски, любезно предоставленные в наше распоряжение на время осмотра конногорной батареи. От вокзала до города несколько верст, и ехать пришлось довольно долго.

Прибыв в собрание, кадеты к своему удивлению нашли в особо отведенных для них комнатах кровати и даже тюфяки, в то время как предполагалось спать по-походному, “на чем попало”. Оставив в собрании вещи, сейчас же отправились на осмотр памятников старины. Вся компания строем по три человека в ряд двинулась в путь. Позади ехали коляски. По дороге к кадетам присоединился Василий Лаврентьевич Вяткин, знаток Туркестана и Самарканда в частности. Под его руководством предполагалось вести осмотр. Программа осмотра была составлена им же»³.

«Прежде всего, Василий Лаврентьевич показал кадетам мавзолей над могилой Тамерлана – Гур-Эмир, находящийся недалеко от Абрамцевского бульвара.

Мавзолей этот построен в 1494 г. (807 год Хиджры) самим Тимуром.

В то время был обычай еще при жизни сооружать себе усыпальницу, подобно как египетские фараоны воздвигали себе пирамиды. <...>

Снаружи усыпальница сохранилась довольно хорошо, принимая во внимание, что она в течение 500 лет подвергалась непрерывно атмосферному влиянию. В 1904 году во время землетрясения упал минарет, стоявший направо от входа. Кроме того, были разрушены кельи, лепившиеся вокруг всего здания.

У входа Василий Лаврентьевич останавливается и обращает наше внимание на надпись на арабском языке над дверью. Он рассказывает нам следующую историю: прежняя надпись, сделанная при Тимуре, из мозаики, была выкрадена <...>. Через несколько лет она была обнаружена в берлинском королевском музее. Очевидно, армяне служили только посредниками для позарившихся на древность немцев. Теперь эта злополучная надпись выкуплена за большие деньги нашего правительства и хранится в Эрмитаже, а на пустом месте, образовавшемся над дверью, нарисованы краской те же буквы»⁴.

«Но вот снаружи все осмотрено, и Василий Лаврентьевич вводит нас внутрь. Он, видимо, здесь свой человек, каждый кирпич, каждый камешек ему знаком, оболюбован им, дорог ему. Он понимает и ценит эти остатки бывшего величества: они для него не немые, а много, очень много говорят его уму и сердцу <...>.

Мы вошли в обширное помещение, имеющее крестообразную форму наподобие христианских храмов. Царит полумрак. Только через резное деревянное окошко со множеством мелких отверстий без стекол падает с вышины пучок света. Сыро. Таинственная тишина. Гулко раздаются голоса и шаги по скромным мраморным плитам, устилающим пол. Кажется, сами стены говорят. Был бы один – наверное, не выдержал бы и выбежал, охваченный суеверным страхом. Но нас много.

В.Л. Вяткин приступил к объяснениям.

<...> Стены внизу облицованы ониксовыми плитками с высеченными на них украшениями. Теперь эти плитки частью ободраны, разворованы, и если бы не бдительность Василия Лаврентьевича, то скоро бы не осталось ничего. Разворовывают также орнаменты и даже просто глазурированные кирпичи, покрывающие стены как изнутри, так и снаружи.

<...> Многие места, лишившиеся своего убора, просто-напросто замазаны ганчем, как заплаты из тряпок на дорогой одежде! Зато эти лысины в изобилии покрыты надписями более позднего времени. Это давно замеченное нами стремление гг. Добчинских сообщить, что они были здесь и руку приложили. Каких только имен и фамилий здесь нет. Тут и “Анатолий Дуров, гимназист 7-го класса”, какие-то Женя и Ваня и так далее без конца. Много надписей и на туземных наречиях. Эти последние, глядя на европейцев, полагают, вероятно, такое “рукоприкладство” признаком хорошего тона. И вот в результате рядом с изречениями из Корана появляются “изречения” несколько иного рода.

Между тем, мы переходим к осмотру собственно святыни, ради которой выстроен мавзолей. Перед нами в особой мраморной ограде девять надгробников.

Главный из них – гробница самого Тимура. Представляет собой огромный темно-зеленый нефрит, остальные – частью мраморные, частью кирпичные и обмазанные ганчем.

Нефрит, как полагают, был высечен в горах Куен-Луны и был монолитом, самым большим по величине из всех известных. Теперь он расколот на две почти

равные части. Предание говорит, что это персидский шах Надир, завоевавший при Екатерине II Самарканд, велел распилить его, чтобы достать сокровища, которые будто бы были спрятаны внутри камня. Рядом с Тамерланом внук его Мирза Улугбек, астроном»⁵.

Так прошла запомнившаяся всем ее участникам поездка кадетов в Самарканд. К сожалению, о дальнейшей судьбе кадета Малеева, усердного «летописца» этой поездки, нам ничего не известно...

Сцена третья. 1911 год. Посещение Корпуса будущим атаманом Всевеликого Войска Донского

Генерал Петр Николаевич Краснов (1869–1947) был талантливым писателем. Еще будучи в звании хорунжего Лейб-гвардии Атаманского полка, он опубликовал в газете «Русский инвалид» статью «Казачий шатер – палатка полковника Чеботарева». Осенью 1897 года его назначают начальником конвоя русской военной миссии при дворе абиссинского негуса Менелика. Однажды молодой сотник Краснов, желая удивить эфиопов, проскакал стоя на двух конях, за что и был награжден офицерским крестом Эфиопской звезды 3-й степени. Его африканские впечатления были опубликованы в произведении «Казачи в Африке: Дневник начальника конвоя российской императорской миссии в Абиссинии в 1897–1898 гг.».

В 1903 году Краснов был адъютантом генерала А.Н. Куропаткина. Служил, в основном, военным корреспондентом и в гвардии. До 1909 г. воинскими частями не командовал; в 1909 году его произвели в полковники. В 1911 году дали командование 1-м Сибирским казачьим Ермака Тимофеева полком Сибирского казачьего войска, расположенным у селения Джаркент Туркестанского генерал-губернаторства.

Главкомандующим войсками Туркестанского военного округа был в это время генерал Александр Васильевич Самсонов. Четыре года до того он служил наказным атаманом Войска Донского, и Петр Краснов по его поручению написал популярное историческое произведение «Картины былого Тихого Дона». Жил он в Новочеркасске и почти каждый день бывал у атамана, то один, то с женой. Генерал Самсонов и его жена были людьми доброжелательными, умными и просвещенными. И потому полковник П.Н. Краснов ехал к А.В. Самсонову смело, не сомневаясь в ласковом приеме.

В своих воспоминаниях «На рубеже Китая»⁶ Петр Николаевич подробно описал свои ташкентские впечатления.

«В Ташкенте – широкие белесоватые пыльные улицы-шоссе, залитые золотом утреннего света, аллеи тополей, карагачей и акаций вдоль журчащих арыков, сады и одноэтажные дома. Белый трамвай спешит куда-то, позванивая... Русские носильщики с белыми фартуками с бляхами и носильщики-сарты, смуглые, с черными ласковыми глазами»⁷.

Грозный правитель края принял Краснова и в самом деле приветливо и радушно; приказал писать ему обо всех нуждах и <...> обращаться к нему напрямую, как к старому атаману и другу.

Уходя, П.Н. Краснов в приемной прощался с адъютантом А.В. Самсонова, донским офицером, есаулом И.Ф. Быкадоровым, которого он хорошо знал по Новочеркасску. Тот дал ему адрес начальника штаба, а также опального Великого князя Николая Константиновича Искандер-Романова: «Непременно заезжайте и распишитесь и у князя Искандера, это так у нас принято делать. Кроме того, Главнокомандующий приказал показать вам нашу гордость – Ташкентский кадетский корпус, рынки и базары»⁸.

В гостиницу Краснов возвращался уже вечером. «Электрические фонари загорались по городу, стало люднее, фантастичнее, красивее; чем-то напоминал город Севастополь и Одессу. Только не было запаха моря...»⁹.

На другой день полковник П.Н. Краснов в сопровождении прикрепленного к нему офицера начал осмотр города.

«...Я был в корпусе, высоком красивом многоэтажном здании, окруженном тенистым садом. Я видел кадет в белых рубашках с погонами, видел все то, что было в каждом кадетском корпусе. Громадные залы с паркетными навоощенными полами, с большими портретами Государей, с картинами военной жизни, видел светлые классы с чистыми ясеневыми партами, веселые лица детей и серьезные – воспитателей. На дворе раздавался барабанный бой, горнист сигналом обрывал часы уроков...»¹⁰.

Последующая жизнь полковника Краснова сложилась драматично. Он был отмечен высокими наградами Российской империи за воинские подвиги в войне 1914–1918 годов, а после Октябрьского переворота встал во главе Всевеликого Войска Донского

В эмиграции Краснов был одним из основателей «Братства Русской Правды» – организации, занимавшейся подпольной работой в советской России. П.Н. Краснов продолжал много писать. Его воспоминания и исторические романы – всего их было написано более двадцати – издавались на русском, английском, французском, немецком и других европейских языках. В мае 1945 года он был захвачен англичанами и вместе с 2,4 тысячи казачьих офицеров выдан советской военной администрации. 16 января 1947 года Краснов и другие были повешены в Москве, в Лефортовской тюрьме.

Сцена четвертая. 1912 год. Награда за храбрость

После подавления вооруженного восстания саперов и нижних чинов 1 июля 1912 года в лагере под селом Троицким, в Ташкентском кадетском корпусе состоялось редкое по тем временам торжество. Кадетам шестого класса Витольду Красовскому и Борису Авдееву была вручены серебряные медали на георгиевской ленте с надписью «За храбрость». Награды были пожалованы юным героям за проявленное ими мужество и самоотверженные действия во время мятежа.

Мужество и самоотверженные действия кадетов, награжденных георгиевскими медалями, заключались в следующем. Кадет Красовский при первых выстрелах прибежал на место бунта и тут же принял от командира роты истекавшего кровью подпоручи-

ка Кошенца, чтобы отвести его в околоток. Вскоре Кошенец потерял сознание, и кадет Красовский, несмотря на раздававшиеся ему вслед выстрелы и возгласы восставших: «Кадет ведет офицера, бей их!» – принес на себе раненого в околоток и сдал его врачу, а сам опять бросился под выстрелами на помощь брату-офицеру, который в это время был уже смертельно ранен.

Кадет Авдеев последовал в лагерь за отчимом, подполковником Табарэ, причем по дороге, услышав щелканье затвора и увидев, что один из восставших целится в отчима, криком: «Папа, в вас!» – предупредил последнего и дал ему возможность броситься на стрелявшего. Невзирая на явную опасность и уговоры, кадет оставался под выстрелами вместе с отчимом, подполковником Табарэ, до момента, когда бунт был совершенно подавлен.

Награждение было произведено лично командующим войсками Туркестанским генерал-губернатором Самсоновым. На торжестве присутствовали высшие военные чины, много офицеров и родители. Вечером, по случаю торжества, в корпусе состоялся бал¹¹.

Сцена пятая. 1914 год. Последний ташкентский кадет

В начале Великой войны (так в Российской империи было принято называть Первую мировую) царил огромный патриотический подъем: у пунктов вербовки на фронт были большие очереди. Дети и подростки буквально сотнями бежали из дому, чтобы помочь родной армии в сражениях против немцев. Были даже сформированы спецотряды полиции, которые занимались исключительно отловом сбежавших несовершеннолетних. Все газеты империи были заполнены объявлениями об исчезновении сыновей; иногда встречались объявления и о сбежавших девочках, пожелавших стать сестрами милосердия.

Не остались в стороне и ташкентские кадеты. Сергей Сосье с двумя однокашниками сбежал из Кадетского корпуса и отправился в сторону фронта. Беглецы вышли к тому участку фронта, где располагался полк полковника Сосье – отца Сергея. Стараясь обойти стороной места возможной нежелательной встречи с ним, кадеты столкнулись с немецкими солдатами, которые тоже заблудились, но были почему-то убеждены, что находятся на своей территории. Кадеты, дождавшись ночи, «спеленали» одного немца-«языка» и быстро доставили его в распоряжение русской армии.

На следующий день полковник Сосье на торжественном построении полка вручил своему сыну Георгиевский крест 4-й степени, затем отвел его в свою палатку и крепко выпорол портупеей за то, что тот сбежал из Кадетского корпуса. А после отправил сына обратно в Ташкент и матери его про эту историю не рассказал.

В годы Гражданской войны С.Н. Сосье был участником боев на Перекопе, обороны Крыма. А ушел из жизни не так давно: 18 февраля 1996 года, на 96-м году жизни, в Сан-Франциско. Возможно, он был последним из оставшихся в живых кадетов некогда знаменитого Ташкентского кадетского корпуса¹².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Воспоминания бывшего туркестанского кадета, заслуженного деятеля искусств РСФСР, профессора, скульптора И.В. Крестовского. 14 сентября 1962 г. // Научный архив Музея искусств Республики Узбекистан. Личный фонд художника Сергея Петровича Юдина (1858–1933).

² Леев М. Экскурсия кадет Ташкентского наследника цесаревича кадетского корпуса в Самарканд и Бухару // Туркестанские ведомости. № 87 (3973). 22 апреля 1911 года.

³ Леев М. Экскурсия кадет Ташкентского наследника цесаревича кадетского корпуса в Самарканд и Бухару (продолжение) // Туркестанские ведомости. № 88 (3974). 23 апреля 1911 года.

⁴ Там же.

⁵ Леев М. Экскурсия кадет Ташкентского наследника цесаревича кадетского корпуса в Самарканд и Бухару (продолжение) // Туркестанские ведомости. № 91 (3997). 27 апреля 1911 года.

⁶ Краснов П.Н. На рубеже Китая. – Париж: Издание Главного правления Зарубежного союза русских военных инвалидов, 1939.

⁷ Там же. С. 22.

⁸ Там же. С. 23.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Туркестанское восстание саперов (1912) // Книга русской скорби. Том XIV. – СПб.: Издание Русского народного союза имени Михаила Архангела, 1914.

¹² См.: «Кадетская перекличка». №№ 55–59. 1994–1997 гг.

Борис ШИРЯЕВ

Соловецкие сказы^{*}

*Публикация Михаила Талалая, примечания и послесловие священника
Вячеслава Умнягина*

Густая тишь^{**}

– Хорошая пивнуха была на Домниковке¹. Все в ней, конечно, как полагается. Конечно, пиво, закуска. По блату у хозяина (Степан Кузьмич звали) – и спиртяга водился. Хор. Кожу укупишь² бывало у фрайера³ подходящую, ну и капаешь туда... Понял?

Собственно говоря, совсем не нужно Ваське Жгуну, чтобы Адамка его понял.

Что он, Адамка? Волосатый деревенщина, навозник. Какая он ширмачу⁴ компания? Просто поговорить Жгуну надо.

Солнце соловецкое каждый камень в стене, словно кондитер, осахаривает. И стена не стена уже, а пряник. Тот пряник, что мать Ваське по субботам раньше в Вязьме приносила, когда Васька еще не Жгуном был, а Васюткой и на заросшем гусиной травкой вяземском тротуаре с ребятами в «цари» играл.

Давно было.

Позабить уже все это успел Жгун. Словно дверьми тюремными захлопнуло, а теперь вдруг всплыло. Четко так, явственно. Как будто вчера было.

Даже штаны перед глазами стоят, плисовые, и на левом колене синяя латка...

Ну да черт с ними со всеми!

Сидят Адамка и Жгун у стены кремлевской, из чудных камней сложенной. Иной каменюга, пожалуй, тысячу пудов потянет.

Сидят Адамка и Жгун, оба соловецкие принудиловцы⁵, оба рыбацье артели работники, а совсем между собою разные, не схожие.

Адамка – мужик, по колено в землю ушел. И не вытянуть его. Руки черные, корявые, что корневища дубовые, а в глазах тишина, мякоть весенняя. У Жгуна глаз – звонок трамвайный, беспокойный, настойчивый.

На Адамке рубаха грубая, домотканая, им самим постиранная на Святом озере⁶, а сквозь отдушину ворота на груди, золотой шерстью поросшей, крестинка на обрывочке болтается.

^{*} Окончание. Начало в ВС № 2, 2017.

^{**} «Соловецкие острова». 1925. №№ 10–11. (За подписью «А. Акаревич»).

Коли спросит кто или посмеется, Адамка глазами землю копнет и протянет:

– У нас в деревне без этого нельзя. Известно – народ темный. Да ну его, шеи не оттянет.

Молчит теперь Адамка. И верит он Ваське и не верит. Уж больно чудно это, чтобы люди по городам так жили. Словно по свадьбам да по крестинам целый год гуляют.

– А работать-то когда?

Даже от стены Жгуна шваркнуло. Будто в провод пальцами угодил.

– Эх ты, дерьмо волосатое... это у вас в Могилевской губернии год по болотам работают да гроши с полузлотом⁷ зарабатывают, а у нас, братишка, Москва. Фраеров хватает: утром опохмелиться не на что, а вечером – музыканты мне в плевательницу буркалы пялят и десять шар⁸ вокруг вьется. Бери любую... Вон они, легки на помине, мать их перетак.

Чинно, парами, как приютские девочки, от женбарака⁹ тянется длинный хвост идущих на работу женщин.

Старые, молодые, хорошенькие, уродливые, то кокетливо постукивающие каблуками «бареток», то уныло шлепающие казенными «буцами», они пара за парой проходили мимо Жгуна и Адамки по досчатому помосту тротуара.

– Смотри, моя хряет...

Муська давно уже Ваську стрёмит, да только фасон держит, глазом не ведет.

– Эй ты, забурела, что ли? Куда рыло-то воротишь, профурсетка!¹⁰

Жгуну и обляять-то лень сейчас. Уж больно сладко соловецкое солнце барахло на нем пригрело.

– Черт с тобой, проходи... Одно расстройство от вас здесь...

А с моря ласка ползет тягучая, белесая. Море периною легло под сердце Адамкино, утопило в себе, заласкало молочною гладью. Выплыли из глуби его поляны, барвинком да златоцветом устланной, жирная, влажная чернота взметанного пара, а из веселья березового перелеска, что в самую границу теперешнюю упирается, чукнули зеленые зовы Маруськи.

– Адамка, гу-у-у!

Проклята она, эта граница, чтоб ее... Не будь ее проклятой, робил бы да робил Адамка деланку свою, а тут на легкие деньги потянуло.

Раз сходил, два, еще и еще...

В транзитке¹¹ сиделец¹² приваживал, колбасой фабричной угощал.

А теперь на Соловках...

– Эй вы, гаспада-маспада, обедать-мабедать...

Из досчатого балагана, к валунам стены притулившегося, повар артельный, Лука, кличет.

Повар артельный – персона.

Повар артельный вчера Ваську принимал, кругом общупал, масляными глазами армянскими в каждую прореху барахла Васькиного слазил.

Не понравился повару Васька.

Картошкой, что чистил, ткнул в топчан Лука:

– Здесь спать будэшь!

Потом отошел, оглянулся, еще раз черносливами общупал, картошкой по стенам с реунами серыми навешанными обвел и внушительно так:

– У нас чтоб насчет этого ни-ни... У нас насчет этого строго. Понимаешь?

Жгун понимал, очень даже хорошо понимал, о чем речь шла, разом на топчан завалялся, из барахла не вылезая, так и задрых.

Вот и теперь: Лука одним глазом Адамку гладит, а другим Жгуна скоблит.

Поднялся Жгун, в барак ноги поволок.

Староста артельный Мозолин, матрос бывалый океанский, в дисциплине команду держит.

Не по сердцу это все Жгуну. Хороша, правда, уха рыбацкая, да только, видно, попотеть за нее придется. Народ-то в артели ядреный, отборный, сам себе среди них Васька мозгляком кажется.

Мозгляк и есть, и чего только зря в это дело ввалился. Первый день ведь в артели Жгун, и в нее через розыгрыш попал.

Уж очень ротного разыграть захотелось.

На поверке кричал ротный:

– Кто раньше рыбачил, выходи, называй фамилию!

Ваську тут-то и подмыло.

– Я рыбачил!

И из ряда вышел.

Сначала было ротный огрызнулся, наметанным глазом по Васькиной карточке скользнув:

– Ширмачил ты, а не рыбачил.

Однако больше никто не отозвался.

Ротный фамилию Васькину записал на бумажке, а вечером дежурный Жгуна в артельный барак свел и повару Луке под расписку сдал.

Вот так ширмач Жгун рыбаком и сделался.

– Эй, новый, иди сапоги получать!

Староста зовет и сапоги в руках держит.

Важные сапоги, высоченные, чуть не по пояс хватают, на толкучке меньше пятишниц¹³ бы не потянули.

Влез в них Жгун и вслед за новыми товарищами к пристани зашагал.

Вот и море.

Чудное оно. Сколько ни смотрит на него Васька, а никак не узнает, какое оно на самом-то деле.

То блестящее, так что глаза колет, словно свежевыкрашенная крыша; то нежное, матовое, как вечерняя музыка бульваров; то жуткое и чуждое, как то, другое море – толпа улиц и площадей, в которой нырял и скользил одинокий, чуждый всем, затерянный в его вечном шумливом приборе Жгун.

Помнит Васька то море. Знает его.

Знает его штилевые затоны, куда он, маленький голец, ничтожный хищник, заскакивал в поиске добычи... Знает и глубины и водовороты, по которым крутило и метало Жгуна.

– Набирай невод! Живее! Ну, ты, новый, чего ушами-то хлопаешь, смотри, как люди делают и сам привыкай. Тяни, брат, тяни!

Большая власть теперь староста Мозолин. Ему море – дом. На карбасе¹⁴ стоит, по-матросски ноги раскинув. Крепко в палубу ими уперся.

Взялся Жгун за канат. Потянул не спеша, как на тюремной работе полагается по уставу шпанскому¹⁵, а сбоку уж Адамка покрикивает:

– Не задерживай, черт, тяни как люди, а то только помеха одна!

И карточка у Адамки другая стала: ничего на ней мяготи деревенской не осталось. Зверь человек.

Налегает на канат Жгун. Налегает, а сам втихую матерными словами поплеывает:

– Черти малохольные, чтоб вас в бога так... Стукнулись, что ли? С чего работать-то? За хлебешник да баланду тресковую?

Тянет невод Васька на карбас, и конца неводу нет. Черною горкой, словно огромный муравейник, лег он на палубе, а с берега еще сажени и сажени тянутся.

– На весла садись!

– Правая на воду, левая табань!

И у Жгуна в руках весло, тычет он им в зеркало блестящее. Злобно тычет. Словно разбить его хочет.

Впереди на куче невода два калмыка сидят. На Ваську смотрят. А лица у калмыков каменные, неподвижные, как у тех статуй, что на Расторгуевом доме балкон затылками держат¹⁶.

– Сволочь!

Только шепчет Жгун. Громко, страшно. Кругом артель спетая, дружная.

Сила – артель!

Завтра же на торф смоюсь. Там своя шатия.

Правильно Колька Бузун, Ваську провожая, тискал:

Рыбка плавает по дну,
не поймашь ни одну!

Уйду. Пусть в карцер сажают. Черт с ним, с карцером.

Страшно, что ли?!

И еще злобнее Васька голубую тишь веслом тычет.

– Не так греби! Чего словно тесто месишь. Верхом весло пускай. Рви крепче. С носа загребай!

Скользит карбас по голубой тиши. Все дальше и дальше стены монастырские уходят. Проплывают мимо островки зеленые. И не различить уже камней дивных, только башни да купола соборов на кумаче западного неба отпечатаны.

Тишь.

К острову подошли. Адамка, приказа не дожидаясь, конец схватил и в воду с карбаса прыгнул.

Полетели красными угольками брызги от рыбацких сапог. Бежит по воде Адамка, как жеребец, воду копытами бьет.

– Есть. Бросай невод!

Вскочили каменные калмыки. Быстро, быстро руками замахали.

Торопливо тяжелый невод о воду зашлепал...

– Назад!

И опять шлепает невод, закружил подкову тони. С концом на берег выпрыгнули. На две партии разбежались и потянули смоляную веревку.

– Не ловчись, Васька, дружной тяни!

Трет кожу грубая пенька. Холодные иглы в ладони въедаются. Все тяжелее и тяжелее тянуть. Вот силы кончатся, дух перехватит, и утянет невод в глубокую, тайную тишь.

– Мотня¹⁷!

Мотня показалась!

Запрыгали вскрики плоскими камушками, по водной глади пущенными.

Все табуном по воде к карбасу побежали.

У мотни в темное пятно сгрудились.

– Тяжелая... Песок скребет...

– А ну, подхватывай!

Ползет на палубу мотня. Вот и серебро из нее посыпалось. Трепещет сельдь. Кипит и бьется на досках.

– Пудов на шестьдесят зацепили?

– Да не меньше будет!

К следующему островку скользит карбас.

– На Бабью¹⁸, что ли, правим?

– Держи на новую!

Теперь калмыки па веслах, а Васька с Адамкой на мокром неводе сидят. Сменились.

Васька папироску свернул. Дымит. Слушает, как сзади Мозолин поскрипывает трубочкой да Адамке рассказывает:

– Белое море – разве море? Так, лоханка. И рыбы в нем подходящей нет. Море мелкое и рыба мелкая. Каспийское море – вот это да. Служил я там на промыслах у Сапожникова¹⁹, богатейшие промыслы. Бывало, тянем снасть воротами, тянем, тянем, а в снасти осетры, белуги – первая рыба. Буржуи одни ею питались. Тоже и бури там бывали, настоящие штормы. Как на океане, во Владивостоке...

Капает в тишь словами Мозолин. Весла плещутся ровно, словно постук вагонный.

Не видно уже куполов монастырских. Густые, как деготь, сумерки берег залили.

На той стороне, где кремль виднелся, огни затолпились.

Ко сну Жгуна клонит.

Прошлой ночью на новом месте плохо спалось, да и сон какой-то хреновый приснился. Будто он, Васька, у фраера на трамвае рыжики²⁰ укупает. Вытянет горсть из кармана, и на ладони вместо рыжиков манюсенькие карасики трепыхаются, а рядом Колька Бузун стоит, зубы скалит да подначивает:

– Рыбка плавает по дну, не поймашь ни одну.

Осердился Васька. Только наметил Кольке между глаз двинуть, да вдруг кондуктор как заорет:

– Бери билет, ширмач, сволочь паршивая.

А кондуктор будто уже не кондуктор, а ротный. На Ваську строго смотрит и все допрашивает:

– Где рыбачил? Где рыбачил? Ширмачил, подлец, а не рыбачил. Сволочь паршивая!

Не к добру этот сон.

А сзади Мозолин опять трубочкой запыхтел.

– Делали мы в пятом году революцию в городе Владивостоке. Адмирал Иесен²¹ эскадрой командовал. Ну, он, значит, моментально скрылся, а начальником гарнизона генерал Селиванов²² был. Этот, как приперли его ребята, заявил: «Я значит, с вами, только вот присяга», а сам казаков из Уссурийска выписал, много тогда народу казнили. На острове по утрам. Пятьдесят человек. Шестьдесят человек. Генерал Бильдерлинг²³ с карательным отрядом действовал...

Замолчит Мозолин, и опять карбас в тиши тонет...

– Новый, бери конец, марш на берег!

В темноте Васька по палубе шарит, в веревках рукою путается. Нету конца. Встал, выпрямился, хотел ногой переступить, да вместо доски ногою туда, в темноту тишь, ухнул.

Даже крикнуть не успел, как сомкнулась над ним тишь. Словно не было ничего.

– Адамка, новый за борт ухнул!

– Сейчас!

И еще тело шлепнулось в воду. Мозолин, трубки не выпуская, в темноте орет:

– Стоп! Табаны!

Зашевелились на карбасе. Глазами темноту буравят, а из темноты справа уже Адамка орет:

– Вот он, ребята! Держи, тяни его! Тоже пловец отыскался, – у нас топоры легче плавают.

Схватился руками за борт и разом животом на палубу ввалился. А калмыки Жгуна тянут.

– Холодная, дьявол ее расшиби... брррр...

Адамка по палубе скачет, приплясывает:

– Я только нырнул, да прямо головой ему в пузо. Не далеко ушел. Пловец тоже!

У Жгуна зубы вроде пулемета наяривают, не столько от холода, как с перепугу.

– Мать твою так!

– Ловчей будь, сукин сын! Попал на море – не спи!

Тяжелая рука у Мозолина, матросская рука. Корявая. И больно и стыдно Жгуну. Перед людьми стыдно. А люди уже барахло с него стянули и на плечи мозолинский пиджак набросили.

– Одевай в рукава, да на весла живо! Погребешь – согреешься. Здесь циркуляция кровей нужна.

Мозолин бывалый, все знает.

Гребет Васька, гребет Адамка рядом с ним за другим веслом. Погружает в густую, темную тишь тяжелое весло и вновь всею спиной тянет его.

Раз-дваа! Раз-дваа!

Поднимается, всползает по веслу из тьмы густая тишь и заливает и Ваську, и Адамчика, и Мозолина, и калмыков каменных.

Всех в одно сливает.

У плеча Васькиного – Адамкино плечо; через тонкий пиджак слышно ему, как у Адамки жилы на руках ходят. И близок ему Адамка. Словно они с ним тогда давно в Вязьме в «цари» на заросших травой улицах играли. Когда Васька еще Жгуном не был и по ширме не хаживал.

Дышит тишью море.

Вливается тишь в тело Васькино с каждым напором весла на упругую воду, с мерным напряжением рук, с каждым отвалом спины.

Гребет Васька.

Тепло под пиджаком мозолинским. Кровь по жилам бежит.

А кругом в ночной тьме – море.

Не то море, что, выливаясь из челюстей серых домов, мечется и крутится в треске и стрекоте по серому дну панелей.

Не то, что, закрутив в бестолковом водовороте притонов и дырок, в одуре наркоза и сухого свинца похмелья с его непрерывной неутомимой жаждой, кинуло Ваську сквозь кованые двери Бутырки и решетки столыпинского вагона на дальний остров, живущий суровым, жестким, как правда, трудом, а иное: тихое и мощное в своем молчании, спаявшее в один слитный комок и бывалого матроса Мозолина, и мягкого, как яровые всходы, Адамку, и каменных безгласных калмыков, и его – ширмача и бузилу – Ваську Жгуна.

Гребет Васька тяжелым веслом, толкаясь о темную пружинистую воду.

Раз-дваа, раз-дваа...

А кругом струится по темному ночному морю, по растерянным на нем маленьким зеленым островкам и скользящему карбасу густая тишь.

Тетрадь «Соньки-Глазка» (Соловецкие типы)*

Когда я наскоро писал частушки ко дню работницы в зале Анзерского клуба, она внимательно вглядывалась в строчки и шепотом перечитывала написанное.

Теперь Сонька-Глазок особоучетница²⁴ и поломойка, а несколько месяцев тому назад она бойко «стучала» в вечерней толчее где-нибудь на Цветном или Петровке. И даже каракулевый сак²⁵ у Соньки есть.

Но это все я узнал позже, а пока она держала в руках мокрую тряпку и капли пота на щеках наивно выдавали все неудобства гримировки красными чернилами.

– Это вы сами сочиняете или на память?

Я признался в своем грехе – сочинительстве и вдруг неожиданно обрел товарища по несчастью.

Сонька исчезла, бросив на пол тряпку, и через несколько минут вернулась, держа в руках желтую ученическую тетрадку.

– Вот, почитайте, у меня много было, только девицы на завивку порвали. Скажите только правду, как, стоит ли дальше...

Тетрадка детская. На обложке Некрасов и

учени

..... класса

а между Некрасовым и учени... класса – четверостишие-посвящение, да такое, которому любой заборный писака изумился бы.

И глаза у Соньки детские, жадно и откровенно жаждущие одобрения, а под ними розовые капельки подчеркнутенного пота.

* «Новые Соловки». 21 марта 1926. № 12.

На первой странице жуткое описание в стихотворной форме оперного расстрела с черными коридорами, тускло блещущими дулами наганов, лужами густой крови и невинным страдальцем с шапкой каштановых кудрей.

Людей живые силуэты
Мелькают в тьме ночной.
Блистают тускло пистолеты
Над буйной головой.

Чем не романтизм «Пещеры Лихтенвейса», 3-ий выпуск?²⁶

Здесь мечты Соньки.

На этой странице бродит тень ее загадочного возлюбленного, ее героя, которому имя то Гастон, то Рауль, того, который под залитой пивом «Новая Бавария» жилеткой носит сердце благородного милорда и пылкого любовника-маркиза.

Быть может, перечитывая эти стихи, Сонька плачет настоящей соленой слезой в жуткие часы долгой, как тюремный срок, соловецкой ночи.

Ведь недаром в конце страницы стоит двестише, оканчивающееся простою близкой строкой:

Роза цветет, но листок опадает.
Время идет, но и срок нам спадает.

А дальше, под тщательно вырисованной виньеткой из ландышей и незабудок, редкая по своей похабности баллада о некоем фраере, который, получив три червонца, решил с треском прокутить их в кафе-шантане в обществе Нинки Блондинки и Жанетт. Подробно и точно, в своих именах, описываются все способы наслаждений и увеселений этого общества, и финальные строфы посвящены описанию венерических неприятностей, постигших фраера.

Поэма длинна, около 30 четверостиший и абсолютно лишена того, что принято называть «пикантным».

Это только протокол.

Сухой и четкий быт, факты и цифры.

Недаром, когда я, читая вслух, ошибался, путаясь в незнакомом безграмотном почерке, Сонька деловито, без тени улыбки поправляла меня. Она только описала добросовестно и точно, как могла. И для нее все «сало» ушло на смазку «профессиональной» машины.

Но это все прошлое.

Теперь Сонька не «стучит» и работает на странном острове, где мужчины опасно обегают ее и вместо знакомого участкового «мильтона» высится целый ряд холодного, строгого начальства.

Ах, не с теми мыслями ступала Сонька-Глазок на Анзерский берег!

Вот как вспоминает об этом тетрадка:

Не хочу я чаю пить
Из худого чайника,
А хочу я полюбить
Здесьнего начальника.

Жизнь замкнулась в твердом, непонятном кольце.
Глаза Соньки удивленно открыты:

...север холодный край.
Где люди страдают, но срок исполняй...

Неизбежность примиряет.

Сонька не бузит. Но она приспособилась. Она вошла в положенный ей круг, замкнутый Анзером, Троицким и Голгофой, она проникла в его маленькие тайны, срослась с его жизнью и интересами.

Анзер, Троицкий, Голгофа.
Посередке – озеро.
Не скажу я, чья девица
Ноги отморозила.

Моего Прокофия
Угощала кофе я.
Так за это кофе я
Буду на Голгофе я.

И дальше, дальше, частушки-стихи, где в словах, не вмещающихся ни в одну верстатку²⁷, определяется быт сотен Сонек с Петровки, Трубной, Цветного, сжатых стенами Троицкого и Голгофы...

Много прошлых слов, ненужных и бездельных, как пудра и румяна под соловецким норд-остом.

Есть ли новое?

Есть.

Оно сквозит изредка. Оно просачивается сквозь дурно пахнущую ветошь истлевших обносков Цветного.

Позабыла Трубную,
Потаскавши бревна.
На работу клубную
Очень я способна.

Сонька внимательно следит за моими глазами, ощупывающими шероховатые опускающиеся строчки.

Стоит ли писать Соньке-Глазку, особоучетнице, отбывающей срок на Голгофе?

Она хотела это знать, потому что хотела своей детской тетрадкой с Некрасовым и непристойной строфой на обложке зацепиться за что-то, растерянное под чахлыми липами Цветного, на сером истертом асфальте Филипповского толчка.

Зацепиться за то, отсутствие чего так мучительно и ясно в часы кокаинного похмелья.

Я сказал, что нужно и стоит.

Сказал потому, что мне вспомнились слова великого хитреца и сердцеведа, горьковского странника Луки: «А ты ему почаще напоминай, что он хороший, так он и будет хорошим».

«Болотный попик»*

Каменный лес.

Если бы наросшие на пасмурных соловецких соснах столетия сорвались и тяжкими валунами прогрохотали бы вспять, то и тогда он, каменный, не шелохнулся бы.

От мертвенной наготы телефонных столбов, с жесткой серой холстины шоссе в буро-зеленую топь пушистой мшаной шали.

Немые, созерцающие, задумавшиеся Соловки.

Если оттуда, из-за сплошняка еловой детворы хлестнет нахальный гудок суетливого паровозика²⁸, то здесь все равно не властно его заклятие над молчательными чарами леса.

Каменный лес.

Сто, триста, пятьсот...

Кто сосчитает неотличные жемчужины годов?

Кто снижет их в ожерелье столетий?

Времени нет.

Время осталось сзади, запутанное в черных нитях проводов, захлестнутое тугими петлями гудков, пронзенное остриями часовых стрелок.

Здесь, на узорных вышивках мшистых ковров, на серых воложках²⁹ просфорах валунов, в скопческой старости корявых березок, двадцатый век стал вплотную к пятнадцатому, равный и неотличный ему в молчании неподвижного бытия, оплетенный колдовским кружевом папоротниковых дебрей.

Нога глубже уходит в упругие половики. Редет заросль. Сквозь зелень гуще проступает бурая ржавчина торфяника.

Морошка-ягода на поляне рассыпана. Морошка-ягода – глухарина сыть – снесь постная – в воскресный день на иночей трапезе допрежь «сущихи»³⁰ – пироги с морошкой, послежде – «догонятка».

Морошку-ягоду в берестяной кузовок в XX-м ровно как в XV-м.

В лесу бытие неподвижно...

Я встретил его в морошковой роще.

В руках кузовок, через плечо торбочка.

Из-под черного ведерка клобука стекает саврасая кудель сваявшихся в войлок волос.

Он медленно, осторожно переступал с кочки на кочку, пощупывая бурую почву такой же корявой-суковатой, как он сам, палкой.

...Отец Ардалион...

На Соловках отец Ардалион не больно давно: с Преображения двадцать пятый годик пошел.

С кочки на кочку, от куста к кусту лезем мы по бурой россыпи с отцом Ардалионом, и между кустами морошки и среди папоротникового листа из-под черного клобука струится тихий ручей несложной наивной повести.

* «Новые Соловки». 22 августа 1926. № 34. (За подписью «Сергей Акарский»). Название отсылает к известному стихотворению А. Блока.

Двадцать четыре бусины, двадцать четыре жемчужины неслышной поступи соловецких лет.

Отец Ардалион на Соловки трудником по обещанию на годик пошел.

Сам олонецким был. Так и говорит: был.

– А теперь-то?

– Теперь – видишь! – И на лес рукой кажет.

– Ну, а как год прошел?

– А как год прошел – думаю: что дома-то? Братья и без меня управятся. А тут письмо пришло. Отец помер. Братья делиться зовут. Делиться – судиться...

Молчит лес. Молчит Ардалион. Молчат каменные жертвенники на мореной гряде³¹.

– Ну, а как же монахом-то стал?

– А так же. Не поехал. Братьям бумагу отписал.

– И не скучно было?

– Как это: скучно?

По серебряному блюду озера золотая рябь купавок³².

Гаснут шаги в мшаном пуховике. Небо синей стеклянной чашей покрыло соловецкое молчание.

В кузнечном корпусе доживает скрытый от жадных глаз последний схимник, несущий послух молчания.

– Как это: скучно?

Пятнадцатый век слился с двадцатым.

Морошка-ягода в берестяном кузовке, окуневый клев на Гремячих озерах, щу-чья едь в «юльские сутиски»³³, сень колоколов Заяцкой звонницы³⁴, корявое скопчество берез, над озерами дымки из земляных потаенных отшельничьих келий.

Бытие неподвижно.

Юродцы в сумерках

I. Ду-ду в елани*

...На потух заря пошла,
Чуден остров Соловецкий...
Н. Клюев

Внизу набухшая осенней моросой и топкая кудель путаного мха, а на ней раскорячились, как ледащий мужичонка после дармовой косушки, вихрастые, нечесанные березки, уперлась в бурую мякоть круговыми колючими лапами еловая недоросль, словно кикиморы, недотыкомки, болотная нечисть, загнанная черным угольным ладаном, гнусавым разнбоем гудков, скликающих утреню топоровую, пиловую, рочаговую, пеньковую, – в поясницу, в мозоль, в мать, в пот.

Болото не болото, лес не лес. Так что-то. За брусникой не с руки, гриба не росло,

* «Новые Соловки». 9 сентября 1926. № 36.

сколько лес стоит. Пусто. Лесной мертвечиной, валежной прелью, стоялой глухотой тянет.

Зовется это чудным для московского уха словом – «еланью»³⁵, седым словом, древнее Скорожанской башни, Муксоломской каменной гати³⁶, еще первыми старцами на стругах по Выге-реке из Нова-города привезенным³⁷.

Елань не тропленая, в нее и дрозд не летит.

И вдруг ду-ду с переборами...

Из еланьевой мокроты, сквозь кикиморий шабаш – тихое ду-ду, и нежное и жалостное, как неприкаянная душенька, тихое дуду, и к нему иной раз старческий dribbling, словно разбитое звонило, голос слова подбирает.

...В приятну ночь при лунном свете
Представить счастливо себе,
Что некто есть еще на свете,
Кто думает и о тебе...³⁸

В березовой гуще – полянка, на ней два белых чайчых крыла – два седых уса, а между ними, словно выдернутая из земли редька, болтается черная флейта. Оттуда и дуду.

Седенький Вертер в корявую елань, в болотце, в кикиморий лог унес волшебство тихой печали, тусклое серебро старинной песни, уже давно вырванной гнилыми зубами уличной шарманки из трепетных объятий нежных клавесинов.

Старенький Вертер, изъеденный молью Вертер; в стеганом казенном бушлате и в серой солдатской папахе, позабытый ушедшими в стеклянный холод музейных витрин и на страницы тисненых золотом изданий брегетами, мушками, плюмажами, боливарами, пастушками и овечками каминных часов, собрал поблекшие лепестки осыпавшегося венка, сберег их в вытертом футляре лилового бархата и провез сквозь паровозный мах, рублевую чертопляску, пулеметную мятелицу, сквозь щи с человечиною, провез песню ненужную, никчемную, неживую и неправдошную в бойком постуке оживших станков, провез, чтобы рассыпать перламутровым дождем на влажную мякоть бурой торфяной ковриги.

...И что она рукой прекрасной
По арфе золотой бродя...

Полинялая, заигранная многими сменившимися поколениями резвых смешливых детей, облезлая и затасканная кукла с болтающейся бахромой лоскутного платица, это – еще живой Вертер, вечный Вертер, иссушенный до дна породившей его любовью, принесший ее последние поцелуи – жалкие клочья некогда пышных кудрей – на еланевую поляну и проливший на ней последние капли мути – остатки некогда благовонных ароматов.

...Своей гармониею страстной
Зовет к себе, зовет любя...

Льется из флейты серебряная струйка...

И слушают заклятые железом и машинным лязгом кикиморы, слушают недо-
тыкомки, загнанные в еланевое болотце дальнего Соловецкого острова меряной
верстой и чесаным камнем.

II. Бродяжья абевега*

За снегами, лесами, степями
Твоего мне не видно лица.
Только странный простор пред очами,
Непонятная ширь без конца.

А. Блок

- От Биаррица до Кашгара!
- От Парижа до Нагасаки!
- Эх, размахнулись, ну, у меня поменьше... а на север?
- На севере у всех равно. Трое в один голос:
- Соловки.

Фильма³⁹ кино измеряется метрами, фильма жизни днями.

Метраж 1914–1926.

Павильоны – республики, империи, банды, ханства, директории, султанаты...

Натура – верста, эвакуация, прицел, переход, интервенция, недолет...

Бутафория – «максим», сыпняк, боны, кольт. «Хлеба!»... «Теплушки даешь!»

Последний кадр: трое в один голос – Соловки.

Последний кадр – ижица⁴⁰ пройденной абевеги⁴¹ – точка двенадцатиглавлет-
него синтаксиса – в лесной избе Соловецкого острова.

За бревенчатой стеной – лес до самой желтой ленты прибрежного песка, даль-
ше море. Москва, океан, Гонолулу, Буэнос-Айрес, полюс – все буквы абевеги, кроме
одной – последней.

Последняя здесь – срок, сегодня равно вчера, топчан, ситный, гудок; – Ижица.

– Я еще в девяносто девятом на бурскую войну пошел...⁴²

– Пешком?

– Пешком. Кинжал прекрасный купил себе за четыре с полтиной. Вышел на
Ригу, но, впрочем, попал в Орел...

– Несколько ошиблись.

– Да, а в Орле повстречался с пьяным. Я его спрашиваю: «Где на Ригу дорога?»,
а он попался с философией. «Все дороги в Ригу ведут», говорит... Впрочем, он же
меня на войну итти отговорил: пока вы, говорит, дойдете – война кончится, лучше
идемте в кабак, а потом на Кубань дернем...

За окном от бревен стены до золотой ленты прибрежного песка – лес непод-
вижный в пространстве и времени.

От Алма-Аты через Боамскую щель...

Горами к Джаркенту...

Память крутит ручку аппарата, отблеск ленты падает на бревенчатые стены,
неподвижный каменный лес, серую опухоль осеннего неба.

– Вот когда домой отпустят...

* «Новые Соловки». 9 сентября 1926. № 36.

– А дом-то есть?..

Все трое хохочут. У всех трех одна ижица абевеги – Соловки.

В лесной избе: обмер, план, доклад, самовар, кот, лампа.

В Сыр-Дарьинских камышах еще крадутся тигры и грузно чухаются кабаньи стада, в Париже автоматическая почта выбрасывает каждую четверть часа свежий бюллетень, в Шанхайский порт входит...

...самовар, кот, лампа.

Каменные бабы неподвижными глазами смотрят во время с курганов донских степей, они видят, как чернеют под стопами и вновь порастают травой бродяжки тропы. Тропы переплетаются, свиваются в узлы, раскидываются непонятным узором, обвиваются вокруг гор и холмов, опутывают частой сетью поля, тундры, пустоши, болота. Карта земли оживает под бродяжьими шагами от Одессы на Владивосток, с Самарканда на Соловки...

Поезд узкоколейки ходит от кремля до Перт-озера, от Перт-озера до кремля...

Вокруг острова желтое кольцо песка. У кольца – каменный столб, и на его тесных боках начертано неизвестно когда и кем:

От Соловецкого монастыря:
В Турцию до Царьграда 4018 в.
В Португалию до Лисабонии 5881 в.
В Испанию...
...До Рима...

Столб неподвижен⁴³.

III. Жалостная чертовщинка*

Блажен иже и скота милует⁴⁴.

В первый раз я увидел его на диспуте, где молодой и задорный журналист отстаивал выводы своей нашумевшей в нашем лагере статьи⁴⁵.

В числе оппонентов был и он, перед выходом на трибуну зажатый в кулисах кучкой дававших последние наставления единомышленников, он бил себя в грудь и патетически восклицал, указывая на свою лысину, достойную украшать вершину Ильи Пророка⁴⁶:

– Я, старый вор, не сдамся! Я его во как разделаю!

Глаза его сурово горели, он обвел ими зал, подморгнул председателю, слегка остановился на докладчике и, нащупав среди оппонентов типичное лицо только что кончившего свою речь безмундиренного товарища прокурора... вдруг неожиданно обрушился на него с темпераментом Везувия, засыпающего Помпею... всецело в пользу докладчика.

После этого вечера мы долго не встречались.

Наша вторая встреча была на одном из огородов сельхоза.

Никто не умеет рассказывать лучше сторожей и бродяг, это давно известная аксиома, а мой собеседник был бродягой вообще и сторожем в частности. Мы говорили о Сахалине.

* «Новые Соловки». 12 сентября 1926. № 37.

– Восемь лет там выжил... и кандалами три годешника отзвонил, да. Всего понавидался...

Медленные, тягучие, как черное варево перекипевшей смолы, слова неудовлетворенной, загашенной Сахалином ненависти капаят с обугленных губ.

– За что, интересуетесь? Дело было. Настоящее. Судили. 12 лет дали. Целое семейство покончил. Шести человек. Отец, мать да четверо детей. Громкое дело было. Адвокат защищал первеющий.

Засохшая кровь страшнее свежей. Говорят, что кровавые пятна трудно отмываются. Черное смолистое варево слов багровеет, и тягучие капли пахнут остро и зло.

– Попал я в хазу⁴⁷ по ошибке, окошками спутался. Метил к буржуйам, а угодил к слесарю. Не уходить же пустому. Собрал барахлишко, две ложки каких-то да денег три с полтиной оказалось... струмент слесарский тоже. Уж собрался уходить, а он и проснись. Не пропадать же за три-то с полтиной? Я его рашпилем по кумполу, а рашпиль-то фунтов в десять попался... Ну и жену тоже... А тут дети запищали...

Из черных пятен, из кровавой жути встает улыбка, бледная и непонятная, как столбы переливчатого сияния на черном, отравленном чарами ночи неба.

Откуда она? Кто разгадает пути сердца под черною коркой засохшей крови?

– Хотите верьте, хотите нет! Детей из жалости стукнул, последнему с год было, не больше. Думаю: отдадут тебя, малец, в приют, а приютскую жизнь я знаю: сам там был, – и будешь ты вором. И будут тебя по судам да каторгам мытарить. И так-то мне его жалко стало, что и его пристукнул... ей-богу.

Говорят, что пятна крови не смываются? А если улыбка?

Мы докуриваем последнюю папироску и прощаемся.

– Когда пойдете, будьте добры, вот от той сосны полее возьмите.

– А что?

– Так, осторожность тут требуется, а впрочем, я сам с вами пройду.

Он исчезает на минуту в шалаше и возвращается в картузе и с мешочком. А на лице снова цветет улыбка, робкая и просительная.

– Придется вам тайну открыть. Видите ли там, под сосной, – гнездо тетеревиное. Тетерья теперь на яйцах, спугнете ненароком, яйца остынут – птенцы пропадут. Осторожнее надо. Жалко.

Тетеревиных птенцов сберечь, ребенка рашпилем по мягкому темю, и тут и там – жалко.

На лице улыбка. – Сахалина 12 лет, – кандалы, – каша в мешочке, – рашпиль, – красные лужи, – тетеркино гнездо.

– А каша-то зачем?

– Посыплю ею около гнездышка, чтоб летать недалеко было. У нее дети, а мне, старику, много ли надо? Все равно не сегодня, так завтра в ящик играть.

Мох под нашими ногами стелется непонятной тайною рунических письмен.

Какие руны разгадают мне тайну сахалинской улыбки и жалостного рашпиля?

IV. Анахронический заскок*

Хорошо еще, что я не борзый
пригорюнившийся кобель.
Все равно мне, кругом березы ли,
или просто сосны и ель.

Б. Емельянов⁴⁸

Часы, когда кузнечный корпус и дома сельхоза блуждают в наползающем со Святого озера тумане, а хоровод кремлевских башен кружится вокруг белого сазана Преображенского собора, – его часы – часы поэта.

День, рассеченный на куски и кусочки звонками, перекличками, началами и концами, – ему как круг. Ухватиться не за что, скользкий – как серо-зеленый арбуз.

Соловецкий обыватель, спотыкаясь с вечного просонья, жутко шарахается от его черного, разлетающегося, как крылья нетопыря, плаща, рискуя совершить рискованный прыжок на крапивное дно Кремлевского рва⁴⁹. Стройно дефилирующие ряды над прачечной и портновской ехидно и солоно острят по поводу некоторого боккачиевского дефекта его брюк, но он неуязвим и непроницаем.

Впрочем, некоторые, из числа врагов лирических натур, добавляют еще третье «не» – невменяем, тухленько подпускают соловецкое: – стукнулся.

Но вмняемость, а тем паче и невменяемость – состояние в высшей степени относительное.

Впрочем, Смердяков уже давно пророчески определял поэтический запрос соловчан: «если бы все, например, даже по приказанию начальства стали бы стишками говорить, то, извините, немного бы наговорились».

А если облекать в стихотворную форму хотя бы наиболее волнующие «параши»⁵⁰, –

Святые отцы, да тогда и поговорить будет не о чем.

Бедный поэт, нет тебе места даже в чинных камерах соловецкой десятой роты⁵¹.

Но поэт, все-таки, вопреки всем изреченным и исшептанным законам, живет. Об этом свидетельствуют белые крылья истерзанных за ночь его бодрствующей музой безмолвных листков с недописанными строфами...

Порвана старая строфика.
Тусклое солнце мое,
Поймано алого дротика
Сердцем моим острие.

Клочки еще пахнут истлевшим углем ночи, еще час – и они остынут, замрут, как нежные ночные цветы, запутаются в мочальной бороде мудрой, как смерть, щетки и, направляемые ею, свершат свой последний путь...

Пусть будет так в час, когда проснутся и станут в очередь за кипятком соловецкие Смердяковы, но

* «Новые Соловки». 19 сентября 1926. № 38.

...время, когда горизонт сутул,
Наше время. Поэтов.
Ночью в разорванные сосцы туч
Брызжется молоко света.

Тлеющей ночью душа его вспыхивает ярким пламенем. Тлеющей ночью она горит и живет. Зато днем тлеют сырые дрова в печке, которую он растопил, и проклятая крупа никак не хочет превратиться в удобопереносимую в рот кашу. Не беда: времени еще полсрока, каша успеет довариться на второй или на третий день.

Муза поэзии не кормит своих служителей. Не кормит, даже при нормированном пайке. Банка с маслом предательски протекает, положенное слишком близко к печке мясо за ночь неожиданно и непонятно портится.

Чухоточное соловецкое лето сонливо переползает в осеннюю сумеречь, осень зябко кутается в белый мягкий снеговой мех...

Но что такое время для поэта?

Его черный плащ неизменяем.

– Вот эта большая дыра родилась в Бузулуке, когда отступил Колчак...

Он ласково гладит дыру, сквозь которую выползают полузабытые образы.

– Выросла, милая, скоро до полухватишь.

О, иголка, брненное, презренное орудие мещанина, ты не коснешься плаща, окутавшего своей черной сенью восемь незабываемых лет.

С переулков, площадей, скверов
Слышу я сквозь ночной тент
Перестук пулеметный лент
И усталый треск револьверов.
Это было вчера, а сегодня восемь
В промежуток уложил чет.
Тяжело повторять, заснеженная осень,
Твой дрожащий зовущий счет...

Стихи поэта капают с его пера, и в них его истинное многовековое, неизменяемое лицо, неуместимое ни в один фотографический объектив, непознаваемое глазом, запыленным ветерком сегодняшнего дня.

Для них другое – с оперением небритого подбородка и оловянными ложками остановившихся глаз.

Сквозь века оно прошло с песней. Оно сожжено их ветрами, опалено светом, загорающимся лишь в ушедшем. Оно властно, царственно и могуче. Это оно смеет вызывать из черной пасти забвения сокрытые в ней огненные миги.

...Стой, ушедшие лица.
Встань, устлавшие Дон и Сибирь.
Прилетели ко мне в монастырь
Ночь унесшие алые птицы.

Тяжкие киты ночных облаков проглатывают золотистый шар луны; замолкает стукотня ундервуда, комната пустеет... Для тех, кто не умеет видеть... Тогда видит он.

Я зовусь его другом, и называю его лошадей.
Почему?
Потому, что люблю лошадей.

V. Улиткины рожки*

Теперь его на Соловках только вспоминают, но было время, когда он был одним из тех первых побегов, которые теперь разрослись в мощную развесистую корону Соловецкого театра.

Он был актером. Он создал первую соловецкую сцену, утвердив ее заманчивой, волнующей помост на старых монашеских шкапах.

Итак, он был актером... Но разве этим что-либо сказано? Разве профессиональный актер с размягченным гримом, лепешкой отекавшего лица и характерным подрагивающим баритоном не носит подчас в душе стремлений Бонапарта и жажды Ротшильда?

Нет. Тот, о ком я пишу эти строки, был только актером снаружи и внутри.

Старые соловчане, жадно поглядывающие сегодня на море в твердом чаянии долгожданной комиссии, старые соловчане, уже промазывающие ремни своих чемоданов тюленьим жиром и гадающие по карте о городе, куда их бросит «минус»⁵², помнят еще его длинную сутуловатую фигуру, торопливо шагающую по кремлевскому двору, помнят остренький мышинный профиль и пытливые буравчики глаз... Таков был он в жизни, но таковым он не жил.

Его жизнь начиналась лишь в тот тревожный час, когда театральный сторож поворачивал выключатель уборной.

В этот час, перед запыленным зеркалом на некрашеном шероховатом столе, рождался актер. Мистическими торжественными движениями руки актера клали тельный тон, и на помертвевшей, фарфоровой маске лица загорались глаза... Священно-служение жизни начиналось...

Наша первая встреча на соловецких подмостках была в «Борисе Годунове». Я был Шуйским, он Борисом. Я стоял в правой кулисе и чувствовал на своей спине трепетную руку помрежа Абраши, готового вытолкнуть меня с магическим словом «пошел»... Только что ушел верный Басманов, он же развеселый Кешка, и объятый тревогой Борис негодовал на «Пушкиных род мятежный».

Актер и человек слились. Царь Борис, втиснутый в тело моего друга, вдруг подпрыгнул с резвостью молодого козленка, стукнул о доски обеими ногами и взревел, воззрившись в первый ряд:

«Сношение с Литвою. Это что?».

У меня – «бб»⁵³, и фраза до меня «дошла».

Я склонил седую голову лукавого царедворца и готов был уже слушать свою беспощадную характеристику:

А Шуйскому не должно доверять.
Изменчивый, но хитрый и лукавый...

* «Новые Соловки». 3 октября 1926, № 40.

Но царь умолк. Из будки высунулась взлохмаченная голова суфлера и басисто зашипела в приставленные ко рту руки:

– А Шуйскому не должно доверять, не, не, не... понимаешь, не верь ему, Ваня, он сволочь...

Но Ваня, поглотивший царя – Бориса, был, очевидно, другого мнения. Он приосанился и торжественно изрек: «А Шуйскому мне должно доверять»...

Руки Абрашки сильно толкнули меня в поясницу, но я вышел с несколько смятенной душой, несмотря на высказанное мне царское доверие. Склоняясь в земном поклоне, я слышал ворчливый рык суфлера:

– Хоть бы раз, подлец, роль выучил... Как-никак – ведь Пушкин...

Теперь, за гранью лет, я вижу, как не везло бедному Ване. Перед самым выходом в «Ванюшине»⁵⁴ почему-то красная краска залепила ему всю щеку, Абраша вихрем забежал за задником, на сцене в ожидании выхода папаши «дети Ванюшина» заговорили о погоде и ценах на картофель... Наконец из уборной вынесся сам Ванюшин, но... Кто б его узнал, – как восклицали поэты-романтики.

На щеке несчастного отца белел огромный созревший фурункул, наскоро присыпанный пудрой, а вокруг него зловеще алела красная опухоль...

Ролей Ванюша не учил принципиально.

– Свяжешься текстом, нутро убьешь...

А нутро у Ванюши было свое, Ванюшино, вмещавшее все, кроме автора.

Когда шла переделка «Парижа» Золя, заканчивающаяся трагической сценой казни, и Ваня, облеченный в сутану патера, должен был пасть ниц, поняв святость труда и страдания окружившей эшафот толпы рабочих (за сценой), он вдруг проникся благоговением к герою Матиссу и, пав перед ним на колени, крепко зажал обе его руки, покрывая их поцелуями, и патетически воскликнул:

– Я целую руки твои, Матисс...

Публика была озадачена, Матисс подавлен, суфлер негодовал.

Это было. Скоро Ваню освободили и он уехал к себе не то в Жмеринку, не то в Винницу.

Я не знаю, живет ли он, ибо жизни без фрака Кречинского и плаща принца Гамлета для Ванюши нет. Ни за прилавком, ни за столом бухгалтера, нигде, где нет запаха грима и пыли, нет жизни для актера, неразрывно сросшегося с человеком. Несколько недель соловецкого сидения я прожил с ним в одной комнате, и я видел много поразительнейших вещей. Я видел, как истомленный и поруганный Лир чинил свои рваные штаны, видел чистящего картошку Дон Жуана и ел суп из фасоли, сваренный демоническим Свенгали⁵⁵...

Ах, Свенгали. Я никогда не забуду потрясающего:

– Свиноморррдые бррританцы...

Ваня был поистине великолепен в черном трепаном парике... и три дня после он замогильным голосом трагического таланта восклицал на поверках:

– Есть.

Незадолго до его отъезда мы шли с ним по соловецкому лесу. Ваня нашел спрятавшуюся раковину улитки и, положив ее на ладонь, запел торопливым речитативом:

Улитка, улитка, покажи рога:
Дам тебе пирога...

И потом, обернувшись ко мне, уверенно добавил:

– Они это любят и всегда показывают.

Не помню, показала ли тогда рога улитка, но я видал другое, я увидел то, что хранилось в самой тиши Ваниного нутра: его детскую, робкую, как улитка в раковинке, душу.

VI. Соловецкий Мюнхгаузен*

Соловецкий Мюнхгаузен несколько не схож со своим литературным прообразом.

Это – маленький пожилой человек с поблескивающим на затылке тусклым зеркальцем лысины, тихими волнистыми движениями и робким искательным голосом.

В учреждении, где он служит помощником счетовода, от него редко слышится какое-либо не относящееся к службе слово.

Какое-либо «вольномыслье»?

Боже избави!

Мюнхгаузен образец прописного, утвержденного традицией мышления. Его принципы формулированы еще при непосредственном участии праотца Ноя в первые слепопотопные дни.

Он молчалив на службе и в камере.

Вокруг него кипят споры, дебаты, ссоры, но Мюнхгаузен осторожно, сторонкою проносит между спорящими свою миску на стол, молчаливо и скромно глотает принесенный обед, пряча в робком безмолвии поблескивание круглых очков.

Его реплики всегда утвердительны и коротки:

– Слушаю-с...

– Извольте-с...

– Согласен-с...

И обязательно с «с».

Мюнхгаузен тих, как карманные часы, послушные заводу, робко и угодливо тикающие на ночном столике. Но временами где-то в тайнике их послушного механизма вдруг происходит непонятный сдвиг: какой-то маленький винтик врезается в размеренное движение колес и колесиков, и с тихими маленькими часиками происходит непонятное, непостижимое чудо:

Они бьют.

Бьют, бешено сорвавшись со всех законов механики, вопреки всем математическим правилам и мерному течению времени.

Бьют зычным басистым звоном, словно колокол высокой крепостной башни.

Бьют уверенно и грозно, вещая истинное и непоколебимое время.

С Мюнхгаузенем это бывает приблизительно раз в месяц при самых незначительных обстоятельствах. В его камере идет разговор о Гарибальди и его знамени-

* «Новые Соловки». 7 ноября 1926. № 45.

той «тысяче». Мюнхгаузен робко, боясь стеснить развалившегося соседа, доедая суп, ставит миску на полку и вдруг неожиданно, словно подброшенный пружиной, громоносно и безапелляционно заявляет:

– Гарибальди – личность вымышленная!

Скромные карманные часы вдруг забили басистым башенным звоном.

Мюнхгаузен неузнаваем. Он всеми фибрами ощущает произведенную его словами сенсацию и с наслаждением погружается в волны заманчивой славы.

Винтик нарушил размеренный ход заведенного механизма, и разноречивая неразбериха переполняет счастьем Мюнхгаузена.

Теперь остановить его уже невозможно.

Судьба приняла его на своего вороного коня и, яростно пришпоривая зелененные бока, несется в неведомую даль.

– Гарибальди? Никакого Гарибальди не было...

Лица собеседников замирают в немом вопросе, а Мюнхгаузен трагически повествует.

– Гарибальди – не кто иной, как тамбовский мещанин Иван Слепунков, нанятый Англией для повторения французской революции в европейских странах...

Зачем детали! Кому нужны жалкие крючки логики, ничтожные фибры истории?

С той высоты, на которую поднялся Мюнхгаузен, с выпренной жути его безудержного полета уже незаметны земные мелочи, и Монблан кажется жалким прыщиком.

– Джиованни Гарибальди...

– Да позвольте, Гарибальди звали, кажется, Джузеппе... – робко возражает кто-то.

– Кажется? Ну, если кажется, так перекреститесь или, лучше, историю почитайте. Джиованни, что в переводе значит Иван... Мне ли не знать, когда я сам брал Неаполь с «тысячей» этого гениального авантюриста...⁵⁶

Если в таких случаях находится нахал, пытающийся возразить, базируясь на хронологических или исторических датах, то Мюнхгаузен лишь презрительно бросает:

– История? А кто ее писал? Кто печатал-то? Цензуру, батюшка, помните?

И не достаивает дальнейшими объяснениями.

О, какие волшебные узоры вышивает человеческая жизнь!

Кто бы мог подумать, что под сереньким вязаным жилетом соловецкого Мюнхгаузена неудержимо бьется пылкое и ненасытное сердце.

Эти взрывы, эти просветы редки, но из них мы успели запомнить кое-что из богатой, калейдоскопически яркой, многоцветной, как персидский ковер, жизни соловецкого счетовода.

Он родился три раза. Первый раз в сороковых годах от бежавшей к Бакунину, пламенно влюбленной в него очаровательной русской аристократки, второй раз в Москве, в тихом старопокройном уюте замоскворецкого особняка, и третий раз где – неизвестно, но при постройке великого Сибирского пути.

Это третье рождение всегда сопутствует пролетарским тенденциям его после-

дующей разнохарактерной жизни. Все три рождения сопровождались необыкновенными, романтическими подробностями.

Учился?

Мюнхгаузен учился необыкновенно много: от Пажеского корпуса до Сорбонны, от Кембриджского колледжа до школы иезуитов, – целая плеяда различных учебных заведений окончены им в различные сроки.

Впрочем, иногда он учился и «на медные пятаки»⁵⁷.

Его знакомства необозримы: они простираются от принца Эдуарда, с которым он дружил в Баден-Бадене, до «христосика» царевококшайских хлыстов – Федора Фрязинова.

– Толстой? Лев Николаевич сапоги мне сшил. Хорошие были сапоги... Я их в Британский музей пожертвовал.

– Корнет Савин?⁵⁸ Должен мне остался 530 рублей. Как сейчас помню, пятисотка и три красненьких.

...Часы бьют. Звучные, громкие исторические имена, потрясающие мир катастрофы, войны, революции, землетрясения слышатся в их торжественном звоне.

И так же внезапно, как возник, звон потухает.

Мюнхгаузен сжимается в зябкий серенький комочек, торопливо шлепает рваными туфлями (ревматизмы!) и умолкает.

Его взгляд прячется в темные уголки камеры, и уста смыкаются.

– Расскажите, как вы со Стэнли исследовали Викторию Нианцу⁵⁹.

– Виноват-с... Устал-с... В другой раз-с.

Пышное, яркое, многоцветное пламя обрывисто тухнет. Угольки тлеют и ча-
дят.

– Позвольте-с рапортчику. К делу-с.

С... с... с... с... с...

Соловецкий Мюнхгаузен тихо и робко зарывается в шуршащие листы ведомостей, и никто не угадает в нем соратника Гарибальди и друга Рабиндраната Тагора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Домниковская улица (ныне – ул. Маши Порываевой) – улица в центре Москвы, бывшая в начале XX века одним из самых значных мест города.

² Украсть кошелек.

³ Чужой человек в уголовной среде, жертва обмана и грабежа.

⁴ Карманный вор.

⁵ Лица, осужденные на принудительные работы.

⁶ Озеро у восточной стены монастырской крепости. В середине XVI в. было соединено Филипповским каналом с системой озер на Большом Соловецком острове.

⁷ С 1924 г. национальная польская валюта, состоит из 100 грошей.

⁸ Сожительница, падшая женщина.

⁹ Бывшая Архангельская гостиница, где в середине 1920-х гг. размещались заключенные женщины, расположена в нескольких десятках метров от южной части Соловецкого монастыря.

¹⁰ Падшая женщина.

¹¹ Пересыльная тюрьма или камера для пересыльных.

¹² Заключенный.

¹³ Пять рублей.

¹⁴ Небольшое промысловое судно.

¹⁵ От слова «шпана»; правила жизни уголовных преступников.

¹⁶ Бывший доходный дом Расторгуевых («Дом с атлантами») на улице Солянка в Москве.

¹⁷ Средняя часть невода, куда при ловле попадает рыба.

¹⁸ *Бабыя луда* – остров в бухте Благополучия, расположенный в нескольких сотнях метров напротив Святых врат Соловецкого монастыря. Название получил из-за расположенной на нем гостиницы для женщин-паломниц.

¹⁹ Семья астраханских рыбопромышленников-миллионеров.

²⁰ Золото.

²¹ *Иессен Карл Петрович* (1852–1918), контр-адмирал, в 1905 г. командующий Владивостокским отрядом крейсеров.

²² *Селиванов Андрей Николаевич* (1847–1917), генерал, в 1905 г. комендант Владивостокской крепости.

²³ *Бильдерлинг Александр Александрович* (1846–1912), генерал, в 1905 г. командующий маньчжурскими армиями.

²⁴ От словосочетания «Особый учет», на который советской властью брались «социально-вредные элементы»: нищие, проститутки, бродяги и проч.

²⁵ Широкое и длинное женское пальто.

²⁶ «Пещера Лейхтвейса» – популярный приключенческий роман начала XX в., подписан псевдонимом «В.А. Рёдер».

²⁷ Типографский прибор для ручного набора.

²⁸ Железная дорога (узкоколейка) была построена на Большом Соловецком острове в лагерный период для перевозки грузов и заключенных.

²⁹ Влажных.

³⁰ Суп из сухой трески с картофелем и небольшим количеством палтуса для вкуса.

³¹ *Мореная гряда* – валовидное скопление продуктов выветривания горных пород, отложенных ледником.

³² Кувшинки, водяные лилии.

³³ *Сутиски*, или *сутемёнки* – вечерние сумерки.

³⁴ Звонница в Свято-Андреевской (Заяцкой) пустыни на Большом Заяцком острове.

³⁵ Обширная прогалина, пустошь в лесу.

³⁶ Дамба, рукотворный каменный мост 1,2 км длиной, сооружен в XIX в. между Большим Соловецким островом и островом Большая Муксалма.

³⁷ На берегу реки Выг, впадающей в Белое море в районе современного Беломорска, отошел ко Господу соловецкий первоначальник преподобный Савватий, мощи которого были обретены в месте захоронения и перенесены на Соловки в годы игуменства преподобного Зосимы (†1478).

³⁸ Песня, которую Николай Ростов пел на именинах Наташи Ростовской («Война и мир» Толстого).

³⁹ Здесь – пленка.

⁴⁰ Последняя буква дореволюционного русского алфавита.

⁴¹ Алфавит.

⁴² Вторая англо-бурская война (1899–1902) южноафриканских республик против Британской империи.

⁴³ Столб-указатель, расположенный напротив Святых врат Соловецкого монастыря на берегу Бухты Благополучия, несколько раз упоминается в «Неугасимой лампаде» Ширяева.

⁴⁴ Прит. 12.10.

⁴⁵ Возможно, имеется в виду статья в газете «Новые Соловки» от 4 апреля 1926 г., в которой рассматривался вопрос о категориях соловецких заключенных и особом подходе в перевоспитании к каждой из них.

⁴⁶ Одна из самых высоких гор Канады и США – гора Святого Ильи (5489 м над уровнем моря), вершина которой постоянно покрыта снегом.

⁴⁷ Дом.

⁴⁸ *Борис Емельянов* (1903–1965), поэт, отбывавший заключение на Соловках. Ему посвящен этот очерк Ширяева.

⁴⁹ Фортификационное сооружение с северной стороны Соловецкого монастыря.

⁵⁰ Лагерные слухи.

⁵¹ В 10-й счетно-канцелярской роте УСЛОН содержались в основном представители интеллигенции и дворяне, из которых набирались канцелярские работники, специалисты и медицинский персонал.

⁵² «*Минус*» – запрет для бывших заключенных на проживание ближе 100 километров от Москвы, Ленинграда и еще нескольких крупных городов.

⁵³ Ст. 66 УК РСФСР в редакции 1922 г. карала за шпионаж в пользу иностранных держав.

⁵⁴ Пьеса С.А. Найденова «Дети Ванюшина» (1901).

⁵⁵ Один из главных героев романа Дж. Дюморье «Трильби» (1894).

⁵⁶ Возможно, отголоски судьбы *Льва Ильича Мечникова* (1838–1888), примкнувшего в 1860 г. на Сицилии к гарибальдийской экспедиции «тысячи» и, действительно, участвовавшего в боях за Неаполь; см.: *Мечников Л.И.* Записки гарибальдийца / под ред. М.Г. Талалая. – СПб.: Алетей, 2016.

⁵⁷ «*Учиться на медные деньги (гроши, пятаки...)*» – говорилось о человеке, получившем недостаточное образование; самостоятельно проложившем себе дорогу в жизни.

⁵⁸ *Николай Герасимович Савин* («корнет Савин»; 1855–1937) – русский преступник-авантюрист.

⁵⁹ *Виктория* (*Виктория-Ньянза*, *Укерева*) – озеро в Восточной Африке. *Генри Мортон Стэнли* (1841–1904) – британский журналист и путешественник, исследователь Африки.

Послесловие

Лагерная проза Бориса Николаевича Ширяева увидела свет в 1925–1926 годах в журнале «Соловецкие острова» (1924–1926, 1930) и газете «Новые Соловки» (1924–1930). Эти издания были созданы лагерной администрацией для освещения «исправительно-трудовой политики Соловецких лагерей; воспитательно-просветительской работы, как метода этой политики; вопросов местной экономики и промышленности; изучения северного края и Соловецкой старины; быта заключенных»¹.

Как писал один из соловецких узников, Д.С. Лихачев, эти культурные начинания были инициированы по распоряжению местного начальства и служили целям оправдания его преступной деятельности. «Идеи журнала, газеты, театра и пр. – были идеи начальников лагеря, хотевших представить СЛОН – исправительным раем»². Впрочем, академик отмечал, что «они не только спасли жизнь многим интеллигентным людям, но позволили не прекращать до известной степени жить умственной жизнью»³.

Биографическая повесть Ширяева «1237 строк» несет на себе печать двусмысленного положения заключенных, как бы ретуширующих своим творчеством творившиеся на Соловках беззакония, но вместе с тем раскрывает особенности эпохи конца 1910-х – начала 1920-х годов и проясняет основы авторского мировоззрения.

Эпоха запечатлена массой оттенков и деталей, многие из которых вызывают вопросы. Так, рассказывая о Москве, автор одновременно упоминает организованный в начале 1918-го года Викжедор (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников) и «черносоленную» газету «Вечернее время», которая была запрещена в ноябре 1917 года, но выходила в 1918–1920 годах на территории, занятой белыми армиями. Это затрудняет определение календарного года повествования. Того же рода несовпадения встречаются и при описании других событий, что вообще является особенностью литературного творчества Ширяева. Писатель подчас сознательно трансформировал известные ему факты ради акцентирования тех или иных идей.

Время у Ширяева из исторического фона превращается в главную действующую силу произведения. Бесстрастное и неуклонное в Москве, призрачное и дочеловеческое в туркестанских песках, на Соловках оно стирает границы столетий и обращается к грядущей вечности. Отношение к времени как к изменяющейся величине, отображающей не столько длительность, сколько уникальность человеческого опыта, указывает на увлечение Ширяева философией Анри Бергсона, в котором он сам признавался. Другой связью с учением французского философа можно считать уже упомянутое стремление писателя к целостному восприятию и непосредственному переживанию мира. Ширяев тяготел к сказанию, преданию, былине, вследствие чего к его книгам стоит подходить «как к литературе не о жизни, а о житии, в центре которой – коллективный “Угодник Божий”, Святая Русь»⁴.

«1237 строк» можно рассматривать как прообраз самого известного произведения Ширяева, «Неугасимой лампы» (1954), в которой спустя почти три десятка лет нашли свое окончательное разрешение поставленные в лагере вопросы.

Оба произведения объединяют общие сюжеты (например, смерть гусарского полковника Базилевского во время конной атаки красноармейцев, о которой в «Неугасимой лампе» от первого лица рассказывает соловецкий военком И.Я. Сухов), но еще более многочисленные общие символы. Олицетворяющая Святую Русь лампа и непоруганный образ Святой Руси – Китеж-град; Рождественская звезда (или сусальный ангел), которая становится путеводной в буквальном смысле этого слова, когда напоминает автору о далекой родине и возвращает его к ощущению реальности посреди среднеазиатской пустыни.

К числу мотивов, объединяющих эти произведения, относится и тяготение к древнему

благочестию. «Понимала Русь не по-книжному, не буквенно, не догмой – сердцем. Понимала, верила и жила. И будет жить, и будет светить народам пасхальной жертвенной лампадой. Страданиями очистишься. Кровью омытые, теперь опалимся огнем на жертвеннике. Как агнец», – говорит автор устами одного из героев повести.

Эта, малозаметная, как будто проходная фраза из подцензурного издания становится лейт-мотивом «Неугасимой лампы» и повторяется в ней на самые разные лады:

Я думал... нет... верил, знал, что пока светит это бледное пламя Неугасимой, пока озарен хоть одним ее слабым лучом скорбный лик Искупителя людского греха, жив и Дух Руси – многогрешной, заблудшейся, смрадной, кровавой... кровью омытой, крещенной ею, покайной, прощенной и грядущей к воскресению Преображенной Китежской Руси. <...> Преображение требует искупления. Искупление – жертвы. Соловки и все рожденные ими, покрывшие Русь Голгофы были жертвенниками искупления, на которые лилась и льется кровь, на которых сияли и сияют многие лампы...⁵

«1237 строк» начинается с описания русской жизни в момент, когда главный герой повести ротмистр Алексей Шахов прибывает из окопов в Москву. Копытающийся в грязи инвалид войны, сцена самосуда, вести с фронта, вести о разграбленных усадьбах... Все это перемешалось на улицах и в домах древней столицы, пронизанных ощущением иллюзорности существования и страхом смерти, который страшнее самой смерти. «Знаешь, в лесах бабье лето бывает, – говорит героиня произведения. – Как будто бы тепло, и как будто бы все стеклянное такое, хрупкое. И в этом смерть. Листья еще растут, даже цветочки синенькие зацветают... Только все это не радуется, не живет».

Соловецкая тема вступает неожиданно, с появлением инок Авраамия, который рассказывает легенду о чудесном явлении святых угодников: митрополита Филиппа, патриарха Никона и Авраамия Палицына. Связанные с Соловками, они сыграли заметную роль в пору былых испытаний, а в годы новой смуты призывают к строительству «великого вселенского храма». Идея строительства, материалом которого служат души праведников, укоренена в христианском сознании. Сам Иисус Христос является краеугольным камнем, который из века в век отвергают неверующие и который кладут в основание своей души верующие люди (Мк. 12, 10), именуемые апостолом Петром «живыми камнями» (1 Пет. 2, 45). Автор древнейшего памятника христианской письменности дает развернутую картину строительства Небесной Церкви и характеристику составляющего Ее материала:

Камни квадратные и белые, хорошо прилаживающиеся своими спайками, это суть апостолы, епископы, учителя и дьяконы, которые ходили в святом учении Божиим, надзирали и свято и непорочно служили избранным Божиим. <...>. А камни, извлекаемые из глубины и полагаемые в здание, спайки которых приходятся к прочим камням, уже вошедшим в здание, это суть те, которые уже умерли и пострадали за имя Господа...⁶

Образ соловецкого инок, призывающего к созиданию храма человеческой души, – *альтер эго* главного героя и самого писателя. Облаченный скорее в шутовской колпак, нежели в монашеский клобук (что вполне естественно для публикации в советском печатном органе), он периодически даже конфликтует с ротмистром, но в конце концов сливается с ним. На это указывает заключительная подпись, гласящая, что автором произведения является «Соловецкой обители инок Филипп».

Значительная часть повести посвящена описанию боевых действий Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России, к которым Ширяев присоединился после своего отъезда из Москвы. Показана постепенная деградация участников войны. Пределом падения становится антропофагия. Использование данного термина («не настоящее, нереальное, выдуманное слово»), возможно, отсылает к мысли великого русского писателя, прозвучавшей в его про-

роческом романе: «О, пройдут еще века бесчинства свободного ума, их науки и антропофагии, потому что, начав возводить свою Вавилонскую башню без нас, они кончат антропофагией»⁷.

Борьба за обустройство нового мира оборачивается богоборчеством и братоубийством, она ложится проклятием на всех участников междоусобной брани. Местом раскаяния, искупления и преображения становится для них Соловецкий монастырь, где сплетаются века, а стремительно меняющееся время безвластно над неизменными законами божественного бытия.

Теме преображения посвящены и остальные произведения лагерного периода. Вместе и по отдельности, они отражают не только конкретные исторические реалии Соловков, но и выявляют непреходящие особенности соловецкого «хронотопа». Речь идет о небольших зарисовках, которые рассказывают об уголовниках и падших женщинах, монахах и незадачливых, но по-своему выдающихся «контрреволюционерах» из числа «бывших» людей, которых было так много на Соловках.

Московский вор-карманник Васька Жгун («Густая тишь») случайно попадает в рыболовецкую артель, где узнает правду жизни в монолитном, спаянном тяжелым трудом коллективе тружеников моря. Образ ловцов рыб, многозначительный сам по себе и предполагающий массу возможных интерпретаций, является и ярким соловецким образом: основатели беломорской обители – преподобные Зосима, Савватий и Герман испокон веков почитаются как покровители рыболовства – важнейшего промысла жителей северного Поморья. Сохранился этот промысел и в лагерное время. В «Неугасимой лампаде» одна из рыболовецких артелей упоминается в главе «Сказы камней», где идет речь о чудесном спасении военкома Сухова. Основу артели составляли оставленные на архипелаге вольнонаемные монахи и заключенное духовенство, во главе которого стоял священномученик Илларион (Троицкий). Известна шутка этого прославленного иерарха и выдающегося богослова: «Вся подает Дух Святы и: прежде рыбаки богословцы показа, а теперь наоборот – богословцы рыбаки показа». Соловки – место самых неожиданных перемен в судьбах людей, примером чего можно считать и случай с Васькой Жгуном.

Меняется на Соловках и бывшая обительница московской панели Сонька-Глазок («Тетрадь “Соньки-Глазка”»). В лагере она начинает писать стихи, которые выводит в школьной тетрадке и с детской доверчивостью ожидает поощрения от профессионального писателя. Позже, в «Неугасимой лампаде», Ширяев подробно расскажет о своей работе сотрудником воспитательно-просветительной части (ВПЧ УСЛОН) на Анзере – втором по величине острове Соловецкого архипелага. В бывшем Троицком скиту содержались неспособные трудиться на общих физических работах заключенные. Среди них в 1920-е гг. выделялись столичные проститутки, которым Ширяев вместо спускаемых сверху агиток читал произведения классической литературы: «Я им по особому признаку подбирал, – делился он со своим приятелем Б.А. Глубоковским. – “Страсти-мордасти” – провал, а “Манон”⁸ – полный сбор с аншлагом! Да как! Ревмя ревели! Я сам обалдел от удивления»⁹.

Сонька-Глазок упоминается в «Неугасимой лампаде» несколько раз. «Гибкая и стройная, как танагрская статуэтка, под хрустальную россыпь Моцарта», она полностью перевоплощается в подлинную Манон Леско в постановке лагерного театра¹⁰. А в главе «Фрейлина трех императриц» вчерашняя грешница гоеет на Страстной седмице и тайно причащается из рук заключенного священника, а позже добровольно отправляется ухаживать за больными в тифозный изолятор и уже «не выходит из барака смерти»¹¹.

Не исключено, что Сонька-Глазок является собирательным образом, как и некоторые другие герои «Неугасимой лампы», и отражает скрытую в любом человеке способность к преображению.

Еще одним примером внутренней метаморфозы выступает иеромонах Ардалион («Болотный попик»), который к моменту встречи с автором провел на Соловках четверть века. Прибыл он сюда юношей по обету, в качестве трудника-годовика, а по окончании срока решил никуда не уходить и остаться здесь. Ардалион сросся с местом, где «пятнадцатый век слился с двадца-

тым», стал плотью от плоти соловецких камней. Не случайно начало своего иноческого жития монах отсчитывает от престольного праздника Спасо-Преображенской обители, ставшей местом преображения для многих поколений русских людей.

Эпиграфом к циклу «Юродцы в сумерках» стал отрывок из стихотворения Николая Клюева – поэта, близкого Ширяеву своим мифотворческим подходом. «Я же ищу в людях лика и венца над головой... Лику кланяюсь и венца трепещу. Так и живу, радуясь тихо... Да знаменуется и на мне грешном свет от Лика Единого»¹², – писал поэт в декабре 1922 года; слова эти были созвучны стремлению Ширяева выявить образ Божий в насельниках Соловков.

На первый взгляд их образы могут показаться еще менее реальными, чем Васька, Сонька или отец Ардалион, хотя в героях рассказов легко узнаются известные по «Неугасимой лампаде» поэт Борис Емельянов («Анахронический заскок») и первый режиссер лагерного театра Иван Андреевич Арманов («Улиткины рожки»).

Другие герои лагерных произведений вообще лишены имен («Бродяжья абевега», «Жалостная чертовщинка») или названы именами литературных персонажей: Вертер («Ду-ду в елани»), Мюнхгаузен («Соловецкий Мюнхгаузен»).... Эта деперсонализация указывает на еще одну особенность проживаемого ими времени и обживаемого пространства. Как вспоминал Д.С. Лихачев:

Характерная черта интеллигентной части Соловков на рубеже 1920-х и 1930-х гг. – это стремление перенарядить «преступный и постыдный» мир лагеря в смеховой мир. <...> Настоящие каэры (контрреволюционеры) центральной части Соловков всячески подчеркивали абсурдность, идиотизм, глупость, маскарадность и смехотворность всего того, что происходило на Соловках – тупость начальства и его распоряжений, фантастичность и снопоподобность всей жизни на острове¹³.

В своих литературных опытах Ширяев стремился также возвысить своего читателя над миром нравственных страданий и физических мучений, дать им некое высшее разрешение. Несмотря на несовершенство собственной веры, в своих исканиях Ширяев был вполне созвучен представителям заключенного на Соловках духовенства, жизненное кредо которых выразил священномученик Владимир Лозина-Лозинский (1885–1937):

Над этим полным страха строем,
Где грех, и ложь, и суета –
Мы свой надмирный город строим,
Наш мир под знаменем Креста.
Настанет день и час расплаты
За годы крови и тревог,
Когда-то на земле распятый
На землю снова снидет Бог.
С Крестом как символом спасенья,
Он воззовет и рай и ад:
И, се, расторгнутся каменья;
Се, бездны тайны возвестят.
<...>
Тогда, о Боже, к смерти, к ранам,
Ко всей их скорби мировой,
Теперь Тобою осиянным,
Мы, люди, бросимся гурьбой.
Твоя любовь есть бесконечность;
И ради их, нас не кланя,
Ты, Господи, введешь нас в вечность
Невечереющего дня¹⁴.

В свете такой эсхатологической перспективы становится понятным то место, которое у Ширяева занимали христианские мотивы. И главный среди них – Пасха. Мистическое переживание Пасхи необходимо отнести к важнейшим событиям жизни самого писателя, а также к ключевым эпизодам повествования «Неугасимой лампы», которые наряду с другими религиозными сюжетами написаны от первого лица и передают глубоко личное восприятие происходящего. Одно из Пасхальных богослужений было совершено на Соловках, где началось внутреннее преображение автора, другое в Италии, где он создал свое наиболее известное прозаическое произведение, ставшее плодом зрелых духовных размышлений.

Принципиальным отличием «Неугасимой лампы» от более ранних произведений Ширяева можно считать не только полученную за границей свободу творчества, но и внутренний духовный переворот, произошедший с писателем. Лагерная проза, по собственному признанию автора, создавалась в период, когда он мог писать только «о слезах и крови, страданиях и смерти», а наиболее глубокая книга – «Неугасимая лампа», – после духовного преображения, благодаря которому «дивная, несказанная прелесть преображенного Китежа засияла из-за рассеянной пелены кровавого, смрадного тумана»¹⁵.

Однако уже в лагерной прозе у Ширяева кроме описания «слез и крови» заметно стремление увидеть в человеке лучшее. Герой Ширяева не ограничивается ролью статиста в этом мире, но становится живой творческой силой, преображающей и самого себя, и этот мир.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тюкина С.Л. Севера пронзительный язык (поэзия на Соловках во времена лагеря) // Соловецкое море. 2002. № 1. С. 125.

² Лихачев Д.С. Автографы из книги «Неугасимая лампа» // Сайт «Фонд им. Д.С. Лихачева» (<http://likhachev.fond.spb.ru/Images/avtograf/lampada.htm>).

³ Он же. Воспоминания. – СПб.: Logos, 1995. С. 164.

⁴ Талалай М.Г. Русская судьба XX века: каторга, ссылка, изгнание // Воспоминания соловецких узников, 1923–1939. – Соловки: Соловецкий монастырь, 2013– ...; Т. 1: 1923–1927. С. 198.

⁵ Ширяев Б. Неугасимая лампа. – Соловки: Соловецкий монастырь, 2014. С. 133.

⁶ Ерм. Пастырь // Писания мужей апостольских. – СПб.: Амфора, 2007. С. 258–259.

⁷ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. В 2-х тт. – Харьков: Фолио, 2012. Т. 1. С. 268.

⁸ «Страсти-мордасти» – рассказ М. Горького; «Манон» – повесть аббата Прево «История кавалера де Грие и Манон Леско».

⁹ Ширяев Б. Указ. соч. С. 398–399.

¹⁰ Там же. С. 118–119.

¹¹ Там же. С. 321–332.

¹² Ключев Н.А. Словесное древо. Проза. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2003. С. 56.

¹³ Лихачев Д.С. Воспоминания... С. 171.

¹⁴ Поэзия русских святых / Сост. диакон Георгий Максимов. – М.: Православное Миссионерское Общество имени прп. Серапиона Кожеезерского, 2012. (Цит. по: Мамлина Н. Стихи святых и новомучеников – izdatsovet.ru/psroc/detail.php?ID=99669).

¹⁵ Ширяев Б. Указ. соч. С. 459.

О грехе. О свободе

О грехе

Иногда и помысливший только что-то греховное – хуже сделавшего; потому что помысливший не считает нужным в этом каяться.

Преп. Ефрем Сирин (306–373)

...Как за телом тень, так за душой следуют грехи, явственно изображающие ее дела.

Свят. Василий Великий (330–379)

Не за всякий грех несем одинаковое наказание, но от какого легче воздержаться, за тот и наказываемся больше.

Сатана извратил естественный порядок: греху он дал решительность, а покаянию – стыд.

Преступно не столько делание греха, сколько бесстыдство после греха.

Свят. Иоанн Златоуст (ок. 347–407)

Всем людям свойственно грешить. Различие между людьми бывает в степени угрызений совести после греха.

Витторио Альфьери (1749–1803)

Всякий грех происходит или от сластолюбия, или от сребролюбия, или от славолюбия.

Преп. Дорофей, авва Палестинский (VI в.)

Прочувствовавший свой грех – выше того, кто молитвой воскрешает мертвых; кто сподобился видеть самого себя, тот выше сподобившегося видеть ангелов.

Преп. Исаак Сирин (ок. 640 – ок. 700)

Видеть свои грехи в их множестве и во всей их гнусности действительно есть дар Божий.

Св. прав. Иоанн Кронштадтский (1829–1908)

Грех – разрушительная сила – и прежде всего для своего носителя; даже физически грех потемняет, искажает лицо своего носителя.

Не умеющим видеть свои грехи рекомендуется обращать внимание – какие грехи видят в них близкие люди, в чем упрекают. Почти всегда это будет верное указание на наши действительные недостатки.

Если мы видим грех [в ближних], значит, сами причастны к нему, и именно к *этому* греху. Осуждает ли ребенок кого за разврат? Он не *может* [его] видеть. То, что мы *видим*, мы отчасти имеем.

Иерей Александр Ельчанинов (1881–1934)

Грех не в темноте, а в нежелании света.

Марина Цветаева (1892–1941)

...Любовь есть смиренное забвение о себе, что она есть отдача себя для других: для Бога и детей Божиих. Грех же, наоборот, есть «память о себе» и забвение других, самоутверждение и самоугождение, грубо-физическое или тонко-душевное. Поэтому все грехи есть большой или малый отказ от любви, большая или малая гордость.

Всякий грех вливает воду в вино веры, и чем больше воды, тем меньше вина.

Сергей Фудель (1900–1977)

Грехи любезны доводят до бездны.

Русская поговорка

О свободе

Человек свободен от необходимости и не подчинен владычеству природы, но может свободно самоопределяться по своему усмотрению. Ибо добродетель независима и сама себе госпожа.

Свят. Григорий Нисский (ок. 335–394)

Знание добродетели вложил Бог в нашу природу, но осуществление ее предоставил нашей свободе. Если бы Бог все сделал даром природы, мы остались бы без венцов и наград. Ибо совершенства естественные служат к похвале и чести не обладающих ими, а Давшего их.

Свят. Иоанн Златоуст

Чистая и подлинная свобода – вовсе ни в чем не иметь нужды; и это, будучи выше естества человеческого, божественно. Вторая после нее свобода – иметь нужду в немногом; и это возможно и доступно людям. Поэтому постараемся достигнуть второй свободы, так как первая для нас пока еще недоступна.

Преп. Исидор Пелусиотский (ум. ок. 449)

Поклонение кресту, позорному орудию казни, отобрало христианству самых внутренне свободных людей.

Иерей Александр Ельчанинов

Те, кто громче всего требуют свободы, хуже всего ее переносят.

Честерфилд (1694–1773)

Пожертвовавший свободой ради безопасности не заслуживает ни свободы, ни безопасности.

Бенджамин Франклин (1706–1790)

Самое большое рабство – не обладая свободой, считать себя свободным.

Иоганн Вольфганг Гёте (1749–1832)

Самые глубокие противоречия между людьми обусловлены их пониманием свободы.

Карл Ясперс (1883–1969)

«В борьбе обрешь ты право свое»: это теперь заменило собою: «послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя...»*. Сейчас человек думает, что выражает и исполняет себя «гневным воплем», тогда как этот последний, будучи в сущности сродни злу, как раз ничего и не побеждает. Свободен только тот, кто «послушлив»: этого совсем не знает, не понимает наше время, несмотря на весь свой пафос свободы. Эпоха бунтующих рабов, сменившая эпоху высокого «послушания» свободных людей.

В сущности «Запад» страшен. Страшен своим фарисейством, своим отождествлением свободы с наживой (на днях какой-то правый сенатор: «Мы должны помнить, что начала свободного рынка, наживы и свободы неразделимы», – и все это с нравственной, героической ноткой в голосе <...>). Где, когда началось это падение? Где, когда он отрекся от себя? От того огня в себе, что «...просиял над целым мирозданием, И в ночь идет, и плачет – уходя...»***. Когда такой нестерпимой, дьявольской фальшью стали звучать его разглагольствования (и христианская в нем риторика) – о «свободе», «справедливости», «равенстве» и т.д.?

Прот. Александр Шмеман (1921–1983)

* Лозунг партии социалистов-революционеров (эсеров); здесь – в широком, обобщающем смысле.

** Фил. 2, 8.

*** Из стихотворения Фета «А.Л. Бржеской».

Размышления над Евангелием:
страницы протоиерея Сергия СТАЦЕНКО

Последние слова Спасителя

Одиннадцать же учеников пошли в Галилею, в гору, куда повелел им Иисус, и, увидев Его, поклонились Ему, а иные усомнились. И приблизившись Иисус сказал им: дана мне всякая власть на небе и на земле. Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь (Мф. 28, 16-20).

Именно с этих слов Иисуса Христа, последних перед его Вознесением, начинается жизнь человека в Церкви: они произносятся во время совершения Таинства Крещения.

Этот евангельский текст звучит непрерывно. Он читается на воскресном Всенощном бдении через каждые десять недель. Слова эти звучат иногда и во время Божественной Литургии.

В этом тексте присутствует до боли знакомая формула: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», произносимая при крещении и при проповеди. Здесь же Спаситель дает нам особую поддержку, обещая быть с нами все время до окончания самого времени.

Но сейчас хочется обратить внимание на то повеление, которое находим в этом отрывке, поскольку оно касается каждого из нас, сознательно исповедующих христианство: *...Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа.*

Порядок слов – порядок действий

«...Идите, научите все народы...» Здесь звучит первая – миссионерская задача для каждого из нас. Мы, православные христиане, оказывается, призваны к научению целых народов или хотя бы нескольких людей, даже одного человека*... Мы должны подвести людей к принятию крещения – то есть в *Таинственную* составляющую нашей работы. Крещение, по словам Господа, не является последней точкой взаимодействия проповедника и слушателя – далее должно следовать более подробное и, судя по смысловому построению фразы, длительное обучение тому, что Господь «повелел нам», – то есть *пастырскому окормлению*. Заклучая фразу, Спаситель дает

* См. пример евнуха царицы Эфиопской (Деян. 8, 27-40).

нам некоторое ободрение и утешение в деле обращения людей к Царствию Божию, уверяя нас, что он с нами во все дни до скончания века – и это истинно так...

При историческом формировании Христианской Церкви указанная последовательность была, пожалуй, единственной методической основой в просветительской работе, которая стремительно расширила границы христианского мира.

А что сейчас?

Где сейчас учительная составляющая в жизни хотя бы только нашей Русской Православной Церкви?

Вопрос, увы, риторический... Эта составляющая была практически исключена из жизни Церкви. Причин много, и в первую очередь мы разучились проповедовать потому, что Церковь долгое время была частью государства, что в Византии, что в Российской империи. Прихожане прикреплялись к храмам с момента рождения, и работать для собирания паствы не было смысла.

Почти исключенной из жизни Церкви можно назвать и заключительную, пастырскую составляющую миссионерской заповеди Христовой. Это уже связано с проблемой малочисленности и загруженности священства.

Таким образом, в современной жизни Русской Православной Церкви из последовательности возрождения во Христе: *Миссия-Таинство-Пастырство* полноценно действует только вторая составляющая. Отсутствие первой, миссионерской составляющей, где человек должен приобрести начальные и необходимые знания о Христе и Его Благой Вести, увы, не позволяет адекватно и полноценно усваивать пастырские советы, которые призваны помогать ему продвигаться в духовной жизни.

Богословие проповеди

Этот перекос в жизни Церкви, к сожалению, привел ко многим печальным последствиям, и в первую очередь к потере множества душ для вечности. Но *невозможное человекам возможно Богу* (Лук. 18, 27), и эту ситуацию нельзя называть фатально необратимой.

Утешением и назиданием в этом может служить и ветхозаветная история еврейского народа. Библия нелицеприятно повествует о его многочисленных отступлениях, но она же показывает, как Господь возвращал *«жестоковыйный народ»* к Себе. *Это есть тень будущего, а тело – во Христе* (Кол. 2, 17). Иными словами, история пребывания в Законе, который имеет *тень будущих благ* (Евр. 10, 1), позволяет быть уверенным в том, что и в нынешнее, новозаветное время, когда *«будущие блага»* стали реальностью, с помощью Божией возможно возвращение отдельных людей и целых народов на путь служения Богу. Будущее возвращение своих соплеменников на путь спасения предсказывает первоверховный апостол Павел: *...Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении, <...> что ожесточение произошло в Израиле отчасти, [до времени], пока войдет полное [число] язычников; и так весь Израиль спасется, как написано: придет от Сиона Избавитель, и отвратит нечестие от Иакова* (Рим. 11, 25-27).

Необходимость духовной заботы в первую очередь о тех, кто окружает нас, показана и в следующих словах апостола Павла: *...Мы получили благодать и апостолство, чтобы во имя Его покорять вере все народы, между которыми находитесь и*

вы, призванные Иисусом Христом» (Рим. 1, 5-6). Апостол язычников говорит здесь о проповеди для всех народов. И на заре этой проповеди выделяет тех, кто призван Спасителем, но по недостаточности веры, знаний, усердия нуждаются в «покорении апостольском». Как пишет иерей Олег Стеняев:

В Писании говорится об семье как о домашней церкви <...> Следовательно, именно дом, в котором мы живем, и то влияние, которое мы оказываем на окружающих, – является решающим началом миссионерского служения. Не уделяй мы должного внимания домашним нашим, тогда обесценивается любое служение наше в Церкви*.

Надежда на возвращение наших близких к спасительному пути не должна заставляться в области мечтаний. Мы сами должны встать в положение *«рабов для Иисуса»* (2 Кор. 4, 5) и заняться повторным благовестием – миссией внутри существующей Церкви, *внутренней миссией*.

Внутренняя миссия

Образцом выполнения внутренней миссии является Сам Спаситель и Его апостолы. Во многих местах Священного Писания приводятся слова Господа: *...Я послан только к погибшим овцам дома Израилева* (Мф. 15)**.

Проповедуя вместе с учениками среди иудеев, Христос говорил о готовности народа принять слово благовестия, сравнивая его с созревшим урожаем. *Не говорите ли вы, что еще четыре месяца, и наступит жатва? А Я говорю вам: возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве* (Ин. 4, 35).

Проповедь среди близких, по слову Спасителя, является долгом, исполнение которого приводит к жизни вечной. Трудami предыдущих поколений народ уже обрел какое-то представление об истине; осталось только «сжать» посеянное другими: *Жнущий получает награду и собирает плод в жизнь вечную, так что и сеющий и жнущий вместе радоваться будут, ибо в этом случае справедливо изречение: один сеет, а другой жнет. Я послал вас жать то, над чем вы не трудились: другие трудились, а вы вошли в труд их* (Ин. 4, 35-38).

Для исполнения *всякой правды* (Мф. 3, 15), нужной для людей, Христос посылал учеников в первую очередь для обращения израильского народа: *Сих двенадцать послал Иисус, и заповедал им, говоря: на путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите; а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева* (Мф. 10, 5-6).

Исполнение этой правды требует от нас идти наипаче к погибающим овцам дома Нового Израиля – Новозаветной Церкви. Прозревая неверие большинства соотечественников, Спаситель говорил и о внешней миссии среди других народов: *Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь* (Ин. 10, 16).

* Стеняев Олег, свящ. Этические особенности преодоления проблемы (Особенности миссионерского подхода) // Сборник статей по церковной миссии (<http://www.klikovo.ru/books/49849/49861.html>).

** Сравните: *...А женщина та была язычница, родом сифофиникиянка; и просила Его, чтобы изгнал беса из ее дочери. Но Иисус сказал ей: дай прежде насытиться детям, ибо нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам* (Мар. 7, 26-27).

Но все же боль Христа и Его забота во время земной проповеди были направлены на единоплеменников по Его человеческой природе: *Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!* (Мф. 23, 37). Именно такой подход должен служить нам примером в нашем проповедническом служении.

Отсюда смысл миссии Православной Церкви заключается в том, что она не нацелена только на передачу интеллектуальных убеждений, нравственных идеалов, но на передачу опыта Богообщения, жизни общины, существующей в Боге. Троичное понимание миссии состоит в проекции на человеческие отношения отношений, которые существуют внутри Святой Троицы, – то есть, любви.

«Пусть батюшки работают...»

А теперь давайте мысленно зададим себе вопрос, *кто* же должен заниматься проповедью. Обычный прихожанин скажет, что это дело священников, поскольку на это они и посвящены в сан.

Согласен. Мы с себя этой обязанности не снимаем.

Но какую аудиторию может священник охватить? В лучшем случае мы, священники, можем донести свои мысли до прихожан, пришедших на воскресную Литургию. Но они уже воцерковлены, или, по крайней мере, так предполагается. И проповедь эта будет услышана только в пределах храма. Дальше храмовых стен она не пойдет.

Можно ли говорить в таком случае о том, что совершается апостольское служение? В лучшем случае – мы просто мотивируем прихожан к духовной жизни.

Что же делать?

Ответ прост: возвратиться к древней практике Церкви апостольских времен, когда обязанность проповедовать ложилась на всех членов Церкви. В 9-м члене Символа Веры, где говорится о Церкви, обозначено одно из ее свойств – *апостоличность*.

Это понятие имеет два смысловых значения. Первое – что наша Церковь основана самими апостолами Христовыми и генетически, по принципу передачи благодати Святого Духа, ведет от них свое происхождение.

А второй смысл выражен в том, что апостолом в Церкви должен быть каждый христианин. И никто нас от этой обязанности не освобождал!

Это не значит, что каждый из нас должен пуститься в дальние странствия с котомкой. Апостольское служение может быть разнообразно. Почему бы не начать проповедь в своей семье? Тем более что как раз внутри нашей «домашней церкви» – в семье – мы встречаемся чаще всего с наибольшим количеством проблем. Это не обязательно безбожие, это элементарный эгоизм, разгул страстей, алкоголизм и многое другое. Почему бы здесь не попробовать рассказать о Христе, причем делать это, перелаывая себя, с любовью и лаской. Почему перелаывая? Да потому что слишком хорошо мы знаем друг друга, как облупленных, а потому обычный разговор, как правило, сводится к попрекам. Здесь же нужно действовать в духе апостольском. И такая новая форма разговора как минимум заинтересует наших

домашних. А как максимум – мы можем привести еще одну или несколько душ ко спасению.

Апостольское слово о Христе может прозвучать не только дома. В повседневности нас окружает масса людей, и не все они слышали о Евангелии. Проповедь может звучать и в сети Интернет, и с помощью других форм коммуникации. Только напрягай ум и прикладывай фантазию!

При этом не надо гнаться за иноверцами и выискивать язычников. Мы находимся в уникальной ситуации, когда миллионы человек приняли Крещение, но до сих пор не знают, во имя Кого и для чего вообще. В этом направлении мы имеем просто безграничные просторы для нашего служения...

Богословское утешение проповедникам

Новозаветные Писания, следуя традиции, заложенной еще в Ветхом Завете, не обходят стороной и вопрос воздаяния за благовестнические труды.

...Как написано: как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое!» (Рим. 10, 15). Возвращение заблудшего человека к истине во Христе определяет благую участь проповедника даже в вечности. *Братия! если кто из вас уклонится от истины, и обратит кто его, пусть тот знает, что обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов* (Иак. 5, 19-20)

В древней Церкви человек проповедующий был даже в большем почете и уважении, чем человек, совершающий Таинства. Проповедь считалась самой почетной или, можно сказать, «элитарной» частью служения Христу. По слову апостола: *Достоинство начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении* (1 Тим. 5, 17).

Очень часто мы боимся просто заговорить о своей вере, стесняясь отсутствием талантов в публичной речи. Но Откровение Божие, переданное нам в Писании и Предании, требует от нас хотя бы начать, приложить все имеющиеся таланты: ибо Бог даже *«намерения целует»**, и если коснется испытание, то *спасение не минует благовестника*.

Бывает, что проповеди препятствует «совесть» проповедника, обличающая его (или ее) в недостаточной вере и уверенности в нужности своего служения. Но и в этом случае первоверховный апостол дает нам утешение: *Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться...* (Фил. 1, 18).

Очень сложно проникать в глубины замыслов Божиих, что ограничено для нас пределами Откровения. Возможно, в словах апостола Павла, когда он говорил о перспективах обращения к Сыну Божию иудеев (Рим. 11, 25-27), содержится оптимистическое предсказание итогов и нашего внутреннего благовестия. Возможно, ему дано было увидеть ликующий праздник веры в завершении исторического существования нашей Вселенной. Пока же это не наступило, станем, как нас призывал Господь в Своих последних словах перед Вознесением, *идти и учить – во имя Отца и Сына и Святого Духа*.

* Из огласительного слова на Пасху святителя Иоанна Златоуста.

Иерей Сергей КРУГЛОВ

«Царство Божие – здесь»

*Избранные записи в Фейсбуке последних лет**

Времечко...
Остро сжало внутри: немало поют в электричках, но никто не поет просто так, ради удовольствия.

Если поют – то собирая деньги.

Не осуждаю, потому что трудятся... просто – примета времени такая.

Быв в Третьяковке (впервые в жизни), дыша русским воздухом, радуясь открывающимся картинам как давно любимым друзьям, – долго стоял у... у всего буквально, но долее всего – у «Проповеди в сельской церкви» Перова.

Общее место – мол, 1861 год, намек на отмену крепостного права и проч. (хотя знаменитая арка с библейской цитатой про властей была написана позже), и что говорил сам автор, объясняя смысл картины совету Академии: «Увлечённый высокими красотами св. Златоуста, его разительными доводами и сравнениями, его немолкаемой карой проступкам всякого вида, я решился в этой картине изобразить смысл одной из его проповедей на тему 64-й беседы, причем старался показать степень её действия на различные характеры, на бедность и богатство, на юность и старчество, хотел выразить двойное понимание её, бедные слушают с упованием... богач заснул в креслах, пользуясь правом сидеть в церкви, в известных случаях данным по преданию от св. апостолов; а его жена занимается светским разговором. Священник, указывая одной рукой на небо, обещает надежду одним, другою рукою указывая на богача, говорит о наказании, ожидающем злых...», – это всем известно... Меня же пригвоздили к себе две фигурки и два лица – мальчика и девочки.

Всмотритесь в них (эх я дурень, считавший некогда, что достаточно и репродукций... оригинал надо рассматривать, оригинал!..).

Про этих двоих написано было исследователями вроде: «...Наиболее удачны фигурки детей с их чинными позами; обращает на себя внимание вопросительное

* Продолжение. Начало в № 2 (XLIII), 2017.

выражение лица девочки на первом плане (значения слов стоящего на амвоне батюшки она и мальчик помладше рядом с ней не понимают)».

Да как бы не так.

Всё понимают, я же вижу.

Эти двое – вековые «мы-с-тамарой-ходим-парой»: русская Правда и русская Святость; русская Непримируемость и русское Всепрощение; соль – тяжкая – земли и соль – летучая – небес...

Он смотрит вдумчиво и прямо, трезво и сильно – в сторону; она, вся светясь – истово и вознесённо – ввысь...

Это мальчик-Революция и девочка-Церковь.

Это – вся Русь.

...Мальчика – погляжу внимательно вокруг – давно уж нет... вырубили, выжгли, выморили в лагерях, споили технарем, извели идеологиями мальчика.

А девочка – жива.

Я ее часто встречаю.

Беседуя с друзьями, пытались одним словом назвать то, как именно должен жить и выражать свою веру воистину народный благочестивый православный верующий, и нашли сие слово: ПРИКЛАДЫВАТЬСЯ.

Там и сям в Фейсбуке вывешивают фото объявлений с мест ремонта и проч., в которых (объявлениях) у граждан испрашивается прощение за «предоставленные неудобства» – мол, как смешно, тут услуга – а тут неудобства, вот безграмотные-то.

А меж тем в работе священника, совершающего исповедь, оное словосочетание вполне может быть употребимо – если речь идет о епитимии.

*Се раба Господня, буди Мне по глаголу Твоему...**

Благовещание – день исцеления нашей свободы, начавшей болеть и умирать когда-то через грехопадение Адама.

Едучи в метро, видел женщину, лет более чем средних, в платочке и длинной юбке, с постным лицом; она сжимала в руках толстую книгу в черном переплете с серебряными буквами на корешке, глаза ее были возведены в подземные небеса метро, а бледные тонкие губы слегка шевелились... Совершенный вид молящейся! подумал я. А в руках, конечно же, Библия или толстый молитвослов...

Я протиснулся поближе, напряг зрение, чтоб прочесть надпись на корешке, и прочел: «Спрут»**.

Вот оно как, подумал я.

А женщина продолжала сидеть, не переменяя позы и выражения лица, – не о комиссаре ли Каттани возносила она моления свои?..

* Лк. 1, 38. (Здесь и далее прим. ВС.)

** Книга Марко Незе, написанная по мотивам сценария одноименного многосерийного телефильма о борьбе с сицилийской мафией; главный герой – комиссар Каттани.

Великая Суббота. Простите, если немного не в кулично-яичную тему...

Остро как-то всё сегодня... весна, ветер, небо.

Думаю (не думаю даже, а переживаю вдруг): что, христианство – вот это? колокола, купола, традиции, куличи, быт, годовой праздничный цикл, говения, соборования, погребение, регламентированность исповеди-причащения как «показатель», оправославленность быта, культура-политика – жизнь?.. Для жизни – вот такой?.. Или для жизни, которая только еще – будет, христианство – выравнивание, исправление, пропалывание себя, чтобы встроиться в будущий лучший мир, мыслимый нами как Царство Небесное (как соцсоревнование: мы вызываем их, они – тех, кто готов, кто взял вес и высоту – тот достоин, а кто не успел – тот опоздал)?.. Или христианство – засученные рукава, кормление голодных и лечение больных, которому нет конца в этом мире, и всегда в этом деле есть место для тебя, альтруизм и служение-служение-служение?.. или то? или – вон то?..

Вроде бы все приметы всего этого – и еще много чего – есть в христианстве; но вместе с тем, разобрав всё это на мелкие элементарные части, христианства можно там не найти ни в чем. И даже собрав потом все части и слепив в единое – можно не найти...

И не то, и не то, и не то, и не то.

Апофаза, вот что. Невыразимость.

И свобода.

Христос воистину свободен, и где Он – там свобода.

Дух дышит где хочет, и жить без него никак, смысла нет, но и – не ухватить, не показать твердо пальцем: «вот это».

Непосильно; неотменимо.

В чем-то о. Софроний Сахаров глубоко прав: христианином нельзя «жить», христианином можно только «умирать».

После концерта народных песен, который задали у нас на Вербное великолепные девицы ансамбля «Лучина», вышел у нас разговор. Человек, которому очень понравился народный русский госпел*, высказал мысль: здорово! весь этот свинг, драйв такой... но, видимо, когда недостает церковной благодати Духа, люди невольно пытаются восполнить это своим кровавым разгорячением, экстазом, пытаясь приблизить к себе небесное; вот же и иудеи так страстно молятся, раскачиваясь, и пр.

Не знаю... мне кажется, что радостно плясать перед Богом, как Давид перед скинией, – *достойно и праведно есть* (конечно, в любом деле можно перегнуть палку, и у всякой вещи под небом в мире сем есть тень, но не о том речь...).

Сегодня, в ходе одного разговора, коснулись современной апостасии**; в контексте сего рассказали, например, про норвежскую священницу (конфессию не помню), которая решила, что хлеб и вино – это анахронизм и вообще – артефакты

* *Госпел* (от англ. «Gospel music» – евангельская музыка) – жанр духовной христианской музыки, появившийся в конце XIX века и развившийся в первой трети XX века в США.

** Вероотступничество.

знойного юга, викингам не свойственные, а на суровом Севере – есть свои, родимые, и причащала прихожан... снегом и льдом. А равно, будучи активной продвинутой феминисткой, посчитала именование Отца, Сына и Святого Духа – сексизмом и покрестила взыскующего крещения «во имя Первопричины, Следствия и Взаимосвязи».

...Ну что тут скажешь.

Подумалось только вот что: ну и нехай у них священники – а у нас зато в храмах свещницы! И оные свещницы имеют силы, напора и могутней харизмы столько, что куда там ихним священникам!..

Подумалось: ересь – попытка ограничить полноту, выбрать из неохватимого – своё... С этой точки зрения все мы, человеки, в той или иной мере – еретики.

Ибо как можем в полноте охватить – Сущего, Который *везде Сый и вся исполняй?*..

Современным несторианам*, имже несть числа, хорошо бы вспомнить: Христос – не только Человек.

Но и Бог.

Бог *больше* меня, *выше* и *шире* меня; я не могу Его понять всего... но от этого Он не становится – чужим.

Он – кровно свой мне.

Вот этот невероятный, непредставимый факт – *растит* меня в рост.

Буквально, одной рукой берет за голову, другой за ноги и – тянет, и меняет, аж связки трещат..

И я – *меняюсь* – из того, кто есть вот сейчас, в того, кем должен быть, каким задуман ИМ.

Холод; все в унынии и ропоте – «где же весна?!..», а ветки под окном – распускаются зелеными листочками, безмолвно, терпеливо, без всякого ропота.

Они истинно живут на Земле, исковерканной, но все еще хранящей творческое Слово шестоднева.

А мы, люди, где... словно бы на убывающей Луне.

Сегодня спали плохо: дом у нас панельный 9-этажный советской постройки, слышимость как сквозь бумагу. Соседи снизу гулеванили до 2-х ночи (причем раньше оттуда такого не замечалось, живут какие-то вроде бы солидные люди, с детьми... а тут чего-то, не знаю... куда-то детей видимо дели, вот и). Савка, как особо чувствительный, спал в наушниках.

Так вот... они как-то так гулеванили – без музыки, сперва погудят-погудят, а потом как заорут все дурниной, словно гол забили, – и опять, – что я сделал вывод: в карты играют. И орут при выигрыше-проигрыше... и кто-то один особо громко и дико орет: «КАКАКАКА!..» Кукарекает проигравший, умозаклучил я.

* *Несторианство* – христологическое учение, осужденное как ересь на Третьем Вселенском соборе в 431 году. Преувеличивало человеческую природу в Христе, полагая, что Христос родился не как Богочеловек, а как человек и до крещения в Иордане был обычным, хотя и праведным человеком.

И вот это как-то более всего и раздражало.

И обычные для всякого, разбуженного среди ночи соседским шумом, мечтательные невольные помыслы, типа ворваться, передернуть затвор помпового ружья и проч., были окрашены именно этим: кукарекай, но кукарекай же правильно!..

Заметил, давно: о чем бы и о ком бы ни молился, а молишься, по сути дела, о себе самом.

«...За паузой стоит вечность. Нам надо иметь паузу. Это тот хлеб насущный, который нам нужен, чтобы остановиться, чтобы размышлять, чтобы оценить наше слово сказанное. Или слово, которое будет сказано. Которое, может быть, не надо говорить».

(Арво Пярт*, из его ответа на вопрос о паузе, в одном интервью)

Поразительно созвучно с тем, что в одном стихотворении написал Сергей Магид о пустыне (стих называется «Второзаконие 31, 1-8; 7, 1-5»), наизусть не помню, но мысль примерно такая: мы стремимся, идя в землю обетованную, стать ангелами, не перестав при том быть зверьми; а промежуток равновесия, в котором мы можем стать людьми, дает пустыня.

P.S. Кот Басё всегда охотно слушает Пярта, выходя и садясь неподалеку от проигрывателя.

Из письма.

«Здравствуйте, Иван!

Думаю, важное дело – иметь при взгляде на свою греховность смирение, трезвость и чувство юмора. Последнее – для снижения собственного пафоса: “ах, я погибаю!..” и неизбежного при сем пафосе отчаяния.

Грех – не столько вина, сколько глубокая болезнь нашей природы. Надо понимать, что хронические болезни так просто не лечатся. Это, конечно, не значит, что надо на них махнуть рукой – но скорее значит, что надо приготовиться к длительному лечению. Да, грехи повторяются раз за разом – но мы не отчаиваемся, верим, что от исповеди к исповеди, шаг за шагом, незаметно, но неуклонно, как прорастает зерно в земле, болезнь лечится. Это испытание, собственно, нашей веры, нашего упования.

Понять главное: лечим не мы сами себя, но Врач; не мы, как бэтмены, спасаем себя – но Спаситель. Надо научиться не “бороться с грехами” – надо научиться быть с Богом, знать Его, жить с Ним, не в одиночку, но с Ним, перестроить свою жизнь и всё свое так, чтоб пустить Его к себе. Отец Шмеман хорошо говорил: мы смиряемся не тогда, когда видим множество своих грехов, но когда видим Бога и как Он смирился ради нас...

Быть с Ним вместе, вместе с Христом. Преодолеть самотное одиночество, гордынное состояние. Почаще радоваться Христу и благодарить Его за то, что Он уже дал (увы, неблагодарность – наш распространенный грех...). Он уже нас спас, Он

* Арво Пярт (р. 1935) – выдающийся эстонский композитор, в 1970-е годы принял православное крещение.

так много дал нам *сейчас* – а мы не ценим этого, смотрим в «будущее», которого нет, ждем игрушек более ярких, унываем, ноем и ропщем, один в один повторяя стиль настроения сатаны-нытика...

А бороться с теми грехами или иными, со всеми сразу или по одному... Пробуйте и так, и так. Только помните: избавиться от греха – не самоцель; повседневный грех – лишь стебель сорняка, срезать его – не штука, ведь глубоко сидит корень и завтра сорняк снова вылезет... Терпение и постоянство. Раз за разом. И – держа в уме главное, о котором выше.

(Это, само собой, не «старческий совет», а просто мои размышления над тем, о чем вы спросили).

И еще одно: лучше больше доверять не своим «ощущениям» («я стал лучше – я стал хуже», «чувствую благодать – не чувствую благодать», и пр.), а Христу и Его заповедям. Больной должен доверять не столько себе, сколько врачу – самолечение загубило гораздо больше людей, чем принесло пользы. Понимаю, что от греха – тошно и отвратно (так и должно быть, грех отвратен), но – тем не менее.

Сегодня записывали на радио передачу с Виктором Куллэ*.

Поразительно... всякий, кто всерьез посвятил себя поэзии, рано или поздно додумывается-доживает-дозревает до примерно сходных вещей... До осознания того, что слово – жизнеобразующий материал, что для человека, что для народа. Что поэзия – это работа над собой, над ничем и никем иным. Что рогатки метки, но жизнь возможна. И что всё и есть, и будет хорошо, только никогда не легко.

«Сегодня я думаю, что неважно, каковы причины ожидаемого апокалипсиса, неважно, чем вызвано беспокойство, значение имеет лишь особое состояние ума, когда человек выискивает причины для отчаяния, осознавая их как бы *ex post*».

(Чеслав Милош. «Свидетельство поэзии. Шесть лекций о недугах нашего века», лекции, прочитанные в Гарварде в 1981–1982 гг.)

Совершенно согласен с цитируемым в книге (ее издало в 2013 году издательство Рудомино, надо бы найти в бумажном виде...) Оскаром Милошем: поэзия присуща самой природе человека, она есть «страстная погоня за Действительностью» и «сакральное искусство Слова, именно благодаря тому, что оно берет свое начало в самой сердцевине Всеобщего Бытия», а еще – о «страшной ответственности» поэзии...

«Шо ви до нас имеете, гражданин начальник?! мальчик-таки сам большой, его уже и спросите!..»

Не знаю как вы, а я, например, не согласен, что в Священном Писании юмору не место.

История, которая читается в Неделю о слепом – одна из любимых в Евангелиях**.

Так и видится диссидент, которого вызвали в КГБ «поговорить», включивший,

* Виктор Куллэ (р. 1962) – российский поэт, лауреат Новой Пушкинской премии.

** Имеется в виду повествование об исцелении слепорожденного (Ин. 9, 1–38).

так сказать, дурака и говорением чистой правды доведший следователя до ярости: «Во грехах ты весь родился!.. пошел вон!..»

Рассказывали про ребенка лет 8-ми, который, пришед из школы, пытал маму: «Мама, ты холерик или пингвиник?»

Могут ли быть люди, которые не хотят Царства Божия?

Могут.

Потому что «земля, небо, между землей и небом война» – а вдруг в Царстве война кончится, а я не знаю, как жить без войны...

И я не знаю.

Но давай потерпим еще.

И еще.

Рано или поздно война кончится у нас с тобой внутри.

А там и про Царство видно будет.

В это и верим, на это и надеемся.

/Память Иова Многострадального/

Думаю вот о чем: мы, православные, подкованные в слушании проповедей и чтении экзегез, навыкли порицать друзей Иова.

Навыкаем мы, это да, ловко, гладко и быстро; растаем навыком, как крепкой желтой мозолью...

А для начала, думаю – услышав про то, что ваш друг страдает, приедьте-ка к нему издалека, бросив свои дела, и посидите молча (молча!) возле него неделю, сострадая и не в силах помочь, а просто – чтоб побыть рядом... после сего уж и начинайте судить. Чтоб быть с ними на равных в богословской пре...

И услышали трое друзей Иова о всех этих несчастьях, постигших его, и пошли каждый из своего места: Елифаз Феманитянин, Вилдад Савхейнин и Софар Наамитянин, и сошлись, чтобы идти вместе сетовать с ним и утешать его.

И подняв глаза свои издали, они не узнали его; и возвысили голос свой и зарыдали; и разорвал каждый верхнюю одежду свою, и бросали пыль над головами своими к небу.

И сидели с ним на земле семь дней и семь ночей; и никто не говорил ему ни слова, ибо видели, что страдание его весьма велико.

– Батюшка, но ведь канонами запрещено в храме рожать!

– Ну да, запрещено. А что?

– А то, что как же вот дьякон возглашает: «о плодоносящих во святых Твоих церквах»?

...

– Батюшка, как перевести вот это место у апостола Павла: «и паки буду надеяться на непаки»? «Вечно буду надеяться на временное», можно так?..

Понятно, что в исполнении невегласных пономарей всё это («и паки буду на-

деяться Нань, и паки»*) местами звучит так, но не в том заноза даже – а в самом вопросе «как перевести», несомом к батюшке. В целомудренном неведении, что можно просто взять да и прочесть русский перевод, из тех, которые худо-бедно, но таки есть.

Много говорят о расцерковлении, об оскудении христианства.

Не претендую на «экс кафедра»**, просто думаю вслух, вот о чём.

Воцерковленность, мню, – это стиль. Поведение, лексикон, внешний вид (крест на груди), участие в таинствах и проч. Но это только средства – во-первых, моего личного обожения, во-вторых, навывковения быть не самому, а в церкви, вкупе с Богом и братьями-сестрами. Средства. А дальше?

А дальше смысл христианства – служение ближним для их обожения, по примеру, данному Христом, – как Он нам, так и мы им. Помощь на общем пути в Царство.

Вот с этим у нас проблемы: с неведением, как служить ближнему... Помогать, когда он голоден и болен? Да, но для христианства – не то, мало.

Надо быть с ним и помогать – на подлинной Божьей глубине.

А вот ее-то я в современниках и не вижу... Вижу мусор, личину, морок, наносное: похоти, фобии, травмы, роли, маски политические, гендерные, культурные и проч. А ЕГО самого – не вижу, и оттого разувериваюсь в ближнем, и не вижу собственно-го смысла церковного во Христе.

Думаю, что в первую очередь это беда моего тупого зрения, моей неглубины.

А уж потом – особенности ближнего и века, в котором мы с ним бытуем.

С Родительской субботой!

Вот опять началось: кого там можно особо в эту субботу поминать, кого нет...

Да дело ведь не в том. Мы ведь своих усопших родных и друзей все равно поминаем всегда, дома или в храме, так к чему эти разговоры.

А в том дело, что это суббота – перед Пятидесятницей, перед праздником дня, тск, рождения Церкви.

И вот мы, вся Церковь, живущие как здесь, так и там, собираемся вместе.

Те, для кого Пятидесятница – значима.

Неделя всех святых, в земле Русской просиявших.

Подумал о том, как всё – близко...

Есть у св. отцов выражение: «золотая цепь святости».

От первых святых нашей земли, собственно нерусских – варяг Феодор и его сын Иоанн, от юношей Бориса и Глеба, до наших дней, до тех святых (от некоторых остались черно-белые иконы в фас и в профиль из следственных дел НКВД), которые чьи-то вот твои – дед, прадед... Золотая цепь, звенья местами в крови, никогда не заржавеет.

* И еще: «Я буду уповать на Него». И еще... (Евр. 2,13).

** *Ex cathedra* (лат. «с кафедры») – римо-католический термин, обозначающий учение Папы, которое он произносит официальным образом. В переносном смысле выражение *ex cathedra* означает «говорить нравоучительным тоном, непререкаемо».

Письмо от Лены Н. (я-то, свинья, редко пишу, разве поминаю ее и крестника Родиона на проскомидии):

«Дорогой Сергей, спасибо Вам за письмо, так рада была получить от Вас известие! Отвечаю здесь, потому что Фейсбук не приемлет больше одного-двух абзацев текста.

Мы-то сами с октября прошлого года находимся в Челябинске, у моих родителей. Наш папечка выгнал нас из дома, а сам дом – продал. Он, к сожалению, не понимает последствий некоторых своих поступков. Я жду, когда можно будет вернуться в Москву. Прожила в ней 15 лет и собираюсь жить и дальше. Но это означает ипотечную каторгу на ближайшие два десятилетия и разлуку с ребенком. Очень страшно думать о будущем. Однако – внешне у нас сейчас все достаточно благополучно. Только Радик до сих пор не ходит в детский сад на полный день, мыкается и мается. Ждем решения чиновников.

Жаль, что в прошлом году не успели побывать у вас в гостях – теперь непонятно, когда это произойдет. Ваши известия такие неожиданные. Зять дезертировал... Это водевильный мотив – но тем, кого он касается, конечно, совсем не до смеха.

Знаете Мишу Н.? Он приехал в Москву из Новосибирска с семьей, кажется, в январе с.г. (Вижу в Фейсбуке: знаете.) У него тоже сейчас похожие проблемы. У меня через некоторое время появятся такие же, когда буду возвращаться. Нам всем нужно поддерживать друг друга – и перейти на «федеральное мышление», что ли, научиться охватывать умом расстояния большие, чем один город, одно место жительства... Вмещать их все в душу. Тогда поездки туда-сюда будут казаться не чем-то радикальным, не разрывами/отрывами, а – будто ездим утром и вечером с работы и на работу. (Пытаюсь сформулировать для себя правильное отношение к собственной бездомности; этот важный опыт может быть полезен и другим людям.)

Сергей, самое главное – берегите, пожалуйста, свое здоровье. Это наименее возобновляемый материальный ресурс. Помню, что у Вас были затруднения с полисом ОМС. Сейчас полис уже есть? :)

Вы пишете: «сильное искушение уехать назад»... Я лишена таких искушений, потому что работу могу найти почти исключительно в столице. Но по большому счету это не вопрос работы – а вопрос переуточнения жизненных целей. Мы ставим перед собой какие-то цели, но их регулярно надо обновлять, уточнять, потому что сам человек меняется, и бытовые ориентиры устаревают.

Обнимаю Вас)) все будет хорошо у Вас и Ваших близких)) жизнь – это что-то вроде похода по грибы, когда в гуще причин для отчаяния нужно искать боровичок – причину для развития.

Сердечно,
ЕН»

«Две ноги на трех ногах, а четвертая в зубах»...

Полетели инструменты поповского делания – ноги (ломают, опухают, особенно трудно стоять службы; а пить надо было меньше) и зубы (сломался протез; новый стоит кучу денег, а без него никак, ибо поп – работник речевого жанра).

У о. Александра Шмемана в дневниках о «качании веток»...

Неуловимая суть жизни; она по инерции все еще почитается *признаком* и маркером, но на самом деле, похоже на то, никому особо не нужна, почти попросту не знакома, как правильное употребление на письме «не» и «ни».

Вычитал тут про православную аскетику, про борьбу с грехом.

Да всё просто на самом деле. Сложности – ни к чему.

Осознавая свои грехи, надо самого себя *претерпевать*.

И второе – претерпевая себя, следить, чтоб претерпеваемое дерьмо не брызгло на ближних.

Вот и всё.

Грубовато, но точно.

(Слова, приписываемые Серафиму Саровскому: «Не судите никого. И себя не судите. Всем нам Судия – Бог»).

Сейчас на литургии помяну новопреставленную Жанну Фриске (р. Б. Анна, так вроде бы в крещении?..). Помяну, как и многих иных, совсем не известных фб-сообществу, известных только моему помяннику.

Разумеется, это не «акция», и творчество ее, каково бы там оно ни было, совсем ни при чем – просто ей, конкретному человеку, думается, это сейчас нужно.

Задумался: почему вокруг сколько-нибудь известных людей, вокруг даже таких обстоятельств их жизни, которые, казалось бы, подобает сопроводить если не сочувствием, то хотя бы уважительным молчанием, бывает столько вскипания глума, как вот вокруг смерти несчастной Фриске? Видимо, потому, что знаменитости для многих – не люди, а знаки, медийные символы...

Расчеловечивание человека происходит в падшем современном мире разными способами.

Расчеловечивая человека, расчеловечиваешься и сам.

Москва высасывает меня.

Никогда не хотел бы жить здесь.

Домой, постоянно хочу домой, – а где он, дом-то?

Кто только и как только не толковал Нагорную проповедь.

В одном сходятся все Августины, Швейцеры, Лютеры Кинги и Савонаролы: ничего из заповедей Нагорной проповеди мы исполнить в своей земной юдоли – не в состоянии.

Все понимают, что заповеди ее не даются нашим силенкам. Но и другое понимают: все они – заповеди Царства – и есть настоящая правда. А не, хоть тресни, все наши компромиссы и отмазки...

Говорю сегодня людям: 22 июня, день, горько памятный народу... Давайте, говорю, молиться, чтоб был мир. Чтоб ни детей, ни внуков наших не будили под утро сирена войны и голос Левитана. Потому что мы христиане, и нам Христос заповедал: блаженны миротворцы, ибо они чадами Божьими нарекутся.

Тетенька потом говорит: «Ну вы нас и озадачили!..»

А я, говорю, при чем. Это ко Христу вопросы. Его заповедь.

Простая, в общем-то.

Заповедь «блаженны миротворцы» также видится неисполнимой. Как и все прочие заповеди Христовы.

Просто потому, что это заповедь о том, как жить в Царстве, а не «как выглядеть правильным».

А многим ли из нас, положи руку на сердце, надо оно, это Царство? В лучшем случае думаем, что это – жизнь загробная, или те пара строчек из Символа веры, который мы наизусть вроде и знаем, от зубов отскакивает...

Если кто считает, что тут «политика» – то я вовсе не про то.

Я про то, как невозможно эти заповеди соблюсти – *мне*, прямо сейчас.

И каждый из комментаторов это знает по себе.

Ну-ка задень тебя за живое – и как тыотреагируешь, какой агрессией? И при чем тут «позиция РПЦ», если всё дерьмо – у *меня* внутри?..

Я думаю только одно: эти заповеди – вышеестественны.

Ни я, никто иной их соблюсти не может.

Только – чудом.

Только Христос, Он Сам.

Неведомо как.

А без них... вся наша жизнь и есть и будет – прискорбна и пуста.

Для бумажной книги воплощение в электронном формате – жизнь загробная.

Как минимум год вижу одного и того же продавца в электричке Ярославского направления, он продает одну и ту же книжку Омара Хайяма и всё никак продать не может, а я всё хочу записать его на диктофон, и всё не запишу, – а стоило бы...

«Кроме того... Сергей Есенин великий русский поэт... Цветаева экзотическая великая поэтесса... Ахматова равнозначная... Николай Гумилев великий поэт мученик за родину... также в наличии среди шумного бала случайно Алексей Константинович Толстой...» (гнусаво и протяжно; знаю наизусть).

Дискуссии в Фейсбуке, оружие всяк своё толпы... тошнота.

Стадо свиней, бросившись с обрыва, вошло в стадо баранов.

Нынче многие ностальгируют в Фейсбуке.

А я вот не ностальгирую, а просто вспоминаю: у нас в школе (закончил я ее в 1983 г. в селе Богучаны Красноярского края) высшим шиком был пластмассовый «дипломат», украшенный наклейками ГДР-овскими с изображениями «красавис».

Однажды я задумался: кто были эти «красависы», как именно их склоняли к фотографированию на наклейки, какова их судьба вообще...

И как эти наклейки похожи на овальные кладбищенские фото...

Думал, что обычай носить напоказ авторучки во внешнем кармашке рубахи или куртки – в прошлом; ан нет, есть.

Вспоминаю бабульку одну.

Пришла раз: «Батюшка, я вот грешу сильно, молитвы-то не исполняю все как положено...»

Знаю ее как церковнейшую, еще того, прежнего поколения.

Удивился, как мол так.

А она в самом деле чуть не плачет.

«Дак вот, положено молиться “о ненавидящих и обидающих нас” – а мне и не о ком...»

Сама деревенская, и соседи ее грызут, и родня пьет, высасывает копеешную пенсию.

Напоминаю о сих, вот же мол и враги, о них и молитесь.

Внезапно захихикала, как-то почти кокетливо, зарумянилась, блеснула на меня голубёхонькими глазками: «Да ну!.. Какие это враги. Это ж наши всё, деревенские... прости их, Господи...»

Слова напитаны множеством смыслов; они порой – видится – разбухают от них, разваливаются, как советских общепитовских времен бумажные стаканчики, переполненные влагой...

Так и со словом «послушание».

Кто-то в него вкладывает смысл инфантильный, а кто-то – взрослый, ответственный, тот, о котором говорили преподобные отцы, отдавшие себя Богообщению, канувшие в «темную ночь» и вернувшиеся оттуда, те, к чьему опыту мы (ну, не все «мы», но многие) даже прикоснуться не очень можем, только разве присмотреться...

Из рубрики «Частное мнение» на радио «Вера»:

Если спросить первых встреченных на улице прохожих: «Скажите, какими вы представляете православных верующих и служителей Церкви?», то наверняка многие скажут: «Люди эти всегда одеты в черное, говорят только о покаянии, грехах, адских муках и тому подобных скорбных вещах, они всегда серьезны, пафосны и никогда не шутят».

Откуда у обывателей такое представление о Церкви и верующих? Ну, во-первых, мы сами, именующие себя православными, чего греха таить, нередко даем им повод, когда являем собою примеры недоброжелательства к инакомыслящим, неумения вести с ними диалог, нетерпимости, нелюбви, осуждения ближних. А во-вторых, такова сама природа юмора: юмор всегда снижает градус пафоса, принижает нечто возвышенное. А ведь Церковь Христова – самое возвышенное из всего, что есть в нашей жизни, все представления о высоком, небесном, о главных смыслах бытия в нашей культуре происходят из христианства. Разве могут христиане шутить? Не оскверняют ли они, не умаляют ли тем самым величие Христа и Церкви?

Без сомнения, способность смеяться дана человеку самим Богом. Добрая шутка порой спасает человеку жизнь, мы знаем тому немало примеров, об этом свидетельствовали люди, прошедшие войну, лагеря, имевшие опыт тяжелой болезни, суровых жизненных испытаний. Шутка имеет терапевтический эффект: действуя как жаропонижающее на воспаленные чувства, снижая пафос ситуации, она способна человеку, впавшему в отчаяние и не видящему выхода из тупика, указать этот выход, дать понять, что мир широк, а жизнь – гораздо больше, чем видится нашему воображению, загнанному в угол отчаяньем, страхом, тревогой, потерявшему веру в лучшее. Сам Бог обладает чувством юмора – достаточно перечитать иные страницы Библии. Есть слова одного христианского писателя: «Вы сомневаетесь, что у Бога-Творца есть чувство юмора? Но взгляните хотя бы на страуса».

Конечно, в шутке, как и во всем, важно чувство меры. Если шутка причиняет кому-то боль, вместо разрядки напряженности увеличивает ее, переходит в бессмысленный стёб, зло издевается над чьей-то святыней, то она из лекарства обращается в яд. Есть хороший христианский признак того, доброкачественна ли шутка: это – умение посмеяться над самим собой, над своими предрассудками, страхами, обидами, над преувеличенным самомнением. Такой шутки, обращенной на самого себя, не выносят наши грехи, прежде всего – наша гордыня, такая шутка для нее – как жгучий йод для воспаленной ранки. Такая шутка смиряет нас, то есть отрезвляет, возвращает нам реальное видение мира и самих себя в этом мире. Не зря сказал один православный человек: «Что такое святость? Это, прежде всего, смирение – плюс чувство юмора».

Михаил КАЛИНИН

Следы в пыли

...Вся ценность этого очерка, если она есть, – в его биографическом срезе, без претензии на объективность. Так, отдельные картинки, наблюдения, зарисовки. Глиняная мозаика, которая, возможно, сложится в некий рисунок.

...Ташкентская школа № 180, в которой я учился в 80-х, носила имя Омара Хайяма.

На третьем этаже висел его большой портрет, под ним – даты рождения и смерти и изречение:

Учению не один мы посвятили год.
Теперь учить других пришел и наш черед.

Как и полагалось в советской школе – назидательно, педагогично и с моралью.

Уже закончив школу и учась в институте, я вдруг вспомнил эту надпись. До меня дошло, что это – отрывок из четверостишия.

Стало интересно, как же оно звучит целиком.

Я не поленился перелистать Рубайат, чтобы отыскать нужное четверостишие. Зная Хайяма, я не сомневался, что буду вознагражден за терпение. И не ошибся.

Полностью текст выглядел так:

Учению не один мы посвятили год.
Теперь учить других пришел и наш черед.
Какие ж выводы из этой всей науки?
Из праха мы пришли, нас ветер унесет.

О русских (русскоязычных), живущих в Средней Азии, могут написать только они сами. Для россиян-автохтонов они – как австрийские или чехословацкие немцы для немцев, проживающих в Германии, после катастрофы Первой мировой войны: их как бы нет... их не существует в культурно-историческом пространстве, они – инопланетяне. На уровне мироощущения русские, жившие на протяжении

нескольких поколений в Средней Азии, как 10 000 пленных легионеров Красса, навсегда исчезли для внешнего мира. Они прожили и проживают свои жизни, но словно бы внутри черной дыры, в некоем герметичном, полностью замкнутом культурном и смысловом пространстве. И вырываясь за его силовой барьер во внешний мир, они на своей исторической родине обнаруживают себя инопланетянами.

Мне друзья в России не раз говорили, что я – азиат, что это очень чувствуется в разговоре. Не акцент, нет, – но та особенность поведения в беседе, когда я прощаиваю реакцию слушателя на свои слова до того, как что-то сказать, и в итоге заранее «скругляю» возможные углы и шероховатости. У местных этого нет в помине, рубят в лоб.

общежитие в Самарканде; нет горячей воды
ребята на кухне греют воду в кастрюле
«зачем вам кастрюля? все равно не хватит ополоснуться?»
«нужно помыться; намаз нужно совершать чистым», – объясняют мне, снисходительно, но по-доброму

ночное дежурство в типографии
пожилой сотрудник-узбек при наступлении темноты разворачивает узелок с едой,
заваривает чай
он строго держит дневной пост до тех пор, пока черную нитку на улице не отличишь от белой
предлагает мне разделить с ним ночную трапезу, молится перед едой
он знает, что я христианин, а православный или протестант – это слишком сложно для его простой головы
как и мне трудно понять столкновения шиитов и суннитов
нам интересно разговаривать друг с другом, и мы никогда не спорим

я родился и вырос в семье, говорящей на русском
моих родителей занес в Среднюю Азию тот же ветер, что Максима Максимыча на Кавказ
я благодарен за мудрость здешних жителей – они смогли понять,
что русские – это Максимы Максимычи
легко приспосабливаются к обычаям тех народов, среди которых живут
принимают и любят их такими, какие они есть, оставаясь при этом самими собой

я благодарен Азии за уроки совместного проживания
за дух кротости, миролюбия и гостеприимства, который стал для меня символом мусульманства
русские, выросшие в Азии, получили уроки терпимости
которые делают их миротворцами в любом месте, куда бы их ни занесло
и я благодарен за то, что другие замечают во мне это свойство

Мама жила под Прилуками. Когда началась война, ей было четыре года. Немцы подошли так быстро, что эвакуировать все население власти не успели. На станции оставался один-единственный товарный состав. НКВД оцепило привокзальную площадь, туда пропускали только женщин и детей. Мама, бабушка и прабабушка прошли за оцепление и смогли сесть в вагон. Самое трудное было помочь забраться прабабушке. Вагон был набит людьми, женщины, дети и старухи стояли

прижатые друг к другу. Было жарко. Состав тронулся. Стемнело. И тут начался ад. Поезд угодил под бомбежку. Очевидно, это были зажигательные бомбы, потому что пылал весь состав. Сгорели все вагоны – кроме последних двух. Мама была в предпоследнем. Кое-как женщины смогли открыть тяжелую дверь и в темноте, под грохот взрывов и треск огня, под страшные крики горящих людей все стали прыгать – падая, ломая руки и ноги. Мама не помнит, как они смогли выбраться, но помнит множество огненных фигур, бегущих и падающих.

Мамины воспоминания о войне – воспоминания ребенка, который помнит все как страшную сказку, отдельными моментами. Она помнит, как шли пешком по шпалам. Стучались на ночлег в двери придорожных домов. «А, жида! Нет места, уходите». Впрочем, в одном доме их пустили на ночлег. Мама очнулась от того, что ей в лицо лилась ледяная вода. Бабушка каким-то чудом проснулась и почувствовала угарный газ. Она сгребла в охапку маму, вытащила на улицу, потом выволокла прабабушку. Холодной водой из колодца привела обеих в чувство. Соседи решили, что убегающие от немцев евреи имеют при себе драгоценности, и решили их уморить ночью, закрыв вытяжку из печи. Женщины были в таком ужасе, что, придя в себя, побежали оттуда, несмотря на ночную темень.

(Насчет драгоценностей: был чемодан с вещами первой необходимости, только то, что бабушка могла унести, – мама и прабабушка тяжести тащить не могли.)

Снова шли пешком, их подсаживали в полуторки. Снова поезда... Добрались до Средней Азии. Здесь произошло чудо – бабушке удалось устроиться бухгалтером в МТС под Андижаном. Ей, помимо оклада, выдавалась ежедневно кастрюлька с супом. Благодаря этому все три не умерли с голода в первую, самую тяжелую зиму, когда Узбекистан был переполнен беженцами и количество денег и ценностей, вынесенных людьми на рынки, сделало совершенно невыносимыми цены на продукты питания.

...Прошло 76 лет. Маме – девятый десяток. У нее завидное здоровье и бодрость для своих лет. Она по-прежнему живет в Ташкенте, подрабатывает, занимаясь с детьми соседей по школьной программе от 1 до 7 класса, на русском и узбекском языках.

Ее сын второй год живет в Туле, в сталинке, построенной после войны немцами-военнопленными. Можно сказать, историческая справедливость отчасти тем самым восторжествовала. (Мама родилась в семейном особняке под Прилуками, построенном на гонорары от выступлений ее прадеда, талантливого еврейского скрипача).

...«горе тому, кто препирается с Создателем своим, черепок из черепков земных! скажет ли глина горшечнику: “что ты делаешь?” и твое дело скажет ли о тебе: “у него нет рук?”»

завпроизводством рассказал, как сидели за пивом с немцами-учредителями сокрушался, что они наотрез отказывались разговаривать о войне сидит в них этот комплекс вины, вбитый с детства, даже подвыпив, говорят – мы не хотим об этом разговаривать

тема достаточно сложная, соглашаюсь я
если бы не их дедушки, топавшие по Украине в 41-м
моя мама с бабушкой и слепой прабабушкой не оказались бы в Средней Азии с одним чемоданом на троих
остались бы живы мои родственники с маминой стороны в Украине и в Польше

мама прожила бы совсем другую жизнь, вышла бы замуж не за русского парня –
был бы солидный еврейский жених из хорошей семьи, свой особняк, счастливые дети
они бы сегодня жили не в Средней Азии и даже не в России
но при этом раскладе не родился бы я!

так что для меня та война – зло или благо?

мысленно я наливаю бокал пива и говорю грустным немцам – ауфир воль!
уцелевший еврейский ребенок цитирует вам в переводе на русский строки иврита:

«горе тому, кто говорит отцу: “зачем ты произвел меня на свет?” а матери: “зачем ты родила меня?”

(думаю, по-немецки это звучит не менее выразительно)

видимо, во мне проснулись гены предка-раввина –
на эту мысль меня натолкнули уцелевшие дагерротипы
вывезенные мамой и бабушкой из брошенного особняка
там бородатые лица на дореволюционных снимках
строго и пристально смотрят на меня

но к пророческим книгам меня привел Иисус из Назарета!
поэтому я не повторяю, глядя на черно-белые снимки, сделанные в концлагерях, –
«дочь Вавилона, опустошительница! блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам!
блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!»

лучше я выпью с ними пива и поговорю о жизни

...Дедушка по маме был призван на фронт, но домой с войны не вернулся. Получив тяжелое ранение, он лежал в госпитале, и его окрутила там медсестра, одинокая женщина. Еврей-инженер, с хорошей работой и высоким окладом на гражданке, после тяжелого ранения его должны были комиссовать, с высоким положением и сытным пайком, – такое на дороге не валяется.

Она запретила ему общаться с прежней семьей, ездить, писать. Мама лишь в 30 лет смогла поехать к нему в Питер (тогда еще Ленинград). Войдя в квартиру, она увидела высокого старика. Морщинистое еврейское лицо обрамляла густая белоснежная шевелюра.

«Открой рот! – были первые его слова, обращенные к ней, – зубы покажи!»

Мама послушно открыла рот.

«Ни одной пломбы! – победно заявил папа, – в меня пошла! я тоже до сих пор почти не хожу к стоматологам. Ну, заходи, дочь».

Дед по отцу тоже воевал, отлавливал на освобожденных территориях Украины бандеровцев и полицаев, укрывавшихся в лесах. О войне никогда ничего не расска-

зывал, хотя медалей и орденов хватало. Потом много лет работал в отделе НКВД при Среднеазиатской железной дороге, закончил службу на станции Сырдарья; выйдя на пенсию, осел в Гулистане. Отец и его братья выросли там. Отец и мама познакомились, будучи студентами, на практике под Бухарой. Они устроились на работу в один институт, отец специалистом по дренажу, мама – химиком-технологом. По работе отец изъездил весь Узбекистан вдоль и поперек, все ирригационные системы были ему хорошо знакомы.

«...и назвал он жену Ева, что значит Жизнь»

по-русски – Ева
по-еврейски – Хава
в повседневности – Хавка, жисть-жистянка

мой домисел, конечно

что первым лежал пьяным у себя в доме вовсе не Ной
когда смысл жизни утерян, нужно чем-то заслоняться от этой самой жизни

я помню своего отца
он ругался, слушая разговоры братьев – членов партии
но когда страна развалилась, стал ругаться еще больше
ломать не строить
нелегко видеть, как с водой выплескивают младенца

...

он, чтоб не видеть и не слышать ничего, засел на дачном участке
построил дом, вырастил фруктовые деревья
насадил, как Ной, виноградник

но начались проблемы с соседями на границе
дачный участок был в зоне конфликта
его разрушили банды мародеров
на месте оазиса пролегла пустыня
от дома остался один фундамент

отец выносил книги из дома, чтобы купить спиртное
откуда деньги у пенсионера
без забытья он уже не мог – постоянная боль в ногах, хроническая боль в душе
дешевый алкоголь тот же морфий

я крестился в это время, горячий новообращенный
умел говорить правду, резать по живому, лить уксус на рану
мастер петь веселые песни печальному сердцу
я не умел сидеть рядом и молчать, как друзья Иова
мне казалось это бессмысленной тратой времени

слыша слова отца «вот приду к Нему, все ему выскажу!»
я не слышал боли за ними, только возмущался нескромностью
не успел я понять, что просить прощения нужно, пока человек жив
что толку произносить монологи над могилой

чтоб Хавка стала Евой, нужно иметь жизнь в самом себе
что может сделать помощник, если ты потерял сам себя
мама, как и та жена, родила отцу двух сыновей
слава Тебе, Господи, мы не поубивали друг друга
Ты вовремя за нас взялся
обоих привел к Себе
теперь у нас обоих есть шанс –

истории из Бытия вписаны в детство каждого из нас
лишь комбинации возможностей тасуются как колода карт
но карты одни и те же

говорите родителям слова прощения и любви
пока они живы
для Адама и Евы Авель – это единственный шанс
успеть что-то понять об источнике жизни
который давно засох
но может пробиться из-под завала

книга Бытия не дописана до конца –
каждый из нас дописывает ее сам

...Мне было восемь лет. Были первые в моей жизни летние каникулы. У отца было трое братьев. Много лет спустя младший из братьев, московский опер, погиб при задержании банды за полгода до выхода на пенсию. Умер от тяжелых болезней старший. Третьим ушел отец, пролежав сначала полгода в параличе после инсульта. Четвертый из братьев жив и по сей день.

Но тогда все были живы и здоровы. У всех были семьи. Не помню, у кого из них появилась идея – съездить с детьми на каникулах на Арнасайские озера. Это интересное место, озера лежат практически в пустыне, представляя как бы копию Аральского моря, только гораздо меньшего размера.

Четверо взрослых и полдюжины детей выехали в «Газели» от Джизака вечером. Сначала ехали по дороге, потом свернули с нее и двинулись по песчаной степи, переходящей местами в невысокие барханы. К утру машина сломалась, не доехав до озер. Рядом находился лишь один из окружающих озера солончаков – неглубокий водоем с теплой глинистой водой, в которой можно было купаться, но пить невозможно. Тут выяснилось, что основной запас воды был в брезентовом мешке, который оказался с дырой, и всю ночь вода потихоньку вытекала сквозь щель в днище кузова... Осталась небольшая железная фляга, которой, учитывая жару и количество людей, должно было хватить от силы на день. Отец и старший из дядей, оставив детей под присмотром младших братьев, пошли на поиски людей. Они понимали – времени мало.

...Я помню, как быстро мы выпили воду. Уже после обеда фляга опустела. Спустя года три я прочитал повесть Экзюпери о том, как его самолет упал в пустыне и они с напарником неделю выбирались, идя по пескам без воды. Он описывал все свои ощущения, галлюцинации обезвоженного организма. Я, хотя мы просидели без воды всего день, читал это с очень личным отношением. Особенно тот момент,

когда он описывал, как их нашли арабы и поставили перед ними, лежащими (стоять они уже не могли) таз с водой. Я тоже помню то ощущение, когда напился наконец.

Отец со старшим братом прошли очень много. Наконец старший упал – он был курильщик со стажем, – и сказал: я больше не могу, иди дальше один. Времени мало, вся надежда на тебя. Отец пошел дальше. Хотя уже не шел, а тащился. Он знал – он не может позволить себе упасть. Все семейство навечно останется в песках. Их, конечно, найдут со временем, но толку от этого уже не будет. Он почти не представлял себе, куда идет, шел наугад и, наверное, интуиция как-то вела его. Помогало то, что всю молодость он занимался спортом (штангой), был заядлым охотником, физические нагрузки и экстремальные ситуации постоянно сопровождали его по жизни... Он шел и шел под палящим солнцем, перед глазами была пелена, в ушах стоял звон... Внезапно он увидел перед собой людей. Он услышал:

– Валерий Викторович, что вы тут делаете?..

Если бы отец был верующим, его реакцию в этот момент легко можно было бы представить. Но он не верил в Бога, на тот момент, во всяком случае, поэтому после первого изумления пришло понимание: перед ним стоят люди, которые когда-то были у него в институте. Отец был мелиоратор, специалист по дренажу, а эти люди искали в песках газ, нефть, артезианские воды, они разъезжали по Кызылкумам на огромной машине с бурильной установкой на платформе и бурили разведочные скважины, составляя сетку залежей. Они знали отца, он их консультировал... Отец набрел на их стоянку.

Его напоили, он пришел в себя, объяснил им ситуацию. Они тут же завели свою машину и поехали за нами. Сначала выбрали старшего брата. Тот уже лежал без сознания, по нему ползали фаланги. Даже зная, что эти огромные волосатые пауки не опасны для человека, – они неядовитые и питаются насекомыми, разрывая их мощными челюстями, – все же зрелище, по словам отца, было страшноватое. Отпоили и его, доехали до нас, забрали на платформу нашу несчастную машину, рассадили на раме платформы всех нас и с ветерком привезли к себе на базу. Утром, проснувшись, я увидел рядом с собой мирно пасущихся верблюдов – первый раз в жизни не в зоопарке.

помню последние годы жизни вместе с родителями перед женитьбой
после которой мы с женой переселились в однушку – наследство от бабушки

все последние годы жизни в родительской квартире я смотрел с балкона на привычное с детства пространство двора
запертое со всех сторон панельными четырехэтажками
где в центре на тахте под деревом неизменно сидел старик из дома напротив с нардами и чайником чая
его собеседники и партнеры по игре менялись, но он всегда, изо дня в день, сидел на своем месте –
летом в рубашке, в теплые солнечные зимние дни в чапане

я настолько привык к нему, как к неизменной части дворового пейзажа
что удивлялся, если, выходя на балкон, не видел старика на его обычном месте

как-то, после свадьбы, придя к родителям, я по привычке вышел на балкон старика не было на его обычном месте, и я вдруг спросил у мамы, что она знает о нем

мама сказала –
его старший сын работает в Европе и высылает ему деньги
его средний сын работает в Штатах и тоже высылает ему деньги
его дочь замужем за богатым зятем, завозит ему продукты, готовит, прибирает в доме
поэтому он сидит каждый день во дворе под деревом, пьет зеленый чай и играет в нарды

если есть великая азиатская мечта, подобная великой американской
то она в телесном облики изо дня в день сидела на тахте у нас под окнами
стуча снова и снова бросаемыми зариками о полированную поверхность доски

я поймал себя на том, что мне нравится эта мечта, вот разве что сыновей у меня нет, только одна дочь
и я слишком беден и незначителен, чтоб рассчитывать выдать ее за богатого зятя
способного покоить старость немощного тестя

с маминой стороны после войны не осталось ни одного богатого еврейского родственника
(печи и рвы уравнили и богатых и бедных)

с папиной, как это часто бывает у русских, они что есть, что их нет
выросшему в Средней Азии русскоязычному полукровке не светит ни американская, ни еврейская, ни азиатская мечта
а что такое русская мечта, я по сей день не понимаю
но если верить настроениям в моей френдленте, суть ее в том, чтоб свалить из России по-дальше

и лишь библейское обещание, что я не останусь в старости заброшен и одинок
(в которое я почему-то верю, хотя и не понимаю, каким образом это возможно, глядя на то, что вокруг)
не зная где, под каким небом, в какой стране, городе, дворе я буду сидеть, подобно этому старику –

только это обещание, пожалуй, я и могу записать себе в актив
продолжив тем самым традицию древних библейских предков

...Имперскость мышления, полностью утраченная нынешним молодым поколением русскоязычных, проживающих в Средней Азии, лишь у некоторых оставшаяся где-то внутри на уровне фантомных болей, у моего поколения присутствовала, неосознанной, неотрефлексированной, как важная составляющая обыденного сознания. Ярче всего это мышление выражало себя в отношении к окружающему: к местной культуре, обычаям, в первую очередь – к языку. Практически ни один из моих друзей и одноклассников не владел узбекским, на разговорном хотя бы уровне. Да, были и объективные причины для этого, не в последнюю очередь – качество преподавания узбекского в русскоязычных школах. Уже работая в издательстве «Укитувчи», я выяснил, что учебники русского языка для узбекских школ были лучшими по методике в республиках СССР, в то время как учебники узбекского для русских школ – худшими. Но главная причина все же – во взгляде на место прожи-

вания как на присоединенную к империи провинцию, знать особенности которой можно, но не обязательно.

Когда я оглядываюсь назад, возникает ощущение, что русские в Средней Азии, пришедшие в нее или родившиеся в ней, подобно евреям в Египте или Вавилоне, проживали свою жизнь с ясным пониманием, что они – на чужой земле. Гостеприимной, незлобивой, мирной – но не своей.

Давнее наблюдение – Средняя Азия не ассимилирует. Она, как слоеное тесто, вбирает в себя пришельцев, и они остаются в ней ценным, но посторонним включением, десятилетиями, если не веками проживая, не растворяясь и не смешиваясь с окружающей средой. Дистанция – этническая, религиозная, культурная, языковая, – сохранялась всегда.

...плеск фонтана перед театром оперы и балета
заглушает уличный шум для окруживших его туристов
вышедших из экскурсионного автобуса
здание театра, построенное в середине прошлого века –
одна из городских достопримечательностей

его создатель студентом мечтал о строительстве храмов
но стал известным советским архитектором
строившим оперные театры по всем городам союзных республик
и здесь, в азиатском подбрюшьи исчезнувшей империи
он оставил на память свое детище

возводили здание пленные японцы
многие умерли – от скудной еды, болезней, тяжелой работы
но трудились по-японски, основательно, аккуратно

в группе туристов преобладает монголоидный типаж
это китайцы

но потомки тех, кто выжил и вернулся обратно на родину, тоже приезжают сюда
нажимают на кнопки мощных гаджетов
увозя гигабайты полноцветной цифровой памяти
вдыхают сентябрьский воздух с запахом палой листвы, холодной пыли
с ароматным дымком из придорожных кафе
пробуют местную самсу и плов

и, стоя на гранитных ступенях, помнящих их дедов и прадедов
задумываются о чем-то

но по их темным лицам, наполовину скрытым за солнцезащитными стеклами
привычно бедным на мимику
ничего не прочесть

Культовый детский фильм «Гостья из будущего» (1986) оказался пророческим. Мало кто из смотревших его, затаив дыхание, обладал достаточным опытом и языковым чутьем, чтобы обратить внимание на слова в песне: «Прекрасное далёко, НЕ БУДЬ КО МНЕ ЖЕСТОКО». Прекрасное будущее, показанное в фильме, скорее вы-

зывало чувство острого сожаления: ну почему не мне предстоит жить в это время? Понятно, что это образ, выдумка, но ведь за ней – мысль, что и в реальности будет что-то прекрасное...

Припев в песне фильма напоминает мольбу, – ведь будущее («далёко») может оказаться жестоким, при всей своей красоте.

«У Ходжи Насреддина спросили:

– Почему ты садишься на осла задом наперед? Спиной к голове осла, лицом к хвосту?..

– Потому что вокруг меня, в настоящем, такая ночь, такая кровь, такая тьма, такое рабство, такая нищета, что мой взор невольно устремляется назад, в прошлое, где бродят все великие Пророки...

Там вечная жизнь... а вокруг меня – тленная, суетная...

Только мой осел глядит в будущее...

Только осел глядит в будущее, алчет, ищет будущего... верит в будущее...»

(Тимур Зульфикаров)

Почему «не будь ко мне жестоко» оказалось пророчеством – вряд ли нужно пояснять тем, кто посмотрел премьеру фильма, будучи ровесниками персонажей.

Вот и прожили мы больше половины.

Как сказал мне старый раб перед таверной:

«Мы, оглядываясь, видим лишь руины».

Взгляд, конечно, очень варварский, но верный.

(И. Бродский)

Осмотришься, какой из нас не сваян

Из хлопьев и из недомолвок мглы?

Нас воспитала красота развалин...

(Б.Пастернак)

Есть искушение смотреть на свое поколение как на исторический расходный материал, как на тех, кто выпал в щели разошедшихся пограничных швов, когда старый мех, занимавший одну шестую часть суши, треснул, не вместив нового вина. Но даже если так – разве мы первое из потерянных поколений? У тех, кто оглядывается назад, родившихся и выросших в «интересные времена», есть ощущение, что сейчас – время собирания камней, щедро разбросанных позади. Если и сложится в итоге когда-нибудь новый эпос о схлопывании российской, затем советской империи, о ее постепенном болезненном сжимании в национальное государство, с огромными потерями в этом процессе, – то он сложится из отдельных личных свидетельств и воспоминаний.

«здесь русские как капли сливок в кофе» – написал полгода назад
сливок все меньше со временем, кофе все крепче

сливкам здесь в целом неплохо
можно спорить о том, лучше с ними или без них
но никто не скажет что кофе ими испорчен

но все же их здесь все меньше – просто голое наблюдение
а кофе все крепче

и все меньше сахара в чашке
впрочем, с сахаром всюду проблемы
если верить тому, что читаешь на новостных ресурсах

да и что я вцепился в эту метафору с густым ароматным запахом?
здесь национальный напиток чай

благородный и темный цвет крепко заваренного настоя
не меньше подходит, чтоб отразить эту смуглую
заполнившую дворы и улицы шумную волну
чей цвет все однородней со временем

чай –
вот подходящий образ, куда более серьезный и древний
чем заморский напиток из перемолотых зерен

чай тут пили всегда без сливок и без сахара

Тула, 23 февраля.

За окном сыплет снег. Мы с родителями жены сидим за столом, в центре которого тарелка с башней блинов, отмечаем День защитника и масленицу сразу.

Жена в ходе разговора (а разговор о войне, о воевавших, у нее оба деда дошли до Берлина, реплика дочери: «мое поколение – последнее, которое видело живых ветеранов»), – спрашивает у отчима: а каким образом ты родился в Сибири, как твой отец-узбек там оказался?

Тот впервые за много лет выдает: «а это Отцу народов благодаря».

Выясняется – его отца призвали на фронт в 42-м, и тот из кишлака прямиком угодил в сталинградскую мясорубку. Но выжил. А при форсировании Одера рядом с лодкой разорвался снаряд, и его, оглушенного, выловили немцы.

Попал в плен, сидел во Франции в концлагере, где его освободили союзники, передали, как прочих, нашим. И тут же, как предателя, – в Сибирь, на лесоповал.

Там его и реабилитировали годы спустя. Трудолюбивый непьющий узбек так понравился русскому бригадиру, что тот чуть ли не силой выдал за него свою дочь (та не хотела замуж за него).

В 1961-м он с женой вернулся в Узбекистан.

Жена родила ему, помимо отчима, еще пятерых сыновей, стала баптисткой, до глубокой старости посещала все собрания... но это уже другая история.

...Незадолго до отъезда в Россию мы с женой и дочкой съездили в Самарканд. Дочь никогда там не была, и было бы непростительной ошибкой уехать, не показав ей это сокровище.

Набродившись по историческим памятникам, мы заехали в гости к моей сокурснице, все годы после окончания института жившей в Самарканде. Муж ее занимался сбором сведений о деятельности местной православной церкви начиная с прихода сюда русских. В контексте разговора о нашем отъезде, как и прочих сокурсников, практически полностью сегодня разъехавшихся в ближнее и дальнее

зарубежье, ясно ощущалась, как подводная часть айсберга, более глубокая тема – тема нашего ухода из Средней Азии, где все мы родились и выросли.

«...сатана просил сеять вас как пшеницу». Сколько таких зерен выпало в дыры и прорехи? Но я верю, что никто не забыт и что каждый упавший с головы волос сочтен.

Важно лишь свидетельствовать о своем времени – хотя бы своим детям.

...петляя улочками старой махалли, наткнулся на свежевырытую яму
в центре которой возвышался массивный пенёк давно срубленного платана
пыльный выгоревший на солнце срез был в диаметре не меньше метра

диаметр ямы был втрое больше
но попытка выкопать его наглядно показала тщетность замысла
обнажив основание мощных корней

тут помог бы только динамит, подумалось машинально
но взрыв разнес бы пол-махалли

сколько прожило это дерево
прежде чем жадная рука рубщика до него добралась?
100 лет? или больше?

как бы там ни было, пенёк и дальше останется на прежнем месте
как прошлое, которое не выкорчевать, как ни старайся
чьи корни держат сегодняшний день, скрытые под толщей глины, асфальта и гравия

глядя на этот пенёк я подумал –
ту часть моей жизни что я оставляю здесь, так же не заберешь с собой
ее корни отсюда не вытащить

как рожденный и выросший в южных штатах отправляется на промышленный север
зная, что он не оставит юг у себя за спиной
но принесет его вместе с собой везде, куда б ни пришел –

так и ты, колониальный пасынок, рожденный и выросший в бывшей провинции
когда-то огромной империи
уходишь на хмурый север, на родину языка

зная, что здешний мир уйдет туда вместе с тобой
что это жгучее солнце, щедрое даже осенью
растворившись в твоей крови, согреет тебя теплом
под бледным дождливым небом

Азия, в которой родился и вырос, с терпеливой настойчивой ревностью
молча будет напоминать каждой из мелочей
о том, что ты ее часть, которую не оторвать от нее

никакими усилиями пространства и времени

Бог и художник: диалог с пустотой

О тематическом выпуске журнала «Разногласия»

История журнала «Разногласия», ежемесячного приложения к сайту Colta.ru, была недолгой, но яркой. Он начал выходить в феврале 2016 года и уже весной 2017-го прекратил свое существование. В тринадцати тематических номерах «Разногласия» коснулись нескольких острых проблем современной культуры и общественной жизни: деятельности музеев, устройства городского пространства, социализации художника...

А 6-й номер журнала вышел под эпатазирующей шапкой «Бог умер. Да здравствует Бог!»*.

Комментируя выбор темы выпуска, главный редактор Глеб Напреенко во вступительном слове называет единобожие «скрытой парадигмой нашей современности в любом ее научном и секулярном виде»: Бог «выполняет функцию удерживания тех соединений, в гарантиях которых в противном случае уверенности бы не было». Бог связывает буквы в словах и знаки в химических формулах, а значит, необходим в современном мире. Вместе с тем, по мнению редактора, «религиозная попытка полностью положиться на Бога означает сегодня стремление к забвению, к лишению мира его пиканции, его хрупкости, его подвешенности между смыслом и бессмыслицей, серьезностью и забавой», без чего нельзя представить себе современное искусство. «Ведь оно может существовать лишь постольку, поскольку сомневается в божественных гарантиях собственного смысла... Бога нет – но Бог есть».

На этой зыбкой грани и балансируют авторы номера, пытающиеся вписать Бога в современное искусство.

В статье «Мой бог – Христос, величайший из атеистов» Борис Ключников анализирует творчество петербургских передвижников, обращавшихся к евангельским сюжетам. Особый интерес вызывают у автора питерские живописцы – Ни-

* https://www.colta.ru/storage/rubric/67/raznoglasiya_link_1.pdf

колай Ге, Иван Крамской. В отличие от своих московских собратьев, эти художники не отказывались работать с христианской темой, но делали это зачастую так радикально, что Священный синод запрещал их картины к показу. На полотнах «Христос в пустыне», «Хохот» (Крамской) «Что есть истина?» (Ге) Христос как бы «окунут» в повседневность, низведен до уровня обычного отчаявшегося, угнетенного сомнениями человека.

Старший современник Ге и Крамского Александр Иванов, по мнению Ключникова, также стремится оказаться на одной плоскости с Христом, но делает это иначе: много лет работая над полотном «Явление Христа народу», он превращает жизнь художника в своего рода мессианский проект.

И в том и в другом случае происходит сакрализация творчества и самой фигуры художника, подмена ею Творца, что, в конечном счете, освобождает в русском искусстве дорогу авангарду.

Развивает тему глава из книги Джеймса Элкинса «О странном месте религии в современном искусстве», где автор рассказывает о своем опыте преподавания в Школе Чикагского института искусств.

Спустя полтора столетия, прошедших со времен передвижников, от живописи отлучают уже не за крамольную трактовку евангельского сюжета, а за болезненную реакцию на радикальные, кощунственные с точки зрения верующего изображения Христа. Студентов не принимают в Школу, если их искусство «старомодно или консервативно».

У нас есть религиозные студенты и даже Ассоциация христианских студентов. Эти студенты не часто делают открыто религиозное искусство. Или они находят способ совмещать современное искусство со своей верой, или поступают на более прикладные отделения вроде отделений исторической консервации, визуальных коммуникаций или моды, где они могут более-менее оставить свое религиозное искусство при себе и обучаться практическим навыкам.

Иными словами, религиозное искусство ныне переведено на положение гетто. Нелегко приходится тем художникам, которые пытаются на нейтральной территории творить изнутри религиозного сознания, не препарирова сакральных образов с позиции постмодернизма и не абстрагируясь от них.

Джеймс Элкинс рассказывает историю обучавшейся в его Школе корейской студентки Ким, которая создавала большие шелко- и литографии. Однажды она захотела показать Элкинсу свои «настоящие» работы. На одной из них «была изображена планета Земля, а над ней — черно-синий космос. На Земле Ким изобразила сотню маленьких фигурок, тянущих руки вверх. Руки были преувеличены, а тела, наоборот, уменьшены, так что планета выглядела как свернувшийся ежик. Ладони их были воздеты, как в молитве, но не соединены. Вверху изображения помещалась светящаяся сфера, напечатанная чистым белым, от нее к Земле тянулась одна гигантская рука».

Последовавший затем диалог между преподавателем западного искусства и художницей – носительницей восточной культуры – весьма показателен.

«Ну как?» – спросила она.

Сначала я ничего не хотел говорить о планете с кучей молящихся фигур и большом НЛО с протянутой рукой. «Очень красивая литография, – сказал я. – Прекрасный синий цвет».

«А рука?» – спросила она.

«Да, рука тоже прекрасно нарисована».

<...>

«А как вам по содержанию?» – спросила она. Теперь разговора было не избежать.

«Ну, для тебя она хороша. Но я согласен, что не надо показывать это мастерам. Они не поймут».

Она кивнула и спросила: «Почему нет?»

Ким посещала мои семинары по постмодернизму. Ясно было, что она не вполне справляется с заданными для чтения текстами, хотя и старается. Я знал, что она не понимает классные обсуждения.

«Ну, если говорить в категориях, которые мы обсуждали на занятиях, это будет китч, люди сочтут это слишком сентиментальным».

<...>

«Я думаю, сентиментальность прекрасна, – сказала она. – Она связана с чувствами и эмоциями».

Наставник и ученица говорят на английском, но кажется, что на самом деле их общение протекает на совершенно разных языках.

Статья Марины Симаковой «Как появляется заказ? Заказ появляется по милости Божией» посвящена ситуации, зеркальной по отношению к той, что описана выше. Если Ким пытается творить религиозное искусство в «епархии» современной западной живописи, то герои статьи Симаковой, преимущественно светские художники, производят работы по оформлению российских храмов. Из них «кто-то пришел в церковь в процессе духовных поисков, кто-то – поисков эстетических, а кто-то оказался втиснут в систему отношений с церковным искусством насильно».

Современных художников, людей зачастую нецерковных, храм привлекает своей иррациональностью. «Если сравнивать храм с офисным центром, – говорит архитектор Филипп Якубчук, – то офисный центр – это 1% образа и 99% функции. В храме все наоборот: 99% образа и 1% функции. Если сделать продольный разрез храма, то вы увидите, что внизу тонким слоем по полу размазаны люди, а сверху какой-то нереальный, непонятно зачем нужный объем».

В этой же беседе он вспоминает разговор с исследователем польских послевоенных храмов Кубой Снопекком:

Мы его как-то спросили: «Почему ты исследуешь храмы, если тебя с точки зрения религии эта тема не трогает?». Он ответил: «Потому что я не видел ничего более иррационального. Меня привлекает иррациональное». Пожалуй, иррациональное в церковной архитектуре и есть нечто очень важное. Может быть, это то место, где и прячется вдохновение, благодать, Бог.

По убеждению Якубчука, заниматься храмовым зодчеством может не только воцерковленный архитектор – дело здесь, скорее, во вдохновении и таланте. Более того, иногда прекрасные храмы получаются даже из нехрамовых помещений.

В качестве иллюстрации герой статьи упоминает редкий случай возведения храма в советское время – Никольскую церковь в узбекском городе Кагане, перестроенную отцом Павлом Адельгеймом из обычного частного дома.

Несколько иной позиции придерживается художник Антон Кушаев. Он считает, что человеку, который пытается создать что-то серьезное в области церковного искусства, требуется «укорененность в знании истории христианского и позднеантичного искусства, раннехристианской философии, богословия, которое было напрямую связано с темой возникновения образа. <...> Для большинства современных церковных художников эти вещи вообще не важны, и их работа представляет собой просто иллюстрации или качественное срисовывание со старых образцов».

Помимо трех отмеченных материалов заслуживает внимания в 6-м номере «Разногласий» исследование Игоря Гулина «Святой андроид и диалектика биомассы» – «о материалистических чудесах и религиозном коммунизме позднесоветской фантастики». Автор на примере трех фильмов для юношества («Москва – Кассиопея» (1973), «Отроки во Вселенной» (1974) и «Через тернии – к звездам» (1980)), снятых Ричардом Викторовым, показывает, насколько неожиданно прорастают религиозные идеи в советской научной кинофантастике.

Небезынтересна и статья философа Михаила Куртова «Рассеянность, растерянность, пористость: три режима эстетического», где делается парадоксальное наблюдение о распределении божественного и прекрасного внутри Интернета.

Тематический выпуск «Разногласий» любопытен тем, что его авторы – либо атеисты, либо носители так называемой «бедной» веры, которой придерживается значительная часть современной невоцерковленной интеллигенции. При этом все они – либо художники (в широком смысле слова), либо исследователи феномена эстетического, в искусстве и в повседневной жизни. По роду деятельности они постоянно сталкиваются с «иррациональным», находящимся вне зоны их понимания – но профессиональных инструментов для его постижения у них нет. Бог каждый раз как бы выносится за скобки постигаемого – а значит, и достоверного. По выражению Глеба Напреенко, современный художник находится на ленте Мебиуса. Он подозревает, что у ленты должна быть противоположная сторона, но обречен все время перемещаться лишь в одной плоскости.

Безусловно, во взаимоотношениях искусства с Богом на Западе и у нас есть свои различия. Но если говорить о современном искусстве в целом, то возникает чувство, что оно потеряло из виду Христа. На его месте зияет пустота, заполняемая сомнением, страхами и рефлексией. Для представителя актуального искусства Бог превратился из абсолютной реальности в относительную. Но эта образовавшаяся в искусстве на месте Бога пустота – возможно, самое убедительное доказательство Его бытия.

АВТОРЫ НОМЕРА

ГАЛАК Александр – художник, иконописец. Член Академии искусств Узбекистана. Преподаватель Воскресной школы и работник Свято-Покровского храма в Самарканде. Живет в Самарканде.

ГЕРМАНОВ Валерий – историк, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН Узбекистана. Автор многочисленных исследований по истории и историографии Средней Азии XIX–XX веков. Живет в Ташкенте.

ДОРОФЕЕВ Роман – религиовед, магистр религиоведения. Автор исследований по истории православия и других религий в Средней Азии. Проректор Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

КАЛИНИН Михаил – поэт, эссеист. Работал редактором в издательствах «Укитувчи», «Узбекистон». Публиковался в журналах «Арион», «Звезда Востока». Живет в Туле.

КНЯЗЕВ Григорий – поэт, журналист. Лауреат российско-итальянской премии «Белла». Публиковался в журналах «Знамя», «Новая Юность», «Новый мир». Живет в Великом Новгороде.

КОТЮКОВА Татьяна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела сравнительно-исторических исследований стран постсоветского пространства Института всеобщей истории РАН. Живет в Москве.

Иерей Сергей КРУГЛОВ – поэт, публицист. Автор семи книг стихов. Лауреат премии Андрея Белого, премии «Московский счет» и других. Служит и живет в Минусинске.

МУРАТХАНОВ Вадим – поэт, прозаик, критик. Автор пяти книг стихов. Публиковался в журналах «Арион», «Дружба народов», «Звезда Востока», «Октябрь» и др. Лауреат поэтической премии «Московский счет». Работает в журнале поэзии «Арион». Живет в Подмосковье.

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО – настоятель храма Александра Невского в Ташкенте, проректор Ташкентской духовной семинарии, руководитель просветительского отдела Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

Иеромонах Михаил (СТОЛЯРОВ) – журналист, пресс-секретарь Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

ТАЛАЛАЙ Михаил – историк, кандидат исторических наук. Лауреат Макарьевской премии (2013). Автор многочисленных статей в российских и итальянских периодических изданиях по истории Русской Церкви в зарубежье. Живет в Милане.

Иерей Вячеслав УМНЯГИН – клирик Соловецкого монастыря, редактор сайта монастыря, ответственный редактор книжной серии «Воспоминания соловецких узников». Живет на Соловках.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svyshе@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты — каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо — о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (<http://pravoslavie.uz/archdiocese/departments/dioceses/ePress/Easter/Archive/index.php>); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Требования по оформлению статей

Шрифт Times New Roman, кегль в основном тексте – 12, в сносках – 11. Междустрочный интервал единичный.

Буква «ё» используется только в тех случаях, когда замена на «е» недопустима (например, в фамилиях); во всех остальных случаях – только «е».

Годы обозначаются арабскими цифрами, а не словом (например, «в 1960-е годы», а не «в шестидесятые годы»). Века обозначаются римскими цифрами. Слова «год», «век» и их производные пишутся полностью; в сносках могут сокращаться («г.», «в.»).

Для выделения цитат используются кавычки-елочки («...»). Если внутри цитаты имеются заковыченные слова, они помещаются в кавычки-лапки ("..."). Пропуски в середине цитат отмечаются многоточием в угловых скобках (<...>), в начале и в конце – многоточием.

Цитаты из Священного Писания Ветхого и Нового Завета приводятся в Синодальном переводе; ссылки на них состоят из сокращенного обозначения в круглых скобках библейских книг и указаний на главы и стихи. Пример: (Мф. 5, 47); (Мк. 2, 5-7).

Указания на другие использованные источники приводятся после цитаты или упоминания в виде концевой сноски. Знак сноски (¹, ², ³ и т.д.) ставится перед знаком препинания (точки, запятой, точки с запятой), кроме многоточия.

Сноски оформляются следующим образом:

Для цитаты из книги:

Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. 1997. С. 104.

Для цитаты из статьи в журнале:

Веселовский Н.И. Новые материалы для истории Кокандского ханства // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 248. С. 175.

Для цитаты из статьи в газете:

Алексеев В. Житие отца Василия // Комсомолец Узбекистана, 2 марта 1966 г. С. 3.

Для цитаты из собрания сочинений:

Бунин И.А. Из записей // Бунин И.А. Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1967. С. 288–289.

Для цитаты из сборника статей:

Флыгин Ю.С. Туркестанский восемнадцатый год. Своеобразие конфессиональной ситуации // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков. Сб. мат. – Бишкек, 2013. С. 106.

Харджиев Н.И. Неизданная книга Маяковского «Для первого знакомства» // Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. В 2 тт. Т. 2. – М.: РА, 1997. С. 150.

Для цитаты из изданной за рубежом книги:

Bardaisan. Book of the Laws. Ed. H.J.W. Drijvers. – Assen: Van Gorcum, 1965. P. 61.

Для цитаты из архивного источника:

Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии (АТУЕ). Оп. 2. Д. 15. Л. 4.
Государственный архив города Ташкента (ГАГТ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 315. Л. 21об.

Для цитаты из Интернет-источника:

Никольская Т.М. Иконописный образ, его семантика и символика // Аналитика культурологии. 2011, № 1 (19) (URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/670-icon-painting-the-image-of-his-semantics-and-symbols.htm)

Восток Свыше
Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск XLIV
№ 3, 2017, июль-сентябрь

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Рег. № 02-15

Подписано в печать . . . 2017 г.
Печать офсетная. Формат 60х84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № (от . . . 2017).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz

ISSN 2010-5568